

Александр Борисович Широкопад Тайная история Украины

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654276
Тайная история Украины: Вече; Москва; 2008
ISBN 978-5-9533-3473-0, 978-5-4444-8244-5*

Аннотация

У России и Украины общие корни, общая древняя история. Две страны, теперь разделенные не только государственными, но идеологическими и политическими границами, считают себя прямыми наследницами Киевской Руси, ее славного былинного прошлого. И, казалось бы, вполне естественно, два народа, имеющие общего предка, общий культурный и исторический исток, должны говорить о своем единстве. Однако мы наблюдаем совсем иное – как в политике, так и в исторической науке усиливается противостояние. Два государства ведут многолетний спор о своем прошлом, звучат взаимные обвинения, нарастает отчужденность...

Как появилось название «Украина» и какова история происхождения украинского языка? Какова подлинная история битвы при Конотопе и кто в ней победил? Была ли в действительности Украина колонией Российской империи? Как и при каких обстоятельствах родилась Советская Украина? «Голодомор» – миф или реальность? Об этом и многом другом рассказывается в новой книге историка А. Б. Широкопада «Тайная история Украины».

Содержание

Раздел I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	55
Глава 9	70
Глава 10	79
Глава 11	85
Раздел II	98
Глава 1	98
Глава 2	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Александр Борисович Широкоград

Тайная история Украины

© Широкоград А. Б., 2008

© ООО «Издательский дом Вече», 2008

Раздел I

От Древней Руси к Речи Посполитой

Глава 1

Кто построил ковчег Ноя и египетские пирамиды?

Откуда взялись Украина, украинцы и украинский язык? Официальных указаний из Киева пока нема. Но уже ряд самостийных профессоров и академиков утверждают, что к их созданию причастны внеземные цивилизации.

«Украинский язык – один из древнейших языков мира... Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летосчисления он был межплеменным языком». («Украинский язык для начинающих» Киев, 1992). «Таким образом, у нас есть основания считать, что Овидий писал стихи на древнем украинском языке» (Гнаткевич Э. «От Геродота до Фотия» // «Вечерний Киев» за 26 января 1993 г.). «Вполне возможно, что украинская лексика... несла терминологические, колонизационные, жизнеутверждающие заряды на все четыре стороны Света-Первокрая, осваивая и оплодотворяя иноязычные и малоязычные территории... Мы можем допустить, что украинский язык стал одной из живых основ санскрита... Украинский язык – допотопный, язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков» (Чепурко Б. «Украинцы» // «Основа», Киев, № 3. 1993). «Украинская мифология – наидревнейшая в мире. Она стала основой всех индоевропейских мифологий точно так же, как древний украинский язык – санскрит – стал праматерью всех индоевропейских языков» (Плачинда С. «Словарь древнеукраинской мифологии». Киев, 1993). «В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык „сансар“, занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке идет речь?» (Братко-Кутынский А. «Феномен Украины» // «Вечерний Киев» за 27 июня 1995 г.).

А как звали древних украинцев? Некоторые академики так и оставляют это название, кто-то заменяет его на «протоукраинцы». А еще в 1843 г. польский граф Тадеуш Чацкий ввел в оборот термин «укры». Мол, от этого древнего народа пошли все украинцы. Но даже ярые националисты типа М. С. Грушевского брезговали этим термином. Вновь об «украх» в Киеве заговорили в 1991 г.

Любопытны изыскания доктора политических наук, проректора по информационно-аналитической работе университета «Украина» Валерия Бебика, изложенные в статье «Украина и Египет»¹. Цитаты умышленно даю без перевода, чтобы и колорит сохранить, и избежать обвинений в вульгарности перевода:

«Наявність на території України найдавнішого на планеті релігійно-наукового комплексу Шу-Нун / Кам'яна Могила (XII–III тис. до н. е.) та найдавнішої держави Аратти (V–III тис. до н. е.) свідчить про те, що українська цивілізація є однією з найдавніших у світі.

Археологами доведено, що в ці ж часи уродженці України о(а) рійці вирушають у похід на Грецію та Малу Азію (Доріда), Єгипет, Сирію і Палестину, потрапивши в історичні хроніки (у тому числі і Біблію) під назвою „морських народів“...

Назваголовногоєгипетського храму Хетка-Пта виглядає „дуже вже українською“ (точніше – пеласгійсько-лелегською): „Хат-ка-Птаха“, чи не так?...

Тому і думка І. Кузич-Березовського, що єгипетська державність і колонізація Палестини були здійснені під впливом цивілізацій кушанів і шумерів, котрі споріднені з українсь-

¹ Материалы сайта <http://www.umoloda.kiev.ua/number/986/274/35810/>

кою цивілізацією, виглядає обгрунтованою. Він стверджує, що кушани були трипільцями: високі, світлоокі, русяві, ходили у вишиванках та „гуцульських“ шапках, говорили праукраїнською мовою і будували церкви, які звалися „ступами“...

Фараони всіляко підтримували релігійність пересічних єгиптян з метою зміцнення своєї влади. Починаючи з фараонів V династії (середина III тис. до н. е.), вони включили до своєї титулатури частку „син Ра“. – А, може, „син (О) Ра“, який водночас вважається прабатьком українців?...

З єгипетським богом Сонця начебто розібралися. Нагадаємо лише, що солярний культ простежується в протошумерській (праукраїнській) міфології VIII–VII тис. до н. е., котра суттєво вплинула на релігійно-міфологічну систему Стародавнього Єгипту...

Загалом велична Єгипетська цивілізація протягом своєї історії формувалася під впливом кількох праукраїнських цивілізаційних хвиль».

Итак, с Древним Египтом все ясно. А как с другими древними народами – шумерами? Тут разъяснение дает доцент Львовского университета И. Лось: «Мы вспомнили, чьих отцов дети. Из глубины веков нас окликнули те наши предки, которые донесли благодатную культуру Триполья (то есть горшки) аждо Междуречья, где и возникла могучая цивилизация Шумерского царства; те прапрадеды, которые под именем „арии“ осели в северо-западной Индии, а их предводитель под именем Рама впервые в деяниях человечества утверждал гуманность»².

Академик, профессор, доктор филологических наук П. Кононенко в своем учебнике «Українознавство» отождествляет князя Кия с Атиллою и пишет, что «самі протоукраїнці творили життя у згоді зі своїм зовнішнім і внутрішнім світом. А той світ був глибоким, як сама історія, представники якої ще в давнину вважали скіфів-українців найпершим народом у світовій генеалогії».

Автор «Словаря древнеукраинской мифологии» С. Плачинда относит «протоукраинцев» еще дальше вглубь веков, например: «БАБА – одне з найстародавніших і найбільших божеств у прото-українців (кам'яний вік) та давніх українців (палеоліт, неоліт, енеоліт, бронзовий вік)».

О. Чайченко в изданной Военным издательством Украины в 2003 г. книге «Укрыарии» утверждает, что укры относились к пеласго-этруским племенам, а протоукры были создателями «Ригведы»³.

Тот же С. Плачинда ссылается на античные авторитеты (Плутарха, Дионисия Галикарнасского, Диона Кассия, Страбона) «других античных несторов-летописцев» и, конечно же, на «великих громадян Росії» (Классена и Черткова): «Это они рассказали о великой украинской наддержаве Венедии, что предшествовала Римской империи, о Трое, которую основали троянцы, то есть киевляне; об уках на Эльбе и на берегу Дуная; о том, как пелазги (прото-греческие племена) еще в 1570 г. до н. э. называли хлеб паляницами... это они расшифровали украинские слова на могиле античного героя и царя Энея и доказали по материалам хроник, что Гомер не кто иной, как наш Боян». «Почему на протяжении почти двух тысячелетий так крепко держалась очень расчлененная, раскиданная повсюду, но могущественная праукраинская держава, что дала жизнь другим народам и государствам? И на чем держалась Венедия, когда в ее состав входило бесчисленное количество самостоятельных родов-племен, а именно: пелазги, лелеги, галичане, доляне, бодричи, попели, македонцы, горцы, укры, украины, этруски, обричи, троянцы и другие?» – вопрошает Плачинда и сразу дает ответ: «Древняя Украинская наддержава держалась на трех „китах“: вече, волхвы и язычество (обожествление природы)... И понятно, почему 988 год стал началом упадка и краха

² Сокуров С. Мираж Четвертого Рима. Материалы сайта <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12440>

³ Материалы сайта <http://antisys.wikispaces.com>

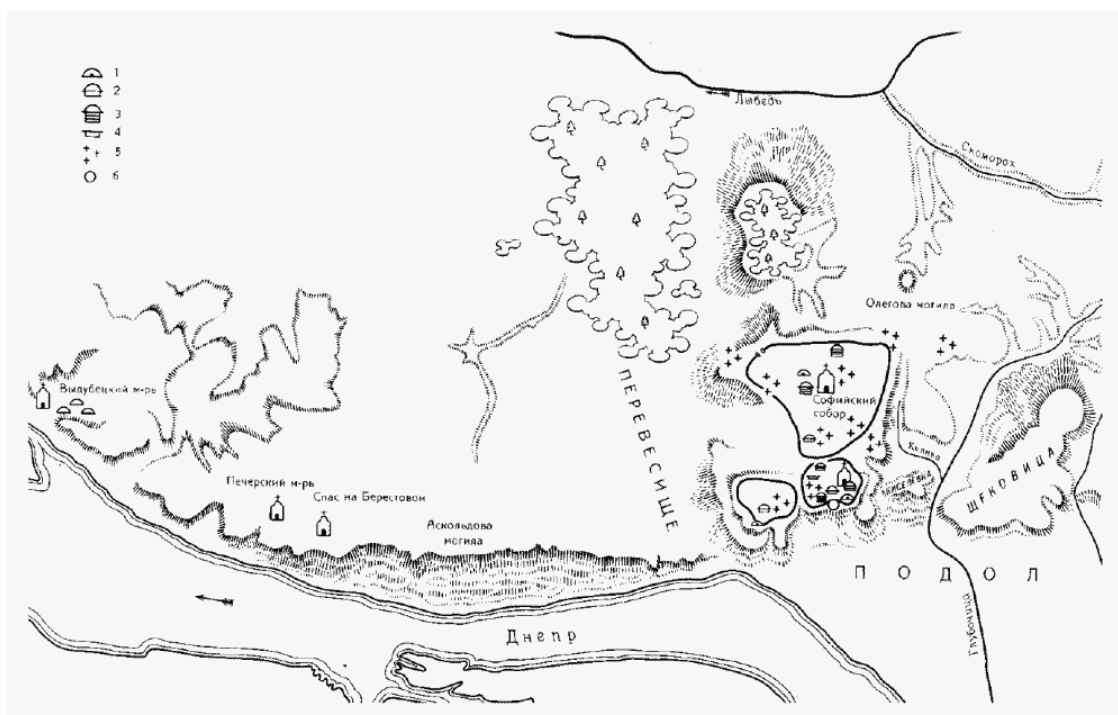
украинской государственности, которую погубила автократия»⁴. Именно украинцы создали первую в мире буквенную азбуку, изобрели колесо и даже построили знаменитый ковчег. Небось не знаете, кто был старик Ной по национальности?

Боюсь, сейчас какой-нибудь московский «рафинированный интеллигент» поморщится – зачем такое повторять, мол, в каждой стране найдутся дураки и психически ненормальные люди. Пardon, но все эти цитаты я брал не из интернетовских форумов или самопальных брошюрок тиражом в сотню – другую экземпляров. Это официальные высказывания академиков и профессоров, преподающих в государственных ВУЗах Республики Украина. Их опусы печатаются огромными тиражами и зачастую за казенный счет.

В 1982 г. генсек Леонид Брежнев сделал очередной подарок Украине – устроил торжества по поводу 1500-летия основания Киева. Киев-де основал некий Кий вместе со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Либедью. По сему поводу «дорогой Леонид Ильич» заявился в Киев, вдоволь нацеловался с товарищем Щербицким и прочими представителями местной партноменклатуры, выступил с очередной «исторической речью» и благополучно убыл в Москву.

Спору нет, был миф о Кие, и он вошел в «Энциклопедию мифов» (Москва, Советская энциклопедия, 1980 г.). «Кий – герой восточнославянских мифов». Но русский летописец относит основание Киева к 854 г.

Лучший советский специалист по древней Руси профессор В. В. Мавродин писал: «Раскопки древнего Киева обнаружили на территории города три древнейших поселения VIII–IX вв., не представлявших собой еще единого центра. Эти три поселения, расположенные на Щековице, на горе Киселёвке и на Киевской горе, три городища дофеодального Киева, по преданиям, записанным летописцем, связывались с Кием, Щеком и Хоривом. Они не покрывались общим названием „Киев“ и только к концу X в. одно из них, расположенное на Киевской (Андреевской) горе, втянуло в орбиту своего влияния все остальные, и только тогда складывается Киев как единый крупный городской центр»⁵.

⁴ Сокуров С. Мираж Четвертого Рима.

⁵ Мавродин В. В. Древняя Русь. М.: ОГИИ, Госполитиздат, 1946. С. 125.

Киев и его окрестности в X–XIII веков. План составлен Л. А. Голубевой: 1 – курганные погребения с трупосожжением IX–X веков; 2 – курганные погребения с трупосожжением в грунтовой могиле IX–X веков; 3 – погребения в срубных гробницах IX–X веков; 4 – погребения в грунтовых могилах конца X – начала XI века; 5 – церковные кладбища XI–XII веков; 6 – братские могилы XIII века

Постепенно Киев все более «старел» в трудах советских историков. И вот уже в «Большой Советской энциклопедии» (1973 г.) говорится, что Киев был основан в VI–VII вв. Не прошло и 10 лет, как Брежнев велел считать датой основания Киева 482 год – не больше и не меньше. Какие основания? Да, собственно, никаких. С 1945 г. по 1982 г. не было сделано никаких археологических открытий, не было найдено ни одного древнего документа, подтверждающих основание Киева в V в. Понятно, считать одну (!) византийскую монетку времен византийского императора Юстиниана, найденную (или подкинутую?) в районе Киева, серьезным доказательством древности Киева, более чем смешно. Итак, «V век» – просто подарок генсека.

Киевские ученые мужи немедленно объявили, что князья Аскольд и Дир (IX в.) – прямые потомки Кия. Таким образом, с V по IX в. в Киеве княжила династия Кия. Но, увы, соседи-византийцы ничего о княжестве, Кие и его потомках не знали, хотя Днепр в V–IX в. был большим торговым путем, заканчивавшимся в Константинополе.

Тут, правда, у «самостийных» историков была маленькая зацепка – труд польского историка Яна Длугоша, где говорится, что Аскольд и Дир – потомки Кия. Но Длугош ничего не говорит про V в., а еще хуже – именует Кия... польским князем⁶, потомком знаменитого Леха. Кстати, тот же Длугош упоминает о древней славянской легенде, повествующей о родных братьях Леха – Чехе и Русе. Естественно, эта легенда не имеет под собой никаких реальных оснований, но зато показывает историкам память народов о том, что когда-то поляки, чехи и восточные славяне были одним братским народом.

Однако нынешние самостийники никак не хотят иметь общих предков с русским народом. Поэтому и было придумано два десятка вариантов появления украинского народа, начиная с переселенцев с Венеры, выходцев с Атлантиды и прочая, и прочая. Они-то и стали великим украинским народом, но держали это в секрете и во всех документах писали, что они – русские. А вот позже какие-то москвиты – «смесь угрофиннов с монголами» – без каких-либо оснований украли это название у украинцев. Так появились «россияне». Между прочим, такой же версии придерживаются и националисты других стран – Беларуси и прибалтийских лимитрофов. Только прибалты не поминуют о происхождении русских от угрофиннов, дабы не иметь с русскими общих предков.

Однако многих самостийных историков не устраивали и полторы тысячи лет, подаренных Киеву Брежневым. Кто-то весьма убедительно доказал, что основание города произошло... в 640 г. до н. э., то есть сейчас Киеву должно быть 2648 лет. Но и это не предел. Поскольку археолог В. В. Хвойка еще в 1893 г. обнаружил поселение людей каменного века на Подоле вблизи Кирилловской церкви («Кирилловскую стоянку»), то подавайте основание Киева в 25 000 г. до н. э!

Разумеется, что у сторонников всех этих дат, включая 482 г. н. э., нет никаких документальных подтверждений, то есть письменных или археологических.

Замечу, что время основания почти всех древних городов Руси, включая Москву, определяется первыми достоверными письменными упоминаниями. А обнаружить стоянки древнего человека можно в городской черте десятков современных городов России и Западной Европы.

⁶ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 224.

Хорош древний град Киев, который с 482 г. по 862 г. был столицей укров, но о нем не осталось ни одного достоверного письменного источника. Мало того, оный Кий основал династию укрских князей, последним из которых стал Аскольд. Понятно, что никаких имен за всю 400-летнюю историю этой «династии» никто назвать не может. О князе Дире большинство самостийных профессоров не упоминают, а остальные говорят вскользь, попросту не зная, куда его воткнуть.

Различных версий истории Великой Украины сейчас пруд пруди, но всех их объединяет ненависть к России. Щирые украинцы не имели и не могли иметь ничего общего с москалями. Русские – это бывшие угро-финны и татары. Кстати, именно татары основали Москву. Эти поганцы украли у украинцев их письменность и церковный язык, но главное богатство – народную мову – позаимствовать не сумели, сколько не старались: ее надежно спрятали щирые украинцы и держали в схронах до начала XX в., и лишь тогда с помощью австро-венгерской разведки вытащили на свет.

Глава 2

Рождение Руси

Откуда же появился русский народ? На мой взгляд, его историю следует начинать с IX в. Все, что было раньше, к сожалению, скрыто от нас. Вполне возможно, что в недалеком будущем (годы или десятки лет) археологи сделают сенсационные открытия, которые раскроют тайну «темных веков» истории России. Для этого нужны новейшие технологии для исследовательской аппаратуры, автоматизированная компьютерная обработка археологических находок – останков людей, животных, древесины и т. д. А главное, увеличение финансирования научных исследований примерно в сто раз. Лично я уверен, что тогда мы узнаем много интересного и жизни людей на территории России не только в раннем Средневековье, но и во времена античности.

Ну а пока «темные века» оставим любителям «фэнтези», которые будут основывать города в 482-м, 322-м, 123-м г., совмещать Кия с Аттилой или Нероном, спорить о том, какой народ был древнейшим на нашей планете – укры или литвины. В последнем случае речь идет не о литовцах, а об экзотическом народе литвинах – предках настоящих белорусов, остальные же белорусы являются неполноценными русскими.

Я не буду подробно останавливаться на версиях самостийных украинских, белорусских и прибалтийских историков. Практика показала, что поначалу людей, хоть немного сведущих в науке, от них охватывает хохот, через некоторое время веселье сменяется на брезгливость, а позже появляется тошнота.

Посему давайте перейдем к реальной истории Руси.

В лето 6370⁷ от Сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву“. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске...

...И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: „Чей это городок?“ Тамошние же жители ответили: „Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам“. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»⁸.

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему

⁷ 862 год от Рождества Христова.

⁸ Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел, и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII в. спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот-де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В. Н. Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X в. викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь Средиземноморский бассейн. В IX в. корабли викингов достигли Исландии, а в X в. – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «φοισευατο», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Заметим, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Разобравшись с варягами, обратимся к личности Рюрика. Ряд историков, включая Б. А. Рыбакова, отождествляет летописного Рюрика с Рёриком Ютландским из семьи мелкого датского конунга, владевшего местечком Дорестад во Фрисландии.

Полное имя Рюрика Herraud-Hrorekr Ludbrandson Srgnjotr Thruvar (Герпрауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия). Он происходил из скандинавского рода Скъелдунгов.

Рюрик родился в 800 г. Его отцом был Людбрант Бьерк – мелкий датский конунг из рода Скъелдунгов. В 782 г., то есть еще до рождения Рюрика, Людбрант был изгнан из Ютландии и поступил на службу к королю франков Карлу Великому. Король пожаловал Людбранту ленное владение во Фрисланде (на побережье Северного моря). В царствование сына Карла Великого Людовика Благочестивого Рюрик и его старший брат Харальд приняли крещение.

После этого Людовик даровал братьям в ленное владение область Рустриген во Фрисланде. Вскоре Харальд умирает, и Рюрик становится единственным владельцем лена.

Однако в 843 г. новый император Лотарь отобрал фрисландский лен у Рюрика. Рюрик, естественно, обиделся, вернулся в язычество и занялся пиратством.

В 845 г. его дружина грабила берега Эльбы, а в следующем году Рюрик совершил набег на Францию. В 850 г. он погулял по восточному побережью Англии.

В 862 г. Рюрик исчезает из западных Хроник. Лишь в 870 г. он вновь появляется на Западе. К этому времени император Лотарь был уже мертв. В 870–873 гг. Рюрик ведет переговоры с королем франков Карлом Лысым и германским королем Людовиком.

Ряд западных и польских историков полагают, что Рюрик умер в Западной Европе между 874 и 876 гг.

Любопытно, что все русские летописи молчат о кончине Рюрика и его деятельности после 870 г. Лишь в «Повести временных лет» говорится: «В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал»⁹.

Зато современные авторы выдвигают самые различные предположения о последних годах жизни Рюрика. Он-де вернулся в 874 г. в Новгород и умер там в 879 г. По другой версии он умер в городе Корела, и вообще Рюрик – уроженец Карелии. Увы, никаких достоверных подтверждений этих и других версий их авторами не приводится.

Так что наиболее вероятно, что конунг Рюрик с дружиной действительно прибыл на Русь в 862 г., а спустя 8 лет поехал возвращать свои ленные земли во Фрисланд, где и скончался.

А вот его братья Синеус и Трувор являются плодом фантазии русского летописца. Возможно, он имел какой-то документ, славянский или норманнский, где и нашел непонятые слова «синеус» (*sine hus* – свой род) и «трувор» (*thru varing* – верная дружина). Видимо, о Рёрике было сказано, что он прибыл со своими родичами и верной дружиной, которых малограмотный летописец превратил в братьев Рюрика. Не имея никаких сведений о деятельности Трувора и Синеуса и об их потомстве, летописец умертвил обоих братьев в 864 г.

Теперь остается последний вопрос: а какую это «русь» привел Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 г. огромным для нынешнего времени тиражом 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии – Россия)»¹⁰. Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энна Милларда, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков¹¹. Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни, и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «*goutsí*», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, адвигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

⁹ Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

¹⁰ Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995. С. 40.

¹¹ Так, в 1876 г. германский историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало русского государства», где утверждал, что «русь IX века – это шведы».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах. Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем – с его владениями и его подданными.

В IX–XI вв. многие десятки отрядов норманнов (варягов) приезжали на Русь, часть из них следовала без остановки по знаменитому пути «из варяг в греки», а часть нанималась на службу к русским князьям. Прослужив какое-то время, часть из них возвращалась в Скандинавию, а многих привлекали полноводные реки, могучие леса, красивые славянские девушки, и они оставались, чтобы вместе с местным населением рубить города и громить врагов. Они-то и стали, неважно, в какой пропорции, основой великого народа русского.

Археологические раскопки подтверждают факт основания варягами ряда городов на Руси. Их ставили на пути «из варяг в греки» и на «Великом Волжском пути» (с Балтики до Каспия). Так, в VIII в. варяги основали город Ладогу (в настоящее время – райцентр Старая Ладога). Согласно скандинавским сказаниям, город *Aldeigja* (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII в. на Земляном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь кладов, содержавшие 467 серебряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756–760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699–700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившемся недалеко от современного Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

Был и другой путь с Балтики на Волгу – через Новгород. Из Ильмень-озера варяги выходили в реку Мству, а у Вышнего Волочка волоком тащили суда в реку Тверцу. Тверца же впадает в Волгу у нынешней Твери.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800–1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на Верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х гг. XX в. на территории Угличского кремля было найдено захоронение X в. с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце VIII в., а прекратило свое существование в самом начале XI в. Рядом с поселением обнаружено свыше четырехсот курганов. Любопытно, среди раскопанных курганов есть как норманнские, так и славянские захоронения, а также захоронения племен, близких к угро-финнам. В Тимерево найдено несколько кладов с тысячами арабских монет, самая древняя датирована 867 годом. К сожалению, большинство монет расхищено.

Кроме Тимерева норманнские поселения и клады арабских монет обнаружены в районе Михайловки, Петровского и в других районах Верхней Волги.

Много поселений основали варяги и на пути «из варяг в греки». Самым крупным считается так называемое Гнездовское городище. Археологи еще в XIX веке обнаружили большой город у села Гнездово в 12–15 км от современного Смоленска. Гнездовское городище было защищено земляным валом. Рядом расположено свыше двух тысяч курганов с захо-

ронениями в большинстве случаев варяжского типа. Археологи считают, что Гнездовское городище возникло в начале IX в., а с начала X в. жизнь в нем постепенно стала гаснуть. В конце же IX в. там проживало 4–5 тысяч жителей, в основном воинов и купцов.

Согласно «Повести временных лет», князь Олег захватил в 882 г. Смоленск. Однако советские археологи так и не смогли найти в Смоленске культурного слоя IX–X веков¹². В свою очередь, ни в одной русской летописи не упоминается Гнездовское городище или иной город, расположенный рядом со Смоленском. Это дает основание полагать, что Гнездово и есть древний Смоленск, а в конце X – начале XI вв. город был перенесен на другое место. Кстати, перенос города – довольно типичное событие для средневековой Руси. Так, к примеру, на новые места были перенесены Тверь, Белозерск и другие города.

Варяги, осевшие на Руси, как правило, обрусевали уже во втором поколении. Для нового поколения русский язык становился родным, да и имена у них были славянские. Увы, до нас не дошли семейные предания обрусевших варягов. Но мы можем это понять на многих примерах служилых немцев, шотландцев и др. в Москве в XVI–XVIII вв. Вот, к примеру, при царе Алексее Михайловиче в Москву приехал служить немец Цыклер, а его сын Иван настолько обрусел, что участвовал в бунте против Петра и его немецких порядков, за что и был казнен царем.

Есть народы, склонные к быстрой ассимиляции, и наоборот, известны случаи, когда отдельные племена столетиями упорно не желают ассимилироваться с подавляющим большинством местного населения. Обычно такие случаи кончаются серьезными этническими конфликтами, ответственность за которые сейчас стало модно сваливать с больной головы на здоровую, то есть на коренное население, составляющее абсолютное большинство. Норманны же очень быстро ассимилировались, и не только в славянских землях, но и в Англии, Франции, Италии и др.

Если норманны и превосходили славян в военном искусстве, то в остальном они стояли на более низком уровне развития и быстро перенимали элементы славянской культуры. Норманны в Византии и Западной Европе довольно быстро меняли свою религию на христианство, а в Новгороде и Киеве – на славянских богов. Кстати, пантеоны скандинавских и наших богов были довольно схожи. В договорах с Византией варяжский князь Олег, ближайший сподвижник Рюрика, клянется не скандинавскими богами Одином и Тором, а славянскими Перуном и Велесом.

Невысокий культурный уровень варягов-норманнов и их быстрая ассимиляция дали мощные козыри в руки историкам-антинорманистам. С последними можно согласиться в том, что варяги практически не оказали никакого влияния на быт, обычаи, культуру, религию и язык славян. Однако в политике и особенно в военной истории славян варяги сыграли весьма существенную роль.

А теперь мы вернемся к «рюриковым боярам» Аскольду и Диру, которые, согласно летописи, отпросились у Рюрика в Царьград, но не доехали до него, а остановились в Киеве.

В 882 г. Олег собрал войско из варягов и славян и двинулся из Новгорода на ладьях на юг. Как сказано в летописи, «приде к Смоленску и прия град и посади муж свои, оттуда поиде вниз и взя Любеч, посади муж свои». Перевести это, видимо, следует, так: Смоленск сдался Олегу без боя, а Любеч пришлось штурмовать, и в обоих городах Олег оставил свои гарнизоны.

Подплывая к Киеву, Олег велел замаскировать свои ладьи под купеческие суда. Часть воинов изображала гребцов, а большинство легло на дно ладей. Ладьи пристали у Угорской горы, откуда Олег послал гонцов сказать киевским князьям, что они варяги-купцы и плывут из Новгорода в Константинополь. Аскольд и Дир с небольшой свитой вышли из города для

¹² Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного, М.: Наука, 1975. С. 244.

осмотра товаров. Когда они подошли к ладьям, оттуда выскочили варяги и убили обоих князей. После этого Киев без сопротивления сдался Олегу.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков».

Видимо, в летописи сохранилось какое-то воспоминание о подлинных исторических событиях, но в целом она малоубедительна.

Начнем с личностей Аскольда и Дира. Патриарх советской исторической науки академик Борис Александрович Рыбаков писал: «Личность князя Дира нам не ясна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Аскольду, так как при описании их, якобы совместных, действий грамматическая форма дает нам единственное, а не двойственное или множественное число, как следовало бы при описании совместных действий двух лиц»¹³.

Как видим, и время, и должность заставляют академика прибегать к осторожным формулировкам.

Историк же Юрий Александрович Сяков отождествляет предводителя отряда скандинавских наемников на службе у эмира Кордовы в первой половине IX в. Аскольда аль-Дира с киевским князем Аскольдом. Арабский историк IX в. Аль Накуби писал о набеге русов на город Севилью в 229/843–844 гг. А другой современник, Ибн Хазколь, писал о походе русов и славян в Андалусию. Так что версия Сякова вполне реальна. Вспомним того же Рёрика-Рюрика. Отслужив эмиру Кордовы, Аскольд аль-Дир южным путем через Византию или северным путем через Балтику и Новгород мог попасть в Киев.

Далее Ю. А. Сяков пишет: «Кто такой этот таинственный Дир, который по жизни следует за Аскольдом как тень, словно он его второе „я“? Пришлось немало времени потратить на поиски разгадки. Ответ оказывается простым. Дир – это прозвище Аскольда. В переводе с готского *Dur*, *Djur* означает „зверь“. Вероятно, с этим прозвищем Аскольд вернулся в родную Ладогу после испанской эпопеи. Любопытный читатель может задать вполне естественный вопрос: при чем здесь готский язык? С какой стати ладожане должны разговаривать на готском языке?»

Обратимся к истории. В VIII в. на обширном пространстве между Днепром и Доном существовало государство остготов. Под влиянием христианского учения, проповедуемого у них византийским епископом Ульфилоу, остготы растеряли свой воинственный пыл и за это поплатились. Они не смогли отразить нашествие гуннов. Одни племена готов под ударами свирепых гуннов ушли на запад, другие – на север. И мы знаем, что в древние времена Швецию называли Готией, и естественно, что колония скандинавов в многонациональной Ладоге при общении использовала не только местные наречия, но и свой родной язык, который был уже довольно обширно разбавлен славянскими и финно-угорскими словами. Аскольд был по происхождению готом, по рождению – ладожанином, а по профессии – воином. Кстати, его имя *Ashold*, или *Asholt*, в переводе с готского обозначает „честь ариев“. Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее предопределена»¹⁴. Так что зачислять Аскольда в «ширые украинцы» можно только в широко распространенных ныне романах-фэнтези, например, сделать его приятелем Гарри Поттера.

Итак, в Киеве был один князь – варяг Аскольд. Причем он никогда не был дружинником Рюрика, а был правителем Киева уже, по крайней мере, в конце 50-х гг. IX в., то есть за несколько лет до явления на Руси Рюрика.

¹³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества, М.: Наука, 1993. С. 308.

¹⁴ Сяков Ю. А. Тайны Старой Ладоги. Факты, гипотезы, размышления, СПб.: Общество «Знание» С. – Петербурга и Ленинградской области, 2004. С. 105.

Так, 18 июня 860 г. Аскольд привел русскую дружину («россов», как писали византийцы) под Константинополь. Из устья Днепра около двухсот судов приплыли к Босфору. Византийский автор описывает это нашествие следующим образом: «Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле, и по имени народ, ... посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [[нечестивые]] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять...»¹⁵

Взять Константинополь тогда россам не удалось, но они страшно опустошили окрестности византийской столицы, включая Принцевы острова в Мраморном море, и 25 июня отправились восвояси.

Византийские источники и русские летописи приводят различные причины ухода россов. По одной из них к Константинополю форсированным маршем подошел император Михаил с большим войском, которое ранее направлялось для войны с арабами. По другой версии разразилась страшная буря, изрядно потрепавшая суда россов. Наконец, по третьей версии византийцы и россы заключили мир, и последние, получив солидные откупные, отправились домой.

Согласно русским и византийским источникам, Аскольд и часть его дружины крестились, причем Аскольд получил христианское имя Николай. В русских летописях содержатся лишь отрывочные сведения о деятельности Аскольда. Так, в 872 г. «убиен был от болгар сын Аскольдов». В 875 г. «Оскольд [Аскольд] избиша множество печенег». В 875 г. «ходил Оскольд на кривичей¹⁶ и тех победив...»

Согласно «Повести временных лет», Олег приказал убитого Аскольда похоронить в Киеве на горе. Над его могилой княгиня Ольга позже поставила деревянную церковь Святого Николая. Олег же сел княжить в Киеве, сказав: «Да будет он матерью городам русским».

Для русских историков стало традицией считать захват Киева Олегом в 882 г. датой основания древнерусского Киевского государства.

Выкинуть Вещего Олега из истории самостийникам так и не удалось. Кто же тогда в 907 г. прибывал щит к вратам Царьграда? Как кто? «Олег, великий князь Украинский». Нет, я не настроен шутить. Антин Лотоцкий в «Истории Украины» (Львов: Феникс, 1991) своим авторитетом заверяет подпись Вещего Олега под его договором с греками: «Великий князь Украинский». А греки-то думали, что имеют дело с князем Руси. Г. Демьян в предисловии к оной «истории» в свою очередь делится с читателями впечатлением, будто последняя увлекает «искренностью и правдой».

И плевать самостийникам, что договоры Руси с Византией 907, 911, и 944 гг. дошли до наших дней. «Все три текстуально известных договора дошли до нас в древнерусской версии, отмеченной некоторыми русизмами, однако все они имеют византийские дипломатические прототипы. Сохранившиеся тексты являются переводами, сделанными с аутентичных (т. е. обладавших силой оригинала) копий актов из специальных копийных книг. Договоры с

¹⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 90–91. Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и неизвестному современным историкам набегу россов.

¹⁶ Кривичи – славянское племя, обитавшее на территории современной Смоленской области.

Византией следует считать древнейшими письменными источниками русской государственности»¹⁷.

В заключение стоит заметить, что земли Киевской Руси имели довольно слабые политические и экономические связи как со столицей, так и между собой. Впрочем, это характерно и для других государств Европы конца IX в., таких, как, например, Западно-Франкское и Восточно-Франкское королевства, Великоморавское государство, Болгарское царство и др. Но до 1991 г. ни у одного серьезного историка не возникало сомнений, что у всех славянских племен, входивших в Древнерусское государство, был один язык, одни верования, и они были одним народом. Что же касается варяжского элемента в Киевском государстве, то большинство варягов ассимилировалось, а остальные, прослужив несколько лет у киевского князя, отправлялись служить в Византию, а в отдельных случаях возвращались на историческую родину.

¹⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 112...

Глава 3

Древнерусское государство

Мне меньше всего хотелось бы утомлять читателя пересказом истории Древнерусского государства, я лишь хочу привести ряд общеизвестных фактов, опровергающих творения самостийных историков.

Начнем с того, что термин Киевская Русь – это выдумка историков. В самом деле, ни в одном письменном русском и зарубежном источнике не упоминается государство с таким названием. Везде говорится о Руси, Русском государстве и т. д. Лишь в XVIII–XIX вв. наши историки выдумали термин «Киевская Русь». Им попросту понадобилась метка для обозначения Русского государства IX–XII вв., чтобы не путать его с Русским государством со столицей Москва.

Таких меток, являющихся антинаучными терминами, у наших историков более чем достаточно. Возьмем, к примеру, термин «древний боярский род» в применении к Московскому княжеству. Боярство – чин, присваиваемый великим князем, а позднее – царем за те или иные заслуги, как позже стали присваивать чин генерала или статского советника. Но никому не приходит говорить, что, скажем, Сидоров происходит из древнего генеральского рода. Сын генерала мог кончить карьеру в чине полковника или даже поручика, равно как и сын боярина мог дослужиться до чина стольника или даже рынды (в бою убьют или за пьянство со службы выгонят). Тем не менее термин «боярский род» стал удобной меткой и применяется в нашей истории, и я сам, каюсь, им иногда пользуюсь.

Так вот метка «Киевская Русь», неосторожно введенная русскими историками, стала козырной картой самостийников, превративших Русское государство IX–XII вв. в украинское государство «Киевская Русь».

Русский летописец утверждал, что Русская земля «...до Венгрии, до Польши и до Чехии; от Чехов до Ятвягов [пруско-литовское племя] и от Ятвягов до Литвы, до Немцев и до Карел, от Карелии до Устюга... и до Дышючего моря [Ледовитый океан]; от моря до Черемис, от Черемис до Мордвы – то все было покорено великому князю Киевскому Владимиру Мономаху...»¹⁸

И на таком огромном пространстве был единый народ с единым языком, письменностью, религией, культурой и системой власти.

К началу правления князя Владимира Святого на Руси установилось единовластие князей Рюриковичей. Естественно, что до прихода Рюрика на территории Руси существовали десятки местных князей, правившие отдельными племенами или даже племенными союзами. Рюриковичи их всех убили, заставили бежать за пределы Руси или, в лучшем случае, сделали их своими подданными, заставив забыть о своем происхождении.

Русские летописцы обычно не акцентировали внимание на войнах Рюриковичей с местными князьками. Исключения крайне редки: убийство Ольгой, вдовой князя Игоря, древлянского князя Мала и убийство Владимиром Святым полоцкого князя Рогвольда.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 5.

Киевская Русь в X–XII веках

После Владимира Святого в письменных источниках нет упоминаний о каких-либо князьях на Руси, не относившихся к роду Рюриковичей, нет упоминаний и о боярах и дружинниках, ведущих свой род от каких-либо местных князей.

Рюриковичи будут безраздельно править всей Русью до середины XIV в., а потом в южной и западной Руси уступят власть потомкам литовского князя Гедимина.

Любопытно, что у Рюриковичей до XV в. преобладала горизонтальная система наследования власти, при которой престол переходил не от отца к старшему сыну, а от старшего брата к следующему по старшинству брату. Представим себе, что в Киеве правил старший брат Иван, в Смоленске – средний брат Петр, а в Вязьме – младший брат Федор. Умирает

Иван, и его стол в Киеве занимает не старший сын Александр, а средний брат Петр. На место Петра в Смоленск едет младший брат Федор, а на место Федора в Вязьму спешит старший сын покойного Ивана Александр.

Такая система наследования имела много преимуществ по сравнению с вертикальной. Так, многие князья умирали в молодом возрасте, и сын-подросток, а то и младенец, не мог самостоятельно править княжеством. Естественно, что средний брат – опытный воин и политик – был лучшим правителем княжества.

Смена князей не всегда происходила в связи с их смертью. Довольно часто князей сгоняли со «столов» собратья-Рюриковичи или даже горожане. Понятно, что такие эксцессы увеличивали «миграцию» князей.

Замечу, что уже Владимир Святой где-то между 980-м и 986 годом разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава в Полоцк, Святополка в Туров (в летописи указан Пинск), Ярослава в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

Между 1001-м и 1010 гг. умерли своей смертью два старших сына Владимира – Вышеслав и Изяслав. В 1010 г. Владимир производит второе распределение городов. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов якобы Борис из Муром, а на его место Глеб, Святослав – к древлянам, Всеволод – во Владимир Волынский, Мстислав – в Тмутаракань (в Крыму).

А вот, к примеру, биография князя Ростислава Мстиславича (около 1110–1167). В 1125 г. он стал смоленским князем, с 1153 г. – князем новгородским, с 1154 г. Ростислав – великий князь в Киеве, откуда в 1155 г. он был выбит князем Изяславом Давидовичем и бежал в Смоленск. С 1157 г. Ростислав вновь княжил в Новгороде, с 1159 г. он опять на великом княжении в Киеве, в 1161 г. выбит из Киева и бежал в Белгород. В 1161 г. Ростислав в третий раз занял киевский престол и на сей раз пожизненно. И, надо сказать, биография Ростислава Михайловича типичная для XII в.

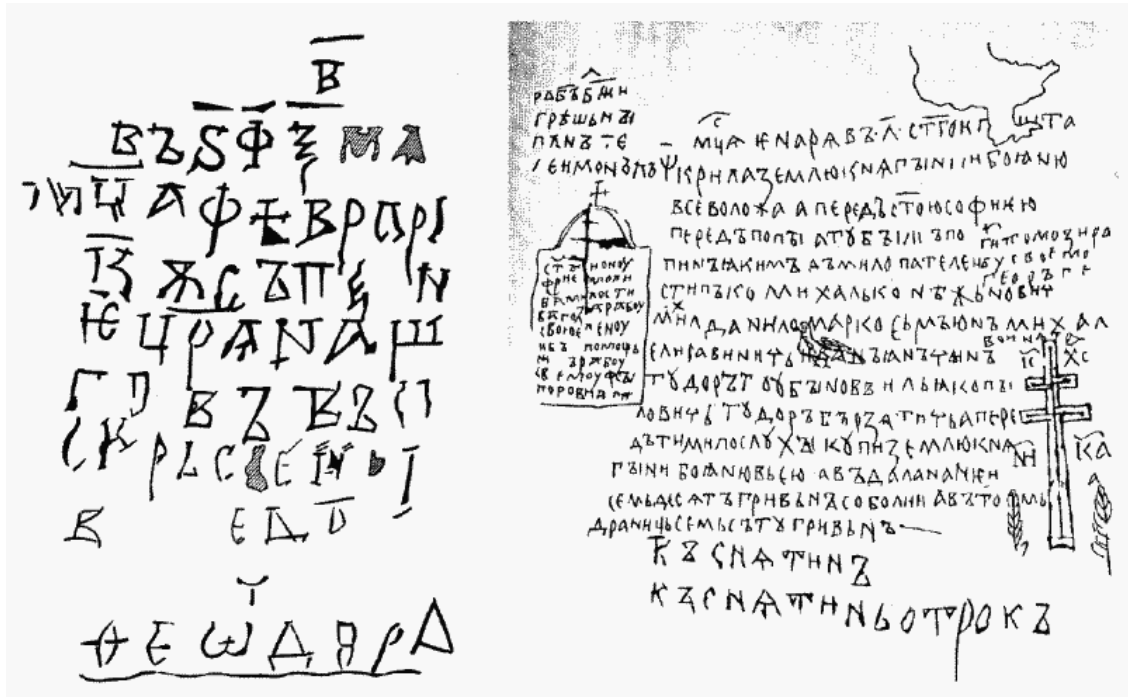
Надо ли говорить, что князья Рюриковичи не были похожи на чиновную номенклатуру XXI в., которую кремлевский хозяин постоянно тасует по регионам и которая очень часто даже не берет с собой семей, отправляясь из Нижнего Новгорода, скажем, в Хабаровск. Князья переходили на новый стол обязательно с дружиной и административным аппаратом (боярами, тиунами и т. д.), а те, в свою очередь, брали семьи, слуг и др.

Таким образом, по территории Руси (то есть по территориям современных Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Прибалтики) в X–XIV вв. почти ежегодно перемещались из одного города в другой тысячи людей. Такая ротация автоматически способствовала развитию языкового, культурного и, как ни странно, политического единства Руси. Пусть один князь Рюрикович уходил, но на его место приходил его близкий или дальний родственник.

Увы, вместо единой Руси самостийники подсовывают нам какую-то федерацию из украинских земель и славянизированных угро-финнов. Причем последние регулярно нападали на мирных украинцев. Так, взятие Киева в 1169 г. князем Андреем Боголюбским в трудах «щирых» историков представляется как агрессия москалей против украинцев. На мой взгляд, комментировать такие перлы – дело не историков, а психиатров.

Русское государство в конце X в. отличало и единство религии. Еще в начале своего княжения Владимир Святой попытался реформировать пантеон славянских богов и сделать язычество государственной религией. Потерпев в этом неудачу, князь в 988 г. принял христианство и крестил Русь. Сам Владимир получил христианское имя

Василий, однако и современники, и потомки помнили только его языческое имя.

Надписи-граффити на стенах киевского Софийского собора о смерти «цесаря нашего» Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 года и купчая запись на землю Бояна в начале XII века. Вполне возможно, современные украинские историки считают их сделанными «поганьми москалями», проникшими в столицу независимой Украины

Христианизация Руси шла довольно медленно и затянулась почти на два века, но сопротивление этому было связано с языческими верованиями, а не с какими-то национальными особенностями жителей Новгорода, Полоцка, Ростова и т. д. Церковное управление на Руси было жестко централизовано, служители церкви подчинялись киевскому митрополиту. Церковная централизация и миграция духовных лиц также способствовали сплочению единой страны.

На каком же языке говорили на Руси в IX–XIII вв.? Естественно, на украинском – отвечают нам самостийники. Правда, в вопросе, откуда взялся украинский язык, в кругах творческой интеллигенции единства нет. Как уже говорилось, одни считают, что это язык древнего племени укров, от которых и пошло название «украинец», другие утверждают, что это язык атлантов, третьи грешат на Венеру – не богиню, а планету, разумеется.

Ну ладно, на каком языке говорил Ной – вопрос спорный, пусть даже на украинской мове. Ну а русские в Киеве в IX–XIII вв.? Ведь остались же книги, берестяные грамоты, надписи на иконах, стенах храмов и другие «граффити». Увы, нигде нет намека на украинский язык. Все надписи сделаны на старославянском (древнерусском) языке.

До 1990 г. ни один серьезный ученый, в том числе и на Украине, не сомневался, что в Киеве, равно как и в Новгороде, говорили и писали на одном и том же языке. «Таким образом, на момент принятия христианства и широкого развития культуры язык восточных славян отличался фонетическим, грамматическим и лексическим единством на огромной территории его распространения... Следовательно, язык Киевской Руси XI–XII столетий можно изучать по многочисленным письменным документам. Они в определенной степени отражали живой язык русского населения того времени»¹⁹. «Древнерусский язык далек от специфики современных украинских говоров, и нужно поэтому признать, что словарь последних

¹⁹ Рusanовский В. М. Происхождение и развитие восточнославянских языков. Киев, 1980. С. 14–23

во всем существенном, что отличает его от великорусских говоров, образовался в позднейшее время»²⁰.

А вот цитата другого украинского ученого: «В связи с формированием древнерусской народности, складывался и общий по своему происхождению, характеру живой язык этой народности, который на разных славянских землях имел местную окраску, диалектные отличия. Древнерусский литературный язык развивался на общенародной восточнославянской языковой основе»²¹.

А вот с 1991 г. именитые самостийные профессора и академики доказывают, что на Руси в XI–XIII вв. было два языка – разговорный (естественно, украинский!) и книжный (древнерусский или церковнославянский). А профессор И. П. Ющук доказывает, что устных языков было тоже два: «Детей князей, бояр, воинов, купечества, священников учили в этих школах не языку смердов, а церковнославянскому (староболгарскому) языку, на котором были написаны книги. Одни овладевали им лучше, другие – хуже, но уж между собой, чтобы отличаться от простолюдинов, общались если не на чистом церковнославянском языке, то на церковнославянско-украинском суржике». Не многовато ли четыре языка для бедных киевлян?

Украинский историк Анатолий Железный²² в своей книге «Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине» едко высмеял лингвистов-самостийников: «А вот теперь рассмотрим подробнее теорию украинских филологов о широком распространении украинского языка уже во времена Киевской Руси, который, по их утверждению, был господствующим и явился основой всех разновидностей славянских языков. Действительно ли уже тогда украинский язык существовал, или мы имеем дело с результатом предвзятого толкования древних письменных источников?

Существование церковнославянского и древнерусского языков ни у кого сомнений не вызывает, так как сохранилось достаточно много древних текстов, написанных на этих языках. В то же время науке неизвестен ни один достоверно древний, подлинный документ на украинском языке. Украинские филологи вынуждены объяснять этот крайне неудобный для них факт тем, что в те времена будто бы считалось неприличным и разговаривать и писать на одном и том же языке, поэтому люди между собой разговаривали на украинском языке, а когда брали в руки перо, то те же самые мысли записывали на том или ином письменном языке – церковнославянском или древнерусском (видимо, в зависимости от настроения).

В таком случае возникает вполне законный вопрос: если украинский язык не зафиксирован ни в одном древнем документе, то как же украинские филологи догадались о его существовании?

Для доказательства того, что наши далекие предки – жители Киевской Руси – разговаривали на украинском языке, была придумана весьма оригинальная теория, которую я назвал бы „Теорией описок и ошибок“, или „Теорией рассеянных писарей“. Ее смысл заключается в том, что будто бы древние писари, которые писали и переписывали книги и прочие тексты, абсолютно случайно, нечаянно, невольно, вследствие своей невнимательности и рассеянности иногда допускали описки и ошибки, и вместо тех слов, которые им диктовали или которые были в переписываемых оригиналах, употребляли совсем иные, хотя и одинаковые по смыслу слова. Делали они так будто бы потому, что в повседневной жизни привыкли

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ Гуслистый К. Г. К вопросу о формировании украинской нации. Киев, 1967. С. 6.

²² В одной из своих статей А. И. Железный пишет: «Я отношусь к категории русскоязычных граждан Украины не потому, что я „русифицировался“ и поменял свою фамилию Зализный на Железный, а по той простой причине, что я никогда не изменял своему родному языку, а воспринял его от моих родителей, которые тоже от рождения были русскоязычными, как и их родители, и вообще все предки неизвестно до какого колена (все по отцовской линии) испокон веков коренные киевляне). Моя фамилия Железный – наше родовое достояние и никто ее не „русифицировал“».

разговаривать на украинском языке и поэтому при рассеивании внимания случайно вписывали „украинизмы“. Вот эти-то вкравшиеся „украинизмы“, по твердому убеждению наших филологов, будто бы неопровержимо доказывают подспудное существование устного простонародного украинского языка. Вот такая очень убедительная теория!

Странно, однако, выглядит эта писарская „рассеянность“: меняя лишь форму слова, писари почему-то старались сохранить его смысл в точном соответствии с текстом.

Нетрудно заметить, что вся система доказательств в этой „теории“ базируется на полной, безоговорочной уверенности в том, что мы имеем дело с действительно случайными описками и ошибками и что сделаны они именно в те древние времена, а не столетия спустя при переписывании. И вся эта тщательно выпестованная „теория“ мгновенно рухнет, как только мы узнаем, что построена она на анализе не подлинных древних документов, а лишь их позднейших копий!.... Продолжим рассмотрение „Теории описок и ошибок“. Представьте себе такую картину: сидит писарь, ему диктуют какой-то текст, а он из-за своей невнимательности вместо церковнославянских или древнерусских слов время от времени пишет „украинизмы“. Не странно ли? Или иначе: писарь снимает копию, скажем, со „Слова о полку Игореве“. Вот он дошел до фразы „На второй день с самого утра кровавые звезды рассвет предвещают...“ Тут мысли у него смешались, и он неожиданно для себя старательно вывел: „Другого дни велми рано кровавые зори свет поведают...“

Давайте же, наконец, будем реалистами: рассеянность ли была причиной появления „украинизмов“? И почему эти так называемые „украинизмы“ так странно похожи на полонизмы?

Нет, панове украинские филологи. Не было на самом деле никаких писарей, пораженных болезнью массовой рассеянности. Были люди, тщательно и вполне квалифицированно выполнявшие свои профессиональные обязанности. Переписывая старые тексты, они совершенно сознательно (а не по рассеянности) заменяли устаревшие слова, вышедшие уже из употребления, на современные, но одинаковые по смыслу слова, изменяли форму некоторых слов, меняли отдельные буквы и вносили другие изменения и уточнения в соответствии с правилами современного выговора и современной грамматики. Словом, старались по возможности осовременивать старые тексты для того, чтобы сделать их полностью понятными читателю. „Появлялись литературные редакции того или иного памятника... редактировался язык рукописей, при этом часто на полях к тем или иным словам делались глоссы (лексические, словообразовательные), которыми при дальнейшем переписывании текста заменялись устаревшие или малопонятные слова“ (Г. С. Баранкова. О начале русской книжности». Русская словесность № 1, 1993/С. 27)...

...Василь Яременко утверждает, что в «Повести временных лет», созданной в XI – начале XII ст., «...украинская лексика льется сплошным потоком» (с. 493). И в качестве примера приводит вот такие слова: жыто, сочэвиця, посаг, вабыты, пэчэра, вэжа, голубнык, стриха, рилля, мыто, пэрэкладаты, вино...

А теперь, в полном соответствии с изложенной здесь версией о формировании украинского языка в XV–XVII веках как следствия полонизации славяно-русского языка, открываем польский словарь и читаем: *zyto* (рожь), *soczewica* (чечевица), *posag* (приданое), *wabić* (манить, привлекать), *pieczora* (пещера), *wieza* (башня), *gołębник* (голубятня), *strych* (чердак), *rola* (пашня), *myto* (плата, пошлина), *przekładać* (переводить), *wiano* (приданое)... Неужели кому-нибудь все еще не ясно, откуда появились в нашем языке все эти «украинизмы»?²³.

²³ Железный А. И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев: Киевская Русь, 1999. С. 33–34, 36–37, 39.

Глава 4

Батыево нашествие и его последствия

В 1237–1238 гг. Северо-Восточная Русь подверглась нашествию орды Батыя. Подробности нашествия достаточно хорошо изложены в литературе, в том числе и в моей книге «Русь и Орда» (М.: «Вече», 2004). Поэтому здесь я остановлюсь лишь на ряде вопросов, касающихся последующего раздела Руси.

Говоря о масштабах «Батыевой рати», не следует впадать в крайности. С одной стороны, десятки русских городов лежали в развалинах, причем многие из них более никогда не восстанавливались, как, например, Рязань, или были восстановлены спустя три столетия, как, например, Воронеж. Остатки многочисленных сожженных в XII в. городов современные археологи даже не могут идентифицировать с названиями городов, упоминаемых в летописях до 1238 г., а затем исчезнувших навсегда.

Однако десятки других городов уцелели. До одних городов татары просто не дошли, как, например, до Господина Великого Новгорода и его северных земель, другие города сумели договориться с татарами – Нижний Новгород, Смоленск, Ярославль, Кострома и др.

В марте 1238 г. на реке Сити татары разгромили русское войско и убили великого князя Юрия Всеволодовича и его сыновей. В свою очередь, брат Юрия Ярослав Всеволодович и его сыновья не приняли участия в борьбе с татарами и все уцелели.

Согласно летописи, узнав о гибели великого князя, старший после него брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями: брату Святославу отдал Суздаль, а брату Ивану – Стародуб (Северный).

Тут я предлагаю читателю взять в руки обычную географическую карту и калькулятор. Татары взяли Владимир 7–8 февраля 1238 г. Битва на реке Сить произошла 4 марта. Риторический вопрос: сколько могли лежать в столице Северо-Восточной Руси необузданные трупы? Некому убирать было? Так кого же тогда приехал «утешать» Ярослав?

Резонно предположить два варианта. По первому Ярослав приехал во Владимир до битвы на Сити или через неделю после нее, то есть в середине марта. В таком случае он вообще не собирался ехать на Сить, а ехал занимать великий стол.

Второй вариант: Ярослав из-за каких-то неотложных дел капитально задержался и узнал о битве на Сити в Киеве или по дороге. Но и тогда встает вопрос, а как он доехал до Владимира? Ведь по летописным данным татары повернули у Игнатьева креста в апреле 1238 г. Да и без летописи ясно, что распутица в 100 км от Новгорода раньше апреля не начинается. Так что в районе Козельска татары были в мае, а то и в июне.

А теперь посмотрим на карту. Козельск расположен почти по прямой Киев – Владимир, причем от Киева он в полтора раза дальше, чем от Владимира. Татарское войско было велико и по Руси шло завесой. Так как мог Ярослав в марте – июне 1238 г. проехать эту завесу насквозь из Киева до Владимира? Да и зачем ехать в разоренный город, бросив огромный богатый Киев, к которому летом 1238 г. могли подойти татары?

Вывод напрашивается один, пусть нам неприятный, но единственный, способный снять все вопросы, – Ярослав как-то договорился с татарами. Он знает, что они не пойдут на Киев и его не задержат татарские отряды по пути во Владимир. Тогда становится понятным, почему Ярослав по прибытии во Владимир и пальцем не пошевелил, чтобы организовать отпор татарам, а занялся административно-хозяйственной деятельностью.

Любопытен и еще один момент. Ярослав Всеволодович бросает Киев, на который татары нападут еще только через два года, и едет в разоренный Владимир. Это хорошо пока-

зывает, что политический и экономический центр Руси уже давно сместился из Киева в Северо-Восточную Русь.

Осенью 1240 г. татарские рати появились под Киевом. Командовал ими по-прежнему Батый. Как и в 1237–1238 гг., в составе татарского войска было несколько тысяч болгар под началом Гази Бараджа.

Татары установили многочисленные осадные орудия перед юго-восточными Лядскими (Польскими) воротами Киева, где лесистый склон обеспечивал хорошее укрытие. Через несколько дней ворота были разрушены, и татары ворвались в Киев. Свыше суток бой шел внутри города. Последние защитники дрались насмерть у Десятинной церкви в самом центре Киева. 6 декабря татарам удалось, используя пороки (тараны), разрушить церковь, и сотни горожан погибли под ее обломками.

Киев горел. Позже археологи раскопали несколько сгоревших домов со скелетами внутри, причем среди скелетов были и «монгольские»²⁴.

Падение Киева навело панический страх на русских князей. Михаил Всеволодович вместе с сыном Ростиславом побегал в Польшу к князю Конраду Мазовецкому, а Даниил Романович с сыном Львом – в Венгрию. Следует заметить, что и часть населения Юго-Западной Руси также спасалась бегством в эти страны.

После Киева татары двинулись по Волыни. Первым они осадили город Ладыжин²⁵ на Буге. Город был хорошо укреплен. В течение нескольких дней 12 пороков безуспешно долбили в его стены. Тогда татары начали льстивыми словами уговаривать горожан сдать Ладыжин, те поверили, сдались и были все истреблены. Потом татары взяли Каменец, Владимир, Галич и ряд других городов. Уцелела лишь одна непреступная крепость Кременец.

Затем татары двинулись в Центральную Европу.

В 1242 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович побывал в ставке Батыя. По словам летописца, хан принял Ярослава с честью и, отпуская, сказал ему: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе».

В 1245 г. Ярослав Всеволодович вновь поехал в Орду к хану Батыю, а затем отправился дальше в Монголию к Великому хану Гуюку, сыну покойного Угедея.

Официальные историки утверждают, что Ярослава заставили туда ехать. А вот кто его заставил? Батый? Очень сомнительно, чтобы сюзерен отправил своего вассала к своему врагу. В Средние века это было не принято. Наоборот, существовал принцип: «Вассал моего вассала – не мой вассал».

Остается предположить, что Ярослав хотел как-то сыграть на внутриордынских противоречиях. На обратном пути из Каракорума в 1246 г. Ярослав Всеволодович умирает. То ли организм не выдержал долгого пути, то ли имело место отравление – этого мы не узнаем никогда.

Когда на Руси узнали о смерти Ярослава, владимирский престол «по старинке» занял следующий по старшинству брат Святослав Всеволодович.

Однако в 1247 г. власть в Великом княжестве Владимирском захватывает пятый сын Ярослава Всеволодовича Михаил Хоробрит. Через год Хоробрит погибает в битве с литовцами.

Сразу после захвата престола Михаил, его дядя Святослав, племянник Димитрий, братья Александр Невский и Андрей отправились в Орду жаловаться на Михаила Хоробрита, и каждый, разумеется, мечтал получить Владимирский стол. Причем Александр с Андреем ездили даже в Каракорум. В результате Александр получил Киев и южнорусские земли, а Андрей – Владимир. Причина, почему младший брат Андрей получил намного больше

²⁴ См.: Мартынов А. И. Археология СССР. М.: Высшая школа, 1973.

²⁵ В XIX в. одноименное местечко Гайсинского уезда Подольской губернии.

старшего Александра, историкам не ясна. Так, историк В. Т. Пашуто полагал, что регентша Огуль-Гамиш, вдова хана Гуюка, была настроена враждебно по отношению к Батю и, поскольку считала, что Александр имел слишком тесные связи с Золотой Ордой, поддержала Андрея²⁶. Выдвигались и другие гипотезы. Дошло до утверждения, что старая ханша влюбилась в красавца Андрея.

Святослав Всеволодович с сыном Дмитрием вернулись из Орды с пустыми руками. Далее летопись молчит об их судьбе.

В начале 1249 г. Андрей и Александр Ярославичи вернулись на Русь. Андрей сел на великокняжеский престол во Владимире, но Александр принципиально не захотел ехать в Киев. После Батыева погрома не было восстановлено и десятой части города. Мало того, как писал итальянский путешественник Плано Карпини, проезжавший через эти места в 1246 г., Канов²⁷, находящийся в 90 верстах от Киева, стал уже татарским городом. Так что кормиться князю и его дружине в Киеве было нечем, да и в любой момент могли нагрянуть татары.

В итоге Александр Невский несколько месяцев погостил у брата Андрея во Владимире, а потом отъехал в Новгород.

Можно только гадать, как повернулась бы история Руси, если бы Александр Невский, вместо того чтобы затевать свары с братом за Владимирский стол, отправился бы в Киев. Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения.

А что же происходит на юге Руси после 1240 г.? Советские учебники, от школьных до вузовских, давали единую формулу: «Польско-литовские феодалы, воспользовавшись ослаблением Руси после нашествия Батыева, захватили западные и южные русские княжества». Это обычная «совковая» ложь. Говоря о «совковой» (или советской) лжи в истории, я говорю не о вождях большевиков (у них и своих грехов предостаточно), а о «советской исторической школе». В СССР до предела было централизовано управление экономикой, внутренней и внешней политикой и т. д., но в историю наши вожди, как правило, не лезли, а лишь указывали общее направление. Так что во всех конкретных глупостях, вранье, передергивании фактов виновны исключительно наши академики и профессора.

Начну с того, что термин «польско-литовские феодалы» можно применять разве что с начала XVII в., а для 1240 г. это была, мягко выражаясь, нелепица. Литовцы были достаточно агрессивны, но в первые три десятилетия после нашествия Батыевой рати их столкновения с русскими шли с переменным успехом. Польша была раздроблена на удельные княжества не меньше, чем Русь, и вдобавок вела кровопролитные войны с Тевтонским орденом, литовцами и венграми.

Вопреки мнению советских историков личность правителя достаточно часто играла решающую роль в развитии страны. Галицко-волинские земли пострадали от нашествия Батыева не меньше, чем Северо-Восточная Русь. Тем не менее храбрый воин и мудрый политик князь Даниил Галицкий не только отразил поползновения венгров и ляхов на свои земли, но и быстро перешел к тактике войны «на чужой территории и малой кровью». Войска венгерского короля Бэлы были разбиты в 1249 г. близ города Ярославля (в Галиции), и, чтобы избежать вторжения русской рати, король выдал свою дочь за Даниилова сына Льва.

Войска Даниила неоднократно вторгались в польские пределы. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», Даниил умело пользовался усобицами в Польше и в союзе с одними польскими князьями громил других.

После смерти австрийско-штиринского герцога Фридриха²⁸, не оставившего мужского потомства, между венгерским королем и императором Священной Римской империи начался

²⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950.

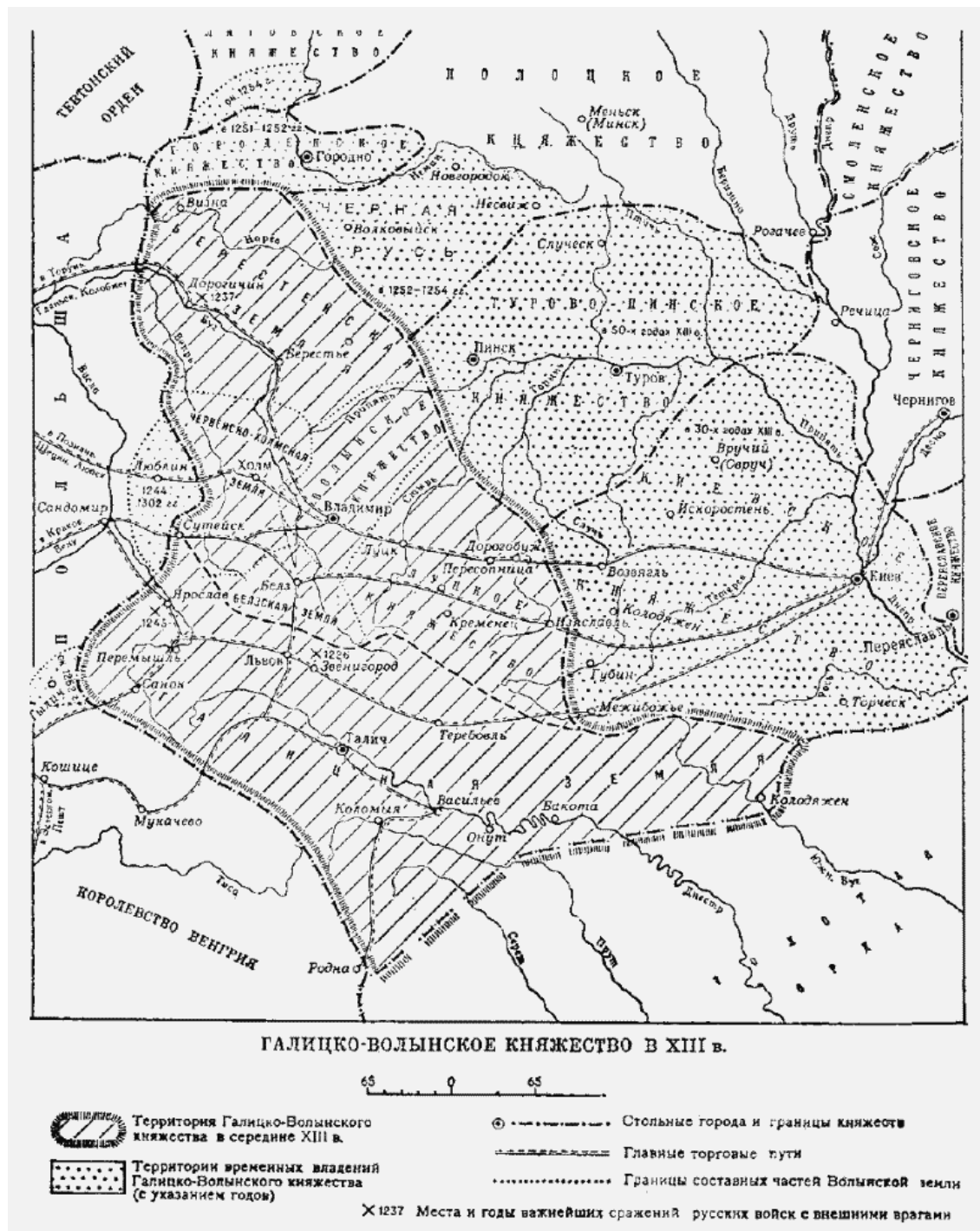
²⁷ Современный Канев, город на Днепре в 100 км от Киева.

²⁸ Штирия формально входила в состав Священной Римской империи.

спор за его земли. Даниил Галицкий поддержал свояка Бэлу и двинул войска в Австрию. Одновременно князь действовал и иными методами.

Дочь покойного Фридриха Гертруда отправилась за поддержкой к королю Бэле. Там она познакомилась с другим сыном Даниила Галицкого Романом. В 1254 г. состоялась свадьба Романа и Гертруды. Русско-венгерское войско взяло город Носельт. Однако из-за предательства союзников Даниилу не удалось овладеть Австрией. Роман Даниилович и Гертруда несколько месяцев провели в городе Нейбурге недалеко от Вены, но были изгнаны оттуда богемским королем Оттокар, женатым на другой дочери Фридриха. Ну что ж, поражение поражению рознь. На мой взгляд, поражение под Веней стоит победы над пятью десятками тевтонских рыцарей и несколькими сотнями чухонцев на льду Чудского озера. Как заметил летописец, ни один русский князь никогда не заходил так далеко на запад, как Даниил.

В апреле 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил к татарам специальную дипломатическую миссию во главе с одним из основателей ордена францисканцев Плано Карпини. Он должен был вручить папскую бумагу великому монгольскому хану, а заодно вступить в контакт с южнорусскими князьями. В начале 1246 г. Карпини побывал во Владимире-Волынском, где беседовал с братом Даниила Васильком Романовичем, сам же Даниил в это время ездил к Батью. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима вступить с ним в переговоры. Даниил согласился, поскольку поверил обещанию Иннокентия IV поддержать его в борьбе с татарами.

Галицко-Волынское княжество в XIII веке

Замечу, что Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными русскими князьями. Ведь именно в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причем папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совер-

шать службу на заквашенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время крестовых походов прошло. Да и в XI–XII вв. Крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?» – велел ответить он папе.

В 1253 г. во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велел передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганых». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.²⁹ в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещевания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы, просто «надо ведь было что-то сказать».

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

А теперь перейдем к «литовским феодалам».

В 40-х гг. XIII в. среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Товтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в литовские дела. Посоветовавшись с братом Василько, он послал сказать польским князьям:

²⁹ По другим источникам это произошло в конце 1253 г.

«Время теперь христианам идти на поганых, потому что у них встали усобицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войска не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ятвягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндовга, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братьи».

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными, выступили в поход. Даниил послал Василька на Волковыск, своего сына – на Слоним, а сам пошел к Здитову. Поход был успешным, и русские полки с богатой добычей и полоном возвратились домой.

Затем галицко-полоцкое войско под началом Товтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но Орден не торопился, и Товтивилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к войне.

Миндовг сообразил, что войну на два фронта, с Даниилом и с Орденом, он не осилит. Тогда он тайно послал к магистру Ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, Орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, не долго думая, крестился. Папа римский Иннокентий IV был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства. И действительно, кульмский епископ возложил королевскую корону на голову Миндовга.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае возвратиться в прежнюю веру. В летописи говорится: «Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Как бы то ни было, но Миндовг сделал Орден из врага союзником, и теперь уже князь Товтивил вынужден был бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкынту, он собрал войско из ятвягов, жмуди и русского отряда, присланного Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь которому подошли немцы. В 1252 г. эта война не ознаменовалась никакими решительными действиями. На следующий год вмешался князь Даниил, он опустошил Новогрудскую область, а Василько с племянником Романом Даниловичем взяли Городен.

Но в конце 1255 г. Миндовг и Даниил заключают мир. Посредником и миротворцем стал сын Миндовга Воишелк. Личность эта была весьма одиозная, поэтому не грех и сказать о нем пару слов. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк стал княжить в Новгороде [Новогрудке], будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека. В который день не убивал никого, был печален, а как убьет кого, так и развеселится». Вдруг пронеслась весть, что Воишелк – христианин. Мало того, он оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

Вот этот-то раскаявшийся Воишелк и явился к королю Даниилу, чтобы быть посредником между ним и своим отцом Миндовгом. Условия были предложены крайне выгодные: младший сын Даниила Шварн получал руку дочери Миндовга, а старший, Роман, получал Новогрудок, Слоним, Волковыск и другие города, хотя и с обязательством признавать над собой власть Миндовга. Даниил не мог не согласиться, и мир был заключен. Воишелк хотел пробраться в Афонский монастырь, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через Венгрию. Но смуты и волнения, охватившие тогда весь Балканский полуостров, заставили

Воишелка возвратиться назад из Болгарии. Впоследствии на реке Неман между Литвой и Новогрудком он основал свой монастырь.

Таким образом, королю Даниилу удалось снова утвердиться в волостях, занятых было литовскими князьями. В середине XIII в. полоцкие князья Изяславиичи уступили свои волости Литве. Последним полоцким князем был Брючислав, его имя встречается в русской летописи в 1239 г. по случаю брака его дочери и князя Александра Невского. А в 1262 г. в летописи уже фигурирует полоцкий князь литвин Товтивил – сын сестры Миндовга.

Однако мир между Даниилом и Миндовгом просуществовал только пять лет. В 1260 г. Воишелк и Товтивил за что-то схватили молодого князя Романа Данииловича. На выручку ему в Литву вторглись король Даниил и его брат Василько. Чем кончилось дело, как освободили Романа – неизвестно. Известно только, что в 1262 г. Миндовг, желая отомстить Васильку, который вместе с татарами нападал на его земли, послал на Волынь две рати. Пограбив вволю, литовские воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Одна рать остановилась у озера вблизи города Небл, тут-то их и нагнал Василько. По словам летописца, русские дружинники не оставили в живых ни одного человека – одних порубили мечами, других загнали в озеро, где те и потонули.

В 1261 г. король Миндовг в очередной раз поссорился с Орденом. Для начала он приказал схватить всех христиан в Литве, причем часть их при этом была убита. Видимо, пострадали только католики, поскольку православных немецкие хронисты не считали христианами. В том же году Миндовг вступил в союз с Александром Невским, которого немецкие хронисты величали королем. Однако по ряду причин синхронного совместного удара по Ордену не получилось. Русские и литовцы действовали порознь и в разное время. Тем не менее литовцы осадили Венден. А русские под командованием князя Дмитрия, сына Александра Невского, сожгли орденский город Дорпат (он же Дерпт, бывший русский город Юрьев), но не смогли взять замок.

В 1262 г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши, – у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то что она была уже замужем за нальщанским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», – и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзеру. Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263 г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату полоцкому князю Товтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Товтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и убили Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга Давид-Воишелк узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Данииловичу – мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погибает дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежит вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт становится грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве переходит к Воишелку причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк вновь прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом.

В 1264 г. умирает король Даниил. Королем становится его сын Лев, который управлял княжеством («королествовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни.

В Литве же сложилась любопытная ситуация. Воишелк в 1268 г. вновь вспомнил, что он монах Давид, и поселился в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в своих владениях отдал зятю Шварну Тот, опасаясь, видимо, возобновления внутренних волнений в Литве, просил Воишелка покняжить еще совместно, но тот решительно отказался: «Много согрешил я перед богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском монастыре, Воишелк говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но утешаться монаху Давиду пришлось всего год: в 1269 г. Шварн умер. Детей у него не осталось, и литовские вельможи срочно вызвали Воишелка-Давида из монастыря. Князь победил монаха, и Воишелк вновь стал княжить в Литве, да еще так, что ухитрился поссориться с братом Шварна королем Львом Даниловичем.

Дело шло к войне, но тут вмешался старый Василько Романович, князь волынский, и пригласил обоих к себе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Василько во Владимир-Волынский, где старый советник князя Даниила немец Маркольд позвал всех троих князей к себе на обед. За обедом князья примирились, повеселились от души, хорошо поели и изрядно выпили. К ночи старый князь Василько поехал к себе домой, а Воишелк – в Михайловский монастырь, где он остановился. Но дело этим не кончилось. Среди ночи к Воишелку приехал Лев и предложил продолжить веселье: «Кум! Попьем-ка еще!» Попили еще, по пьянке рассорились, дошло до драки с поножовщиной, и Лев убил Воишелка.

После этого Лев предложил себя в кандидаты на литовский престол. Однако там о нем и слышать не хотели. Вскоре литовские вельможи выбрали себе князя из этнических литовцев. Так провалилась первая попытка мирного объединения Литвы с Русью.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226–1279) – князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279–1288).

Король Лев Данилович не утомился после неудачи в Литве и решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногая помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединился родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Вла-

димир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шел, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестьем», поскольку при Гошличе, в двух милях от Сандомира, был разбит поляками наголову. А в 1281 г. Лешко Черный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжег его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью двести человек вошел в волынские земли у Берестья (Бреста). Поляки разорили с десяток сел и пошли назад. Но жители Берестья во главе с воеводой Титом, всего около семидесяти человек, напали на поляков, убили восемьдесят человек, остальных взяли в плен и возвратили все награбленное.

Затем начались усобицы между князьями мазовецкими – детьми Семовита Конрадом и Болеславом. Конрад обратился за помощью к князю волынскому Владимиру Васильковичу, тот послал сказать: «Скажи брату – бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь», и стал собирать полки. Послал князь Владимир и к своему племяннику князю холмскому Юрию Юльвовичу, тот ответил: «Дядюшка! С радостью бы пошел и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру немногих людей: так все мои люди и бояре богу на руку да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай».

Владимир Василькович собрал полки и двинулся к Берестью, но прежде послал к Конраду посла. Тот, опасаясь неверных бояр, сказал Конраду: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостью бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». При этом посол взял князя за руку и крепко пожал ее. Князь догадался, уединился с послом и тогда услышал радостную весть: «Брат велел тебе сказать: приготавливайся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». На следующий день волынское войско переправилось через Вислу и пошло с Конрадом во владения Болеслава. Полки осадили город Гостинный. Конрад стал подстрекать их на штурм: «Братья мои, милая Русь! Ступайте, бейтесь дружнее!» Часть войска двинулась под стены, а остальные полки остались на месте, на случай внезапного нападения поляков с тыла.

Вскоре город был взят, разграблен и сожжен, жители частично перебиты, частично взяты в плен. Волынские полки с победой и великой честью вернулись домой, потеряв всего двух человек, да и то не при штурме Гостинного, а по дороге.

Как видим, стенания «совковых» историков о нехорошем поведении польско-литовских феодалов, напавших на Западную и Южную Русь после Батыева нашествия, мягко говоря, неуместны. Наоборот, рати Даниила Романовича гуляли по Польше и Австрии, и нелепая случайность не позволила включить Литву в королевство Данилычей.

К концу XIII в. Русь переживала довольно сложный период. О ситуации в Галицко-Волынском княжестве мы уже знаем. Тут остается добавить, что могучему королю Роману и его потомкам все-таки приходилось платить дань татарам, но делал он это самостоятельно и не подчинялся великим князьям владимирским. Между тем последние существенно усилили свою власть посредством «татарского батога». Князь, носивший титул великого князя владимирского, обычно и не жил во Владимире, а получил от татар право собирать для них дань со всех князей Северо-Восточной Руси и Господина Великого Новгорода. Естественно, что значительная часть собранных средств «прилипала» к рукам одного князя.

Классической характеристикой Руси конца XIII–XIV вв. стали слова историка В. О. Ключевского: «...во всех русских нравах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого

выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала беспокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиваться в народную робость, в черту национального характера».

На самом же деле Ключевский прав не везде и не всегда. Так, Смоленское княжество, управляемое династией Ростиславичей, потомков Давида Ростиславича (1140–1197), не платило дани Золотой Орде. Лишь в течение небольшого отрезка времени, примерно в 1280–1285 гг. смоленские князья были вынуждены платить дань. Это были годы правления выроodka из рода Ростиславичей татарского прихвостня Федора Чермного. При жизни его проклинала вся Русь, Булгария и Северный Кавказ, но в 1463 г. он при анекдотичных обстоятельствах стал первым ярославским святым. В 1286 г. смоляне призвали нового князя Александра Глебовича, племянника Чермного, и прекратили выплату дани.

В 1293 г. в ходе нашествия Дюденевой рати татары сожгли город Можайск, входивший в состав Смоленского княжества. Но ни Александр Глебович, ни его сын Иван по-прежнему не желали платить дань. Мало того, в конце XIV в. к Смоленскому княжеству было присоединено и Брянское княжество. Теперь и оттуда перестал идти «выход в Орду».

Татары несколько лет терпели, но вот в 1333 г. хан Узбек послал татарскую рать на Смоленск. Вместе с татарами шел с дружиной брянский князь Дмитрий Романович. Но взять город не удалось, и татарам с союзниками пришлось возвращаться, несолоно хлебавши.

Зимой 1339/40 г. хан Узбек вновь вспомнил о непокорном Смоленске и направил туда куда большее войско во главе с Товлубием (убийцей князя Александра Тверского). Еще в Орде к Товлубею присоединился рязанский князь Иван Коротопол с дружиной.

По ходу к Товлубею присоединились со своими дружинами князья Константин Суздальский, Константин Ростовский, Иван Юрьевский, Иван Друцкий и Федор Фоминский. Московский князь Иван Калита болел и присоединиться не мог, но послал большую рать во главе с боярами Александром Ивановичем и Федором Акинфовичем. Как писал Н. С. Борисов: «Калита поднял и погнал под Смоленск даже тех, кто отродясь не хаживал в такие походы – „мордовска князи с мордовичи“»³⁰. Тверские князья в походе не участвовали.

Подойдя к Смоленску, огромная союзная армия начала жечь и грабить округу, но взять города не смогла. Замечу, что тогда в Смоленске не было большой каменной крепости, которая была построена при Борисе Годунове и сохранилась до сих пор. Зато город прикрывал мощный земляной вал, толщина которого в основании достигала 30 м. Длина вала составляла примерно 3,5 версты, площадь крепости – 65 гектаров. На валу имелся деревянный тын с несколькими башнями.

Как с едкой иронией написал летописец: «И пришедше под Смоленск, посады пожгоша, и власти и села пограбиша, и под градом немного дней стояше, и тако татарове поидоша во Орду со многым полоном и богатством, а русстии князи возвратишася во свояси здравы и целы»³¹.

Видимо, при отходе смоляне хорошо наподдали «собирателям земли русской».

Ну да ладно, Ростиславичи хоть защищали свою отчину. А вот новгородская вольница дошла до беспредела. Повадились на речных судах – ушкуях – ходить на Волгу и Каму татар бить. Ну ладно, раз, два, а то ведь промысел себе устроили. Несколько раз жгли Джукотау (около современного Чистополя), Сарай, Болгар, доходили до Хазтаракани (Астрахани) и даже до границ Китая!

³⁰ Борисов Н. С. Политика московских князей (конец XIII – первая половина XIV века). М.: Издательство московского университета, 1999. С. 324.

³¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 10. С. 206.

Увы, походы ушкуйников в XIV – начале XV вв. никак не укладывались в традиционные схемы царских и «совковых» ученых, и о них решено было забыть. Но их никогда не забывали татары. Другой вопрос, что при царе и большевиках писать об этом было нельзя. Но вот с 1991 г. практически ни один труд татарских историков не обходится без проклятий по адресу ушкуйников. Татарские художники рисуют полотна, где изображают схватки их предков со злодеями ушкуйниками. Вот, к примеру, монография Альфреда Хасановича Халикова («Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария», Академия наук Татарстана, Казань, 1994). Ох, как не нравятся автору «разбойные походы новгородских ушкуйников, например, в 1360, 1366, 1369, 1370, 1371 гг.» «1391–1392 гг. – массивный поход новгородцев и устюжан на Вятку, Каму и Волгу, взятие ими Жукотина и Казани».

«Грабительские походы русских ушкуйников, начиная с 1359 года постоянно снаряжаемые против Булгарского улуса, привели булгарские земли на грань опустошения и разорения. Так, на надгробии 55-летнего Инука, найденном в Булгаре, хотя и невозможно разобрать, от чьей руки он погиб, но вряд ли вызывает сомнение, что это были ушкуйники. Такие камни характерны и для времен Казанского ханства, там прямо указано, что покойник был убит во время „нашествия русских“»³².

На реке Каме татарские археологи обнаружили город Кашан, состоявший из двух городищ. Кто его разрушил? Конечно, ушкуйники в 1391 г., как утверждает тот же Халиков.

Из трудов казанских историков можно составить длинный список булгарских городищ, уничтоженных русскими в XIV в.

Итак, было всё – и ужасы ига, и энергичный отпор русских людей. Из краткого экскурса в конце XIII – начале XIV вв. выпало только развалившееся на множество осколков Черниговское княжество. Оно-то и стало добычей литовцев, но об этом в следующей главе.

³² Марсель Ахметзянов, кандидат филологических наук. «Турусы на колесах, или О новых фальсификациях в истории татарского народа» (Журнал «Идель» № 5/1993).

Глава 5

Явление Великой Литвы

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над «і»: сведений о Литве до середины XIII в. ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 г.

По мнению литовских историков, слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва – это небольшой район между реками Нерис, Виляя и Неман.

Разрозненным литовским населением правили десятки князей (кунигасов). Важную роль играли языческие жрецы. Сведения о религии литовцев скудные и довольно противоречивые. Тем не менее следует отметить, что их верования были очень близки к славянским. Так, и у славян, и у литовцев большую роль играл «живой огонь» – Знич. Раз в году с помощью трения добывался новый живой огонь, от него зажигали огонь у жертвенника и разносили по домам. Если огонь на жертвеннике потухал по вине жреца, то его немедленно убивали.

Бог войны, повелитель грома и молний, у литовцев звался Пяркунас, западные славяне называли его Перкунос, а восточные – Перун. Как и славяне, литовцы создавали большие деревянные идолы Пяркунаса. Перед этими идолами совершали жертвоприношения – буйволов, быков, но, разумеется, Пяркунас больше всего любил людей. При этом если славяне убивали жертву Перуну (обычно пленных) мечом, то литовцы жгли людей живыми.

Особую роль в религии литовцев играл Крива – божество Луны. Славяне тоже поклонялись Криве, но культ его был менее распространен.

Общими в пантеоне богов были богиня любви Милда (у славян – Милка) и скотский бог Велияс (у славян – Велес). А вот бог пчеловодов Рагутис у славян не встречался.

Конфликты Руси с литовцами отмечены в русских летописях еще во времена Владимира Святого.

На русские земли нападали как литовские князья, так и небольшие группы латрункулей, то есть профессиональных разбойников. Русские князья действовали достаточно пассивно и походы в Литву совершали в основном для того, чтобы вернуть награбленное. Впрочем, не исключено, что ряд пограничных литовских племен платили дань русским.

В начале XIII в. крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду – они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло несколько межплеменных союзов. Тем не менее в летописях с 1240 по 1292 г. упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV в., в литовских летописях появляются сведения, что-де литовские князья произошли от Палеймона, родного брата... римского императора Нерона. Сей мифический братец отправился из Рима на север, там родил трех сыновей Барка, Куноса и Спера, – и вот от Куноса-де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймона нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении, по крайней мере, части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Роголодовича³³.

³³ Ростислав Роголодович – сын хорошо известного по летописям князя Роголода Всеславича, правившего Полоцком в XII в.

Существует и еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя.

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедимин. Происхождение его неизвестно. Однако он был талантливым полководцем и дипломатом. В 1320 г. Гедимину удалось захватить город Владимир-Волынский, принадлежавший Галицкому королевству. Замечу, что в войске Гедимины этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими – полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедимин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье.

После Пасхи 1321 г. Гедимин, собрав литовские, жемайтйские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедимины было встречено дружинами короля Льва Юрьевича, его «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени галицкое войско потерпело страшное поражение, король Лев и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедимин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедимину.

Гедимин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедимину двинулся Крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедимин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И услышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкасы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедимину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедимину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедимину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедимину, и на том присягнули.

И князь великий Гедимин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время великий князь киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедимином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти великим князем рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был великим князем рязанским» («Хроника Быховца»).

Сведения о взятии Гедимином Киева имеются лишь в «Хронике Быховца» и последующих ее компиляциях. Ряд же историков, начиная с XIX в., как, например, М. С. Грушевский³⁴, В. Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедимины с волынскими князьями из-за Подляхьи. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедимины.

Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но в любом случае Гедимину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 г. упоминает о

³⁴ Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 478–481.

киевском князе Федоре³⁵, который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локеток (1305–1333) попытался организовать захват Галицко-Волынского княжества. Летом 1325 г. он добился от римского папы провозглашения крестового похода на «схизматиков»³⁶. Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

Печать галицкого короля Юрия Львовича. Обратим внимание на надпись: «Король русский». Сейчас он, разумеется, стал украинским королем Юрием-Болеславом

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католи-

³⁵ Правда, некоторые историки, в том числе и Н. М. Иванов, считают Федора родным братом Гедимины, однако документальных подтверждений этому нет.

³⁶ Схизматиками католики называли православных.

чества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир-Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедиминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х гг. XIV в. «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Еще в начале 1340 г. бояре составили заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во Владимире-Волынском. Большинство средневековых авторов сходится на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широкие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III, сыну Владислава Локетка, в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь. Польские войска заняли несколько замков, в том числе и львовских, и грабили местное население. Одновременно и венгерский король, очевидно, по договоренности с Казимиром, двинул в Галичину свои войска, но они были остановлены на границе галицкими дружинами.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами наносит контрудар по Польше и доходит до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта³⁷, которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ей правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х гг. XIV в. Дядька самостоятельно, без участия Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х гг. XIV в. В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его преемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал Рим.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344–1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины

³⁷ Князь Любарт (1312–1397) – сын Гедимины, православное имя Федор. Дважды женат: с 1331 г. – на Анне Андреевне, княжне волынской, с 1349 г. – на Агафье Константиновне, княжне Ростовской.

Саноцкую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир-Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

Тут следует отметить один важный момент. В 90-х гг. XX в. многие литовские и украинские историки стали утверждать, что-де польские и литовские войска освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме. Так, папа Иннокентий VI в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю»³⁸.

³⁸ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Roma, 1860. T. I, № 776. S. 581.

Глава 6

Победила не Литва, а ее название!

С начала XIV в. в состав Великого княжества Литовского постепенно входят земли западной, центральной и южной Руси. Я лишний раз подчеркиваю, что литовская экспансия началась в XIV в., а не сразу после 1240 г., как вещали царские и советские историки. Шестдесят лет – это жизнь двух поколений!

В 1307 г. литовский князь Витень изгоняет тевтонских рыцарей из Полоцка, и там в 20-х гг. XIV в. правит полоцкий князь Воин, брат Гедимины.

В 1319 г. литовский князь Гедимин захватывает древний русский город Берестье.

На следующий год литовцы занимают Витебск. Замечу, что в 1281–1297 гг. Витебское княжество было в вассальной зависимости от смоленских князей. Последний витебский князь Ярослав Всеволодович, внук великого князя владимирского Андрея Ярославича, умер в 1320 г., не оставив мужского потомства, поэтому княжество перешло к князю Ольгерду, женатому на Марии, дочери Ярослава Всеволодовича.

В 1323 г. к Литве была присоединена Черная Русь (Поднеманье) и Поляшье (Подлесье).

В середине XIV – начале XV вв. к Литве отходят несколько небольших княжеств, образовавшихся в середине XIII в. после распада Черниговского княжества: Брянское, Новгород-Северское, Рыльское, Путивльское, Новосильское и т. д.

Почему же маленькая дикая Литва сумела захватить русские земли, в несколько раз превосходившие территорию, где жили этнические литовцы? И советские, и националистические историки Украины, Белоруссии и Литвы сводят дело к татарскому фактору. Первые, как я уже говорил, утверждали, что-де татары так разорили Русь, что она не могла сопротивляться, а националисты утверждают, что, мол, русское население видело в литовцах освободителей от татарского ига.

Обе точки зрения не выдерживают элементарной критики. Начну с того, что Полоцкое, Брестское и другие княжества Западной Руси пострадали от татар куда меньше, чем Владимиро-Суздальские земли. Тем не менее великие князья владимирские сумели в XIII–XIV вв. дать отпор и литовцам, и Тевтонскому ордену, и шведам.

Что же касается мнения националистов, то захваченные литовцами русские земли продолжали платить дань Золотой Орде. Только теперь это делали не местные князья Рюриковичи, а литовские князья. Так, к примеру, летописец сообщает о выплате в 1362 г. (!) Орде дани с Киевской, Черниговской и Волынской земель.

Так как и почему русские земли вошли в состав Великого княжества Литовского? Начну с того, что документальных сведений событий XIV в. в захваченных Литвой землях до нас дошло крайне мало. Тем не менее можно примерно обрисовать процесс перехода русских княжеств под власть Великого княжества Литовского.

Как уже говорилось, Великое княжество Владимирское еще в середине XIII в. буквально плюнуло на западные и южные русские земли. Дети, внуки и правнуки Александра Невского непрерывно воевали между собой за владимирский престол. Предел их мечтаний – выбить побольше денег из Господина Великого Новгорода, отправить побольше дани и подарков золотоордынскому хану и выпросить у него ярлык на Владимирский стол. Между тем все великие князья владимирские, в том числе и Иван Калита, считали себя и князьями киевскими, но это была лишь пустая формальность, делами своей «отчины» они никогда не интересовались.

Литовские князья были смелыми и опытными полководцами, а их дружины хорошо закалены непрерывными войнами с тевтонскими рыцарями. Естественно, жители русских городов были заинтересованы иметь такого князя в качестве защитника.

Вопреки мнению советских ученых никакого закабаления русского народа «литовскими феодалами» попросту не было. В присоединенных к Литве русских княжествах происходила лишь замена князей Рюриковичей на литовских князей Гедиминовичей. Как писал советский историк Н. М. Иванов: «Явление это напоминает появление на Руси несколькими столетиями раньше Рюриковичей».

В ряде случаев литовцы оставляли на престолах и князьях Рюриковичей, ставших вассалами Великого княжества Литовского. У литовских князей около 80 % жен были княжны Рюриковны.

Не только литовские князья, но и их дружинники быстро научились говорить по-русски. Нет никаких данных о переселении этнических литовцев на захваченные русские земли. Мало того, процент этнических литовцев в дружинах великих князей литовских и их вассалов, княживших в русских землях, в течение XIV в. неуклонно падал, и в начале XV в. литовцы там не составляли и пяти процентов.

Литовские бояре и дружинники, приехавшие вместе со своими князьями в русские города, женились на русских и обрусевали в первом или втором поколении.

Официальным языком Великого княжества Литовского был... русский, а вся документация велась на кириллице, поскольку литовцы вообще не имели своей письменности.

Некоторые проблемы возникали с религией. Дело в том, что население этнической Литвы было убежденными язычниками. Литва крестилась в конце XIV – начале XV вв., то есть литовцы стали последним в Европе народом, принявшим христианство.

Однако литовские князья не только не пытались принудить русских принять язычество, но даже не пропагандировали его. Мало того, литовские князья начали исповедовать двоеверие, а то и троеверие. Причем речь идет не о попытках сочетать христианские обряды с языческими, как это было, скажем, на Руси в XI–XII вв. Литовские князья в русских землях соблюдали все православные обряды, а, переезжая в Литву, немедленно становились язычниками. А при необходимости, например, заключая договор с крестоносцами или поляками, принимали католичество, что, впрочем, никак не отражалось на выполнении ими православных и языческих обрядов. Большинство князей Гедиминовичей были крещены по православному обряду.

Великий князь Гедимин (годы правления 1315–1340) имел двух официальных жен. По одной версии первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй – Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (или Ольга Глебовна, княжна рязанская). По второй версии первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедимины была одна или даже обе жены русскими, означает, что он принял православие: выдача князей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедимин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати – начинали публично выполнять языческие обряды.

Гедимин имел семерых сыновей³⁹: Монвида (ум. 1340 г.), Нариманта (1277–1348 гг.), Ольгерда (1296–1377 гг.), Кейстута (1298–1381 гг.), Корьята (ум. 1390 г.), Любарта (1312–1397 гг.) и Евнута (Евнутия) (1317–1366 гг.).

Формально все сыновья Гедимины были крещены и имели православные имена, так, Наримант был Глебом, Ольгерд – Александром, Корьят – Михаилом и т. д. Немцы уже с

³⁹ Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.

XIV в. стали называть Вильно⁴⁰ «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедимины женились на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенящевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

В XIX в. среди русских историков был в ходу афоризм: «Победила не Литва, а ее название». Таким образом, с начала XIV в. до середины XVI в. на огромной территории от Бреста до Вязьмы и от Торопца (на севере) до Киева существовало русское православное государство, именуемое Великим княжеством Литовским.

Об отношении русского населения к литовским князьям в конце XIII – первой половине XV в. говорит то, что многие русские города, формально входившие в состав Великого княжества Владимирского, приглашали литовских князей к себе... княжить! Так, число литовских князей, призывавшихся новгородцами и псковичами к себе с начала XIII в. по середину XV в., исчислялось двузначной цифрой (не менее 15). А литовский князь Довмонт, крестившийся под именем Тимофея, был князем в Пскове с 1265 г. по 1299 г. и сразу же после смерти за свои ратные подвиги во славу города был причислен к лику святых. В 1374 г. в Пскове была поставлена церковь во имя «святого Тимофея Доманта князя».

Царские и советские историки не любили вспоминать, как в 1382 г., узнав о приближении войска татарского хана Тохтамыша, князь Дмитрий Донской отправился в Кострому «собирать войска». На самом деле это было трусливое бегство. Московские князья традиционно драпали в дремучие костромские леса при приближении ордынских ратей⁴¹, и ни разу там никому не удалось собрать войска, и не то чтобы победить, а даже двинуться с ними на татар.

Итак, великий князь бежал, в Москве началась паника. Не хочу фантазировать и процитирую «Повесть о нашествии Тохтамыша», созданную на базе летописных сводов 1408 г.:

«А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече – позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, сверху камнями швыряли, а внизу на земле с рогатинами, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и лишь насилу упрошенные, позже выпустили их, да и то ограбив⁴².

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в буру великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал, И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в

⁴⁰ С 1939 г. Вильнюс.

⁴¹ Подробнее об этом рассказано в моих книгах «Русь и Орда» и «Куликовская битва и рождение Московской Руси».

⁴² Вся родня Дмитрия разбежалась, как тараканы. Я серьезно говорю: двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать – в Торжок, Евдокия, жена Донского, с детьми побежала за мужем в Кострому. Дало деру и духовное сословие – Герасим, владыка Коломенский, убежал аж в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъялся великий князь.

осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель»⁴³.

Татары осадили Москву. Четыре дня они безрезультатно штурмовали город. А затем татары сделали вид, что ушли, оставив небольшие силы для осады Москвы. Остей не раскусил хитрости Тохтамыша и с тысячей своих ратников и четырьмя тысячами москвичей пошел на вылазку. Основные силы татар выскочили из засады. В неравном бою Остей погиб, а Москва была захвачена и сожжена татарами.

Итак, русский народ видел в православных князьях Гедиминовичах таких же законных правителей, как и Рюриковичи.

А в середине XV в. был момент, когда вся Русь могла стать литовской. Великий князь московский Василий I, сын Дмитрия Донского, женился на Софье, дочери великого князя литовского Витовта. Жене удалось уговорить не дюже сильного умом Василия не помогать Смоленскому княжеству, а наоборот, нанести ему удар в спину. В результате Витовт овладел Смоленском, а затем и Вязьмой.

Мало того, опять же по наущению жены Василий Дмитриевич в 1420 г. отправил к Витовту митрополита Фотия со своей духовной грамотой, в которой отдавал своего сына Василия под покровительство великого князя литовского. Замечу, что этим актом сын Дмитрия Донского делал вассалом великого князя литовского не только своего сына, но всю Владимиро-Суздальскую Русь. Таким образом, Василий I из ревности, а может, и ненависти к брату Юрию готов был поступиться независимостью Московского княжества. Витовт, естественно, согласился.

После смерти Василия I в 1425 г., согласно завещанию Дмитрия Донского и существовавшему на Руси «горизонтальному праву», великим князем московским должен был стать следующий брат – Юрий Дмитриевич. Но Софья Витовтовна и Фотий любой ценой решили удержать власть в своих руках, используя в качестве марионетки двенадцатилетнего ребенка – Василия Васильевича. И из-за этого на Руси началась почти тридцатилетняя гражданская война.

Софья и Фотий предпочитали видеть Василия II вассалом великого князя литовского Витовта, нежели вассалом его дяди Юрия Дмитриевича.

14 августа 1427 г. Витовт пишет магистру Ливонского ордена: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час великого литовского князя – ему покорились Москва!

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426 г. по 15 февраля 1427 г. у литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий, а затем прибыли и Софья с Василием. Тем не менее эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и советские историки.

Вслед за малолеткой Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья – вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину государю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора

⁴³ Воинские повести древней Руси / Составитель Н. В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282.

между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

Вслед за московским князем в начале августа 1427 г. договоры с Витовтом заключили князь Иван Федорович, внук Олега Рязанского, и пронский князь Иван Владимирович. Согласно этим договорам оба князя «дались в службу» великому князю литовскому Витовту⁴⁴.

В том же 1427 г. великий тверской князь Борис Александрович стал вассалом Литвы. В договоре говорилось: «Господину, господарю моему, великому князю Витовту, са язъ... добиль есми челом, дался если ему на службу... А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского боронити ото всякого, думаю и помощью. А в земли и в воды, и во все мое великое княжение Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428 г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «молодшим братом» 13-летнего племянника. Тем не менее договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не хватало, так это королевского титула! Ну чем он хуже своего брата польского короля Ягайло? И Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения богородицы. Но так как посланцы Сигизмунда не подвезли еще корону, коронацию перенесли на другой праздник – Рождество Богородицы. В столице были собраны все вассалы великого князя литовского, среди которых был 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович, рязанский князь Иван Федорович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Поляки знали о готовящейся коронации и расставили сторожевые посты по всей границе, чтобы не пропустить сигизмундовых послов в Литву.

Посланцы Сигизмунда убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не помешает императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. 27 октября 1430 г. Витовт умер. Скорей всего, причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя не исключено и отравление. Без особого преувеличения можно сказать, что смерть Витовта спасла Москву и всю Северо-Восточную Русь от включения в состав Великого княжества Литовского.

⁴⁴ Все царские и советские историки, за исключением В. В. Похлебкина, старательно умалчивают включение в состав Великого княжества Литовского с 1425 г. по 1494 г. Рязанского княжества.

Глава 7

Дважды упущенный шанс соединить Русь

А теперь мы перенесемся в Польшу, где династический кризис инициировал ряд судьбоносных событий, круто изменивших историю Польши и Литвы. В 1370 г. умер польский король Казимир III. Он был бездетен, и на нем на польском престоле пресеклась династия Пястов, правившая с X в. Правда, в Моравии вассальные князья – потомки Пястов – правили до 1526 г., а в Силезии – до 1675 г. После этого Пясты все вымерли. В XVII–XVIII вв. же Пястами назывались польские короли или претенденты на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов.

Казимир III назначил наследником сына своей дочери Людовика, короля Венгрии, который по отцу принадлежал к Анжуйской династии. Оттуда и его прозвища – Людовик Венгерский и Людовик Анжуйский.

Итак, в 1370 г. Людовик стал одновременно и польским, и венгерским королем. Все двенадцать лет своего правления Людовик постоянно жил в Венгрии и мало уделял внимания Польше.

В 1374 г. Людовик издал так называемый «Кошицкий привилей», освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей за исключением военной повинности в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом привилее король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати.

Кошицкий привилей представлял собой первый привилей, выданный польскому дворянству – панам и шляхте – как сословию. До этого времени существовали лишь привилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениями феодальной анархии.

Кошицкий привилей свел уплату податей шляхтой и панами к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды – сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

В 1382 г. умер Людовик Венгерский. Он не имел сыновей и поэтому назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда – маркграфа бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи решили присягнуть второй дочери Людовика, одиннадцатилетней Ядвиге, и самим выбрать ей мужа.

Но самое забавное, что Ядвига была уже... замужем. Ее обвенчали в 7 лет с десятилетним австрийским герцогом Вильгельмом. Но сразу после церемонии детишкам объявили, чтобы они шли по домам, а выполнять супружеские обязанности Ядвига должна была начать с 12 лет.

Ряд польских магнатов нашли Ядвиге нового мужа – мазовецкого князя Семовита, прямого потомка Пястов. Немедленно началась кровавая усабица между сторонниками Сигизмунда и Семовита.

В ходе войны оба претендента успели разонравиться польским магнатам, и было решено сделать Ядвигу королевой и подыскать ей еще одного жениха. В 1385 г. к Ядвиге прибыли литовские послы и предложили ей в мужья князя Ягайло. Послы обещали, что жених и все его родственники, вельможи и народ примут католичество, все польские пленные, захваченные литовцами в предыдущих войнах, будут отпущены без выкупа, Ягайло

поможет вернуть Польше все потерянные земли, привезет в Польшу некоторые отцовские и дедовы сокровища, заплатит некую сумму Вильгельму австрийскому за отказ от жены.

Однако Ядвига и слышать не хотела о сыне Ольгерда. По ее зову в Краков приезжает герцог Вильгельм. Он тайно проникает в замок Вавель, где жила Ядвига. Супруги на радостях устраивают пир. Но когда Ядвига уходит в спальню, на неудачливого мужа нападают свирепые придворные паны, и Вильгельму приходится спешно ретироваться через окно по веревочной лестнице. Полуодетая Ядвига выскакивает на двор, но дубовые ворота закрыты. Придворные не решаются дотронуться до своей королевы, но и не открывают ворота. Тринадцатилетняя жена-девственница хватается тяжелый топор и рубит дубовые ворота. Ударив несколько раз, королева убедилась в напрасности своих усилий, бросила топор и горько заплакала. Тогда один из вельмож упал перед ней на колени и стал умолять пожертвовать своим личным счастьем для блага отечества.

Плачущая девочка пошла в церковь, где ксендзы начали петь ей ту же песню, что и придворные. Ради такого случая ксендзы объявили ее брак фиктивным, то есть не имеющим законной силы.

А между тем Ягайло с большой свитой приближался к польской столице. Вельможи вновь стали уговаривать Ядвигу не отказываться от брака с литовским князем и заслужить славу просветительницы его народа. В конце концов, уговоры, а также появление самого Ягайло, который оказался не уродливым варваром, а мужчиной вполне приятной наружности, оказали нужной воздействие на королеву.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался *rusin* (русин), то есть так же, как ляхи в X–XIII вв. называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переименовал на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двоюродный братец Витовт, приехавший на свадьбу.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С. М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских

же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно, население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру населения Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство – от юрисдикции светского суда.

Тем не менее большинство православных и язычников в Литве сохранили свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма. Видимо, и православные периодически давали отпор. Так, известно, что Андрей Ольгердович, княживший в Пскове, двинулся в Литву и вторично овладел Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, не имеет более права владеть православными областями. Андрей объединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения больше, чем на сто верст. Война эта кончилась тем, что другой брат Ягайло, Скиригайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а его сына убил.

Следствием унии стала и ликвидация удельных княжеств на русских землях, находившихся в вассальной зависимости от великого князя московского.

В 1387 г. у удельного князя острожского Федора Даниловича по приказу Ягайло изымается Луцкая земля и передается во владение «до королевской воли» (то есть во временное владение) Витовту Старостой же Луцка, то есть соправителем Витовта, Ягайло назначает поляка – сандомирского каштеляна⁴⁵ Креслава из Курозвенков. В 1390 г. князь Федор Любартович по воле короля теряет последнюю волость своего Волынского княжества – Владимир-Волынский с окрестностями. Так волынские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства. Весной 1393 г., потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиригайло, лишается своего удела новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Наместником же в Новгород-Северское княжество король назначает утратившего свой волынский удел князя Федора Любартовича.

Весной 1393 г. Витовт во главе польского королевского войска вторгся в Подолию и занял замки Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце стала еще более зависима от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайло на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мельштинский.

В Городельском акте 1400 г., подтверждающем соединение польских и литовских земель, содержится дискриминация православных бояр и панов по сравнению с католиками. Однако наши историки несколько преувеличивают это. Так, православным панам не будут предоставляться гербы. Далее говорится, что в должности воевод и наместников «не будут выбираемы те, которые не исповедывают католической веры и не подчиняются святой рим-

⁴⁵ Староста управлял городом, творил суд над местной шляхтой. Каштелян – второе лицо в воеводстве, он ведал в основном военными делами.

ской церкви». Тут уже ограничение очень серьезное, если бы речь не шла только о двух городах Великого княжества Литовского – Вильно и Троки. Споры нет, города столичные и должности там престижные. Но в целом на Литовской Руси Городельский акт никак не отразился. Тем более что властями сей акт неоднократно нарушался. Причем, подчеркиваю, речь шла о Русской Литве.

А в Польше имели место отдельные эксцессы. Так, в 1412 г. король Владислав II (Ягайло) отнял в Перемышле прекрасную кафедральную церковь Святого Иоанна Крестителя, издавна принадлежавшую православным (построена еще Володаром Ростиславичем), и передал ее латинскому епископу: при этом были выброшены имевшиеся при ней гробы православных.

А вот в Великом княжестве Литовском тот же Ягайло 15 октября 1432 г. дал Гродненскому съезду литовских панов особый привилей, которым предоставлялось русским князьям, боярам и шляхте утешаться и пользоваться теми же самыми милостями, свободами, привилегиями и выгодами, которыми владеют и пользуются и литовские князья, бояре и шляхта, причем литовцы могут приобщать к полученным от поляков гербам и русским. Иначе говоря, по этому привилею православная шляхта Великого княжества Литовского получала теперь то же, что предоставлено было литовской шляхте католического исповедания предыдущими привилеями Ягайло.

А через две недели, 30 октября, тот же Ягайло распространяет права и вольности польской шляхты на духовенство, князей, панов и шляхту Луцкой земли (на Волини) без различия вероисповедания как на католиков, так и православных.

Я боюсь наскучить читателю перечислением всевозможных привилеев, выдаваемых шляхте и духовенству польскими королями и великими князьями литовскими, но именно в борьбе за привилегии и состоял тогда конфликт между конфессиями. Князья, папы и ксендзы стремились получить как можно больше привилегий от государства, а православные князья, паны и попы старались получить не меньше, чем католики.

2 мая 1447 г., вскоре после принятия польской короны, Казимир IV Ягеллончик дал (в Вильно) привилей «литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам». Этот привилей замечателен тем, что им предоставлялись «прелатом, княжатам, рытерем, шляхтичам, боярам, местичом» Литовско-русского государства все те права, вольности и «твердости», какие имеют «прелати, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское», то есть население литовско-русских земель уравнивалось в правах и положении своем с населением коронных земель.

В начале 1499 г. киевский митрополит Иосиф предоставил великому князю литовскому Александру «свиток прав великого князя Ярослава Володимировича», то есть церковный устав Ярослава Мудрого. В этом уставе говорилось о невмешательстве светских лиц и властей в суды духовные и в церковные дела и доходы, так как «вси тые дела духовные в моц митрополита Киевского» и подведомственных ему епископов.

20 марта 1499 г. великий князь особым привилеем подтвердил этот свиток. По этому привилею «мает митрополит Иосиф и по нем будущие митрополиты» и все епископы Киевской митрополии «судити и рядити, и все дела духовные справовати, хрестиянство греческого закону, подле тех прав, выпису того свитка Ярославля, на вечные часы». Все князья и паны «римского закона как духовные, так и светские», воеводы, старосты, наместники «как римского, так и греческого закона», все должностные лица городских управлений (в том числе и там, где есть или будет Магдебургское право⁴⁶) не должны чинить «кривды» церкви божией, митрополиту и епископам, а равно и вмешиваться «в доходы церковные и

⁴⁶ Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права, сложилось в XIII в. в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

во все sprawy и суда их духовные», ибо заведование всеми ими, как и распоряжение людьми церковными, принадлежит митрополиту и епископам.

В городах, где введено было Магдебургское право (в Великом княжестве Литовском), православные мещане не отличались юридически от своих собратьев – католиков: жалованные грамоты короля городам на получение этого права требовали, чтобы половина радцев, избираемых мещанами, исповедовала латинство, другая – православие; один бургомистр – католик, другой – православный. Грамоты Полоцку (в 1510 г.), Минску, Новогрудку (в 1511 г.), Бресту (тоже в 1511 г.) и другие подтверждают это.

В 1492 г. умирает польский король Казимир IV. За годы его правления королевская власть сильно ослабела. В XV в. по отдельным областям Польши – воеводствам – стали собираться сеймики, представлявшие собой съезды местной шляхты, на которых она решала все вопросы, касавшиеся ее, и прежде всего вопросы о новых налогах. Первое время король сам объезжал эти сеймики, но затем стал приглашать представителей этих сеймиков в какой-либо определенный пункт. Иногда по требованию короля уполномоченные шляхты собирались на общий съезд – так входил в обычай общий для Польши сейм. Эта система сеймиков стала основной опорой господства шляхты. Нуждаясь в больших средствах для войны с Орденом, король Казимир IV вынужден был постоянно обращаться к сеймикам и таким образом укреплять их политическое значение.

К концу XV в. окончательно организовался так называемый «вальный сейм», то есть общий для всей страны. Этот сейм делился на две палаты: верхнюю – коронную раду, или сенат, где заседали можновладцы – прелаты и сановники Польского государства, и вторую палату – посольскую избу, в которой заседали депутаты от шляхты, избранные на сеймиках. Сеймики получили еще большее значение. Они не только выбирали депутатов на вальный сейм, но также составляли для них обязательные указы. В вальном сейме депутаты выступали не от своего имени, а как представители сеймиков.

После смерти Казимира IV польские паны избрали королем Яна Ольбрехта (Альбрехта), а литовские – великого князя Александра. Великий князь московский Иван III побавился короля Казимира, но после его смерти решил начать большую войну. Иван III срочно отправил в Крым своего посла Константина Заболоцкого. Послу поручено было сказать хану Менгли Гирею, что король Казимир умер, но его сыновья такие же враги Москве и Крыму, как и отец, и чтобы хан с ними в союз не вступал, а пошел бы войной на Литву. Великий князь также хочет сам сесть на коня. Иван III рекомендовал хану идти на Киев. Хан выслушал Заболоцкого, но послал в Малороссию не всю орду, а лишь 500 всадников.

Сам Иван III со всем войском не желал идти в поход, а послал летом 1492 г. на Литву два сравнительно небольших отряда. Один отряд под командованием князя Федора Оболенского напал на Мценск и Любутск и сжег их, взял в плен наместников, бояр и много других людей. Второй отряд воеводы Даниила Щени⁴⁷ в том же 1492 г. захватил город Вязьму, где княжил Андрей Юрьевич Вяземский, и город Хлепень, где сидел Михаил Дмитриевич Вяземский. Напомню, что Вяземский удел достался великому князю Витовту, и вяземские князья, почти 100 лет правившие им, верой и правдой служили Вильно.

Иван III любил не спеша расправляться со своими жертвами, вспомним те же Новгород и Тверь. Вяземское княжество не стало исключением из общего правила. Так произошло и с вяземскими князьями. Михаил Дмитриевич с семьей под стражей был отправлен на Север-

⁴⁷ Любопытно, что воевода и боярин Даниил Васильевич Щеня по происхождению был Ольгердовичем. Его прадед Патрикий Нариманович, внук Ольгерда, приехал на службу в Москву в 1408 г. Женат Даниил Щеня был на дочери удельного суздальского князя Ивана Васильевича Горбатого. От Щени пошел род князей Щенятевых, который пресекся в царствование Ивана Грозного. Внук Патрикия Наримановича Василий Федорович получил земли на р. Хованке недалеко от Волоколамска. От него пошел знаменитый род князей Хованских. От Патрикия Наримановича пошли роды князей Голицыных и Куракиных.

ную Двину, где и умер (убит?). Куда делся Андрей Юрьевич Вяземский – неизвестно, во всяком случае, в 1495 г. в Вязьме уже сидел наместник Ивана III. Итак, наиболее знатные князья Вяземские были устранены, а вот многие боковые ветви были отправлены подальше от западных границ Московского государства.

В Литве забеспокоились и собрались мириться с Москвой. Чтобы склонить Ивана III к уступкам, ему решили предложить брачный союз с одной из его дочерей и великим князем литовским Александром.

Начались хитрые дипломатические игры (подробнее о них рассказано в моей книге «Русь и Литва»). Вначале шли «окольные» переговоры через власти Полоцка и Новгорода. Затем начались поездки послов в Москву и Вильно. В 1493 г. в ходе одной из «челночных» поездок московский посол дворянин Загряжский привез грамоту со странным требованием передачи Москве ряда русских городов. Сенсацией в ней стал новый титул Ивана III. До сих пор в верительных грамотах Казимиру Иван III писал так: «От великого князя Ивана Васильевича Казимиру королю польскому и великому князю литовскому послами есмо». Теперь же грамота начиналась: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и болгарский, и иных, великому князю Александру литовскому».

Итак, впервые великий князь московский назвал себя «государем всея Руси». Что же произошло? Да ничего, кроме того, что военная мощь Литвы в тот момент была ослаблена, а силы Ивана III велики. Кроме того, Литве угрожал союзник московского князя крымский хан Менгли Гирей. Иных аргументов у Ивана III не было. Он даже не стал рассуждать о преемственности московских князей древнерусским киевским князьям. То ли в силу неубедительности сей посылки, то ли потому, что сам Иван с боярами имел весьма смутное представление о Киевском государстве. Послу же был дан такой наказ: «Если спросят его: для чего князь великий назвался государем всея Руси; прежде ни отец его, ни он сам к отцу государя нашего так не приказывали? То послу отвечать: государь мой со мной так приказал, а кто хочет знать зачем, тот пусть едет в Москву, там ему про то скажут».

В январе 1494 г. в Москву едут большие литовские послы. После долгих препирательств литовские послы уступили Ивану III большую часть спорных земель, и главное, в договорной грамоте Иван III был написан государем всея Руси, великим князем владимирским, московским, новгородским, псковским, тверским, югорским, пермским, болгарским и иных.

По окончании переговоров Иван III объявил, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ручались головой, неволи ей в вере не будет.

В январе 1495 г. новые послы приехали за невестой – московской княжной Еленой. В Вильно венчал Александра и Елену католический епископ, но русский поп Фома, приехавший с Еленой, стоял рядом и громко молился. Александр и вельможные паны просили его помолчать, но Фома не унимался до конца церемонии.

Мир с Литвой просуществовал всего пять лет, а затем литовские паны нарушили его. Но на сей раз не напали на Московское государство, а наоборот, попросились на службу к Ивану III. И полбеда, если бы они попросту драпанули через границу, так они попросились в Московское государство вместе со своими уделами.

Первым к Ивану III подался в 1499 г. князь Семен Иванович Бельский. Семен Иванович был правнуком великого литовского князя Ольгерда, то есть по отцовской линии он был литовцем. Сын Ольгерда Владимир в конце XIV в. стал князем киевским, а его второй сын Иван получил в удел город Белев. Этот Иван и стал родоначальником князей Бельских.

Семен Бельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиной». Причиной своего поступка Бельский назвал притеснения православных в Литве – «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон».

Иван III принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский тоже послал Александру грамоту, где слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры.

За Бельским перешли с богатыми волостями князя, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского: князь Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, и сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского князь Семен Иванович. Князь Семен перешел с Черниговом, Стародубом⁴⁸, Гомелем и Любичем; Шемячич – с Рыльском и Новгородом Северским. Вместе с ними последовали и другие князья – Мосальские, Хотетовские, и все по причине якобы гонения за веру.

На самом же деле никаких гонений на веру в 1500 г. не было, тем более в пограничных с Москвой уделах и княжествах. Дело в том, что князья Литовской Руси были мало знакомы с московскими порядками и нравом Ивана III. Они знали московского князя как удачливого и очень богатого правителя и надеялись на получение денег и новых вотчин.

И поначалу московские власти не спешили их разочаровывать. К Ивану перешли князья Трубецкие – Андрей, Иван, Федор Семеновичи и Иван Юрьевич с сыном Семеном. Вся эта компания потомков Гедимины к 1499 г. совместно владела небольшим городком Трубчевском. Им он был и оставлен до конца XVI в. От них пошел род князей Трубецких.

Меньше повезло Василию Шемячичу. Он несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Шемячич проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и крымских татар. Но московским великим князьям не нужны были сильные князья – вассалы, а только холопы. И вот в 1522 г. Василий III вызывает Василия Шемячича в Москву. Тот, видимо, заподозрил неладное и попросил охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял более податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы выманить «запазушного врага» в столицу.

18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. По мнению посла германского императора Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдумано было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его». Сын Василия Шемячича Иван, жена и две дочери были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529 г.

Та же участь ждала Ивана Ивановича Бельского. Он стал известным московским воеводой, но в 30-х гг. XVI в. был сослан в заточение в Вологду, а Белевский удел прекратил свое существование. Почти так же кончили и все остальные удельные князья.

Но, повторяю, князья, переходив к Ивану III, мечтали совсем о другом. Понятно, что литовский князь Александр не стал спокойно взирать на переход чуть ли не четверти своего княжества к Москве, и вновь началась война.

Основная часть московских войск шла под командованием служилого татарского хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина. Эта рать заняла города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск и Путивль. Князья северские Можайский и Шемячич были приведены к присяге Ивану III.

14 июля 1500 г. московские воеводы Юрий Кошкин и Даниил Щеня наголову разбили литовцев на Митьковом поле на реке Ведроне.

⁴⁸ Малороссийский Стародуб, не путать со Стародубом на Клязьме.

Великий князь литовский Александр стал с войском на реке Бобр, но, узнав о разгроме князя Острожского на Ведроше, отступил к Полоцку. Оставив сильные гарнизоны в Витебске и Полоцке, Александр осенью ушел зимовать к Вильно.

В начале 1500 г. великий князь литовский нанял несколько тысяч наемников – поляков, чехов и немцев – и, собрав большое войско, двинулся к Минску. Тем временем новгородские, псковские и великолуцкие полки под начальством великокняжеских племянников Ивана и Федора Борисовичей и боярина Андрея Челядина взяли Торопец. Новые подданные – князья северские Можайский и Шемячич вместе с братьями князем ростовским и Семеном Воронцовым – одержали победу над литовцами под Мстиславлем. Русская летопись сообщает о семи тысячах убитых супостатах.

Сын Ивана III Дмитрий Жилка осадил Смоленск. Московское войско окружило город, вокруг были возведены осадные батареи, которые даже и ночью обстреливали Смоленск. Одновременно русские овладели Оршей.

На выручку Смоленску великий князь литовский Александр послал из Минска войско во главе с троцким старостой Станиславом Яновским. Литовцы форсировали Днепр и Оршу и направились к Смоленску. Русские были вынуждены снять осаду с города и отойти без сражения.

25 марта 1503 г. в Москве был подписан русско-литовский «перемирный» договор, то есть перемирие сроком на 6 лет. Перемирная грамота была написана от имени великого князя Ивана, государя всея Руси, сына его великого князя Василия и остальных детей. Великий князь литовский Александр обязался не трогать земель московских, новгородских, псковских, рязанских, пронских, уступил землю князя Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича, князя Семена Бельского, князей Трубецких и Мосальских, города Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Острей, всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел.

27 октября 1505 г. на 67-м году от рождения и на 44-м году княжения умер Иван III. Московский престол перешел к его сыну Василию III (1479–1533). Польский король и великий князь литовский Александр пережил своего тестя менее чем на год и умер в августе 1506 г. Его место на литовском престоле занял брат Сигизмунд, который с 24 января 1507 г. стал и королем Польши.

Прежде, чем переходить к правлению Сигизмунда I, следует упомянуть о переменах в государственном устройстве Польше, имевших большое значение для последующих событий. Так, Мельницким привилеем 1501 г. королевская власть была поставлена в полную зависимость от сената. Значение короля свелось по существу к роли председательствующего в сенате. Сенат сконцентрировал в своих руках всю полноту власти в государстве. Однако успех крупных феодалов не был длительным. В 1505 г. шляхта добилась издания Радомской конституции «*Nihil novi*» («Никаких нововведений»). По конституции 1505 г. король не мог издавать ни одного нового закона без согласия как сената, так и посольской избы.

Еще до истечения срока перемирия, в апреле 1507 г. началась новая русско-литовская война. Подробное описание серий войны 1507–1508 гг. и 1512–1522 гг. выходит за рамки нашей работы, и я повторно отсылаю интересующихся подробностями читателей к книге «Русь и Литва». Здесь же я отмечу лишь то, что вновь значительная часть русских князей и бояр, независимо от их происхождения – от Рюриковичей или Гедиминовичей, стремились освободиться из-под власти литовских князей и перейти на сторону Москвы.

Так, в 1507 г. литовский магнат Михаил Глинский выступил со своей частной армией (700 всадников) против короля Сигизмунда I и захватил Гродно, а затем ушел к Новгороду. В дальнейшем Михаил Глинский активно участвовал в войне на стороне Василия I.

Любопытно, что украинские историки-националисты XIX–XX вв. в большинстве своем обходят молчанием реконкиту Ивана III и Василия III. Лишь Орест Субтельный пишет: «...восстание Глинского явилось значительным событием – не только потому, что оно засвидетельствовало растущее недовольство украинцев своим положением в Великом княжестве Литовском, но и потому, что это был, пожалуй, наиболее примечательный случай, когда украинская элита выступила с оружием в руках на защиту своих прав»⁴⁹.

Увы, это очередная фантазия канадского гражданина господина Субтельного. Ни в грамотах Михаила Глинского, ни вообще в переписке литовских и московских властей слово «Украина» в XVI в. ни разу не употреблялось. А сам Глинский был потомком татарина, приехавшего на службу к Витовту, его же сподвижник Д. Ф. Бельский был по происхождению Гедиминовичем. Другой вопрос, что они оба были православными, говорили по-русски и считали себя русскими.

В итоге войн Ивана III и Василия III у Литвы к 1533 г. была отвоевана огромная территория от среднего течения реки Ловати на севере до верховий Северного Донца на юге. В состав Русского государства вошли Смоленск, Кричев, Рославль, Мстиславль, Брянск, Гомель, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль и другие города. Увы, сейчас большинство этих городов находится в составе Украины и Беларуси. Но тогда, в XVI в., все без исключения население этих земель говорило по-русски почти так же, как и в Москве, и считало себя русскими людьми.

На мой взгляд, и Иван III, и Василий III могли получить и остальные русские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского, при наличии более либерального отношения к князьям и боярам Литовской Руси. Во Владимиро-Суздальской Руси и в Великом Новгороде Иван III вел себя как восточный деспот, устраивая массовые превентивные (на всякий случай) казни и ссылки представителей древних княжеских и боярских родов. В итоге свирепому Ивану, кстати, его первым стали называть Иваном Грозным, и его не менее свирепому сыну удалось добиться почти рабской покорности князей Рюриковичей. Так, например, уже великий князь Василий III мог публично бить сапогом и стегать плетью бояр и князей в Думе, называя их холопами. И ладно если бы дело шло о мятеже, предательстве и т. д. Дело было в ерундовых поступках, и назавтра побитый князь или боярин шел не на плаху, а на свое место в Думе. Риторический вопрос, можно ли было представить такую ситуацию при французском королевском дворе в XVI в. или при русских княжеских дворах X–XIII вв.?

В итоге большинство князей и бояр Литовской Руси решило остаться в составе Великого княжества Литовского, предпочитая католизацию и полонизацию в отдаленном будущем плахе или в лучшем случае царской плети в Москве.

⁴⁹ Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994. С. 101.

Глава 8

Явление Войска запорожского

Откуда взялись запорожские казаки? Почти все дореволюционные и советские авторы утверждают, что запорожцы – потомки крестьян, бежавших от гнета польских помещиков. Так, один из самых авторитетных историков запорожского казачества Д. И. Яворницкий цитирует летопись: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийские страны в 1340 году, спустя некоторое время всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига, те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на бусурман»⁵⁰.

Первые упоминания о запорожских казаках относятся к концу XV – началу XVI в. Между тем Киевское княжество было передано полякам только Люблинской унией в 1569 г., а до этого никаких ляхов в среднем течении Днепра не было, как не было там и крепостного права. Так что теорию возникновения запорожских казаков из беглых крестьян придется оставить как несоответствующую реалиям того времени. Я же берусь утверждать, что запорожское казачество составляли... местные жители.

Сразу же оговорюсь, что документальных свидетельств этого нет, но, с другой стороны, нет никаких свидетельств, опровергающих мое утверждение.

Начнем по порядку. Вспомним о таинственных бродниках, трижды упомянутых в русских летописях. Первое упоминание о бродниках относится к 1147 г., когда они в очередной княжеской усобице вместе с половцами пришли на помощь Святославу Ольговичу.

По мнению академика В. В. Мавродина: «Бродники – это тюрки-кочевники. За это говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калки татарами), а во-вторых, имя их воеводы – Плоския, звучащее по-русски». Далее Мавродин пишет: «Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, где подобного рода люд носил уже иное название – берладников, выгонцев и т. д. Бродников было не так уж мало, ибо иначе нечем объяснить известность бродников в соседних землях и, в частности, в Венгрии, отразившуюся в документах»⁵¹.

Бродники в своих землях не признавали власти ни князей Рюриковичей, ни половецких ханов.

«Бродячий образ жизни, связанный с их полупромысловым хозяйством, делал их чрезвычайно подвижными, а военный характер общин бродников приводил к появлению бродников в качестве, по-видимому, наемников в рядах войск соседних государств. Бродники были у болгар, венгров, русских князей в качестве наемников до XIII века»⁵².

После Батыева нашествия на Киев в 1240 г. и до конца XIV в. история Киевской земли – сплошная черная дыра. Историк М. С. Грушевский писал: «Остается сказать еще об одном обстоятельстве – об отсутствии сведений о Киевской земле за вторую половину XIII в. и почти весь XIV в.»⁵³.

Данных о существовании местного летописания у нас нет, а ни князей, ни летописцев Владимиро-Суздальской Руси Киев абсолютно не интересовал.

⁵⁰ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 27.

⁵¹ Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002. С. 348–349.

⁵² Там же. С. 351.

⁵³ Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. С. 441.

Как же управлялась Киевская земля? По косвенным источникам, в том числе по сообщениям итальянского путешественника Плано Карпини, проезжавшего через эти места в 1246 г., южнее и западнее Киева вообще не было князей, а местным населением управляли атаманы (ватманы)⁵⁴, выбираемые вечем. Периодически приезжали татарские баскаки, которым атаманы сдавали дань.

Плано Карпини писал: «Мы прибыли к некоему селению, по имени Канов [Канев. – *А. III.*], которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства»⁵⁵.

Плано Карпини не очень разбирался в делах русских княжеств, поэтому потребуется расшифровка его записей. «Под непосредственной властью Татар», то есть там русские князья не имели никакой власти над местным населением. Ну а имя Михей мало похоже на татарское или аланское. Видимо, имя местного атамана городка, расположенного на Днепре ниже Канева, было Михаил, а провожатые итальянцев обзывали его Михеем.

Михей не понравился путешественникам, так как требовал слишком много подношений за дальнейшее их сопровождение. «После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четыредесятницы, и он проводил нас до первой заставы Татар. И когда в первую пятницу после дня Пепла мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди»⁵⁶.

Таким образом, Плано Карпини и его спутники покинули Киев 4 февраля 1246 г., проехали Канев, 19 февраля выехали из городка, где атаманом был Михей, и, наконец, 23 февраля впервые встретились с заставой татар.

Судя по всему, путешественники ехали по льду Днепра. Если они двигались со скоростью 20–30 км в сутки, что не так уж много для того времени, то даже сделав 3–4 дневки (дневные остановки), они прошли бы 350–400 км до встречи с татарской заставой.

Таким образом, записки Плано Карпини свидетельствуют о том, что почти до нынешнего Запорожья берега Днепра были заселены местными жителями, то есть бродниками, платившими дань татарам.

А что это были за места? Начну со священной для казаков реки – Днепра. Его в казацких «думах» и песнях именовали «Днипром – Славутич» или «Днипром – братом», а речного лоцмана звали «Козацким шляхом».

Длина всей реки, начинавшейся в Бельском уезде под Смоленском, составляла 2065 верст. Яворницкий писал: «В пределах вольностей запорожских казаков Днепр начинался с одной стороны выше речки Сухого Омельника, с другой – от устья речки Орели, и протекал пространство земли в 507 верст, имея здесь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; в пределах же запорожских казаков он характеризовался и всеми особенностями своего течения – порогами, заборами, островами, плавнями и холуями. Всех порогов в нем при запорожских казаках считалось девять – Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий, иначе Дид-порог, Волниговский, иначе Внук-порог, Будилковский, Лишний и Вильный»⁵⁷.

Пороги тянулись на 68 км ниже Екатеринослава (с 1926 г. Днепропетровск). Лишь после постройки Днепрогэса Днепр стал полностью судоходным. А до этого времени по

⁵⁴ От германского слова «таунтман» (начальник).

⁵⁵ Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 67–68.

⁵⁶ Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 68.

⁵⁷ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 53.

утверждениям некоторых историков эти пороги были непроходимы. На самом деле днепровские пороги следует считать условно-проходимыми.

Начну с того, что ладьи на пути «из варяг в греки» свободно проходили в оба конца. Да и дружины киевских князей в IX–XI вв. проходили пороги на своих судах. Хотя, возможно, в то время уровень воды в Днепре был выше. Я видел в Киевском историческом музее огромные рыболовные крючки, а в Москве-реке последнего осетра изловили при Иване III.

В последующие века форсирование порогов происходило с переменным успехом. В 1696 г. во время Второго азовского похода Петра I воевода Неплюев с 2500 солдат на 42 больших и 46 малых стругах прошел пороги, хотя и с трудом. В 1737 г. из 300 транспортных судов, отправленных из Брянска к армии Миниха, к Очакову дошли только 96. Связано это было не столько с порогами, сколько с общим разгильдяйством: множество судов было брошено за десятки верст не доходя порогов. В 1787 г.

во время знаменитого путешествия Екатерины II из Киева до Херсона прошли без потерь семь галер и несколько транспортных судов. В 1886 г. из Эльбинга на Черное море прошли три 88-тонных миноносца, строившиеся для Черноморского флота в Германии на верфи «Шихау». В конце XIX – начале XX вв. через пороги регулярно производился сплав леса, а проход гражданских судов – периодически, причем в обоих направлениях.

Кроме порогов на Днепре было множество заборов. Заборы – те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днепра, как и гряды порогов, но не пересекавшие реку от одного берега до другого, а занимающие только ее часть, преимущественно с правого берега, и таким образом оставлявшие у другого берега свободный для судов проход. Всего на Днепре в запорожских пределах насчитывалось заборов 91.

Камни, в отличие от забора, торчали то там, то сям посреди реки или у ее берегов. Из множества камней, разбросанных по Днепру, самых известных было семь – Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджоло и Разбойники.

Между порогами и заборами, далеко выше и ниже их, на всем Днепре в границах земли запорожских казаков насчитывалось 265 больших и малых островов, из которых самыми известными были 24 – Великий, Романов, Монастырский, Становой, Козлов, Ткачев, Дубовый, Таволжанский, Перун, Кухарев, Лантуховский, Гавин, Хортица, Томаковка, Стукалов, Скарбный, Скалозуб, Козенин, Каир-Козмак, Тавань, Бургун, Тягинка, Дедов и Сомов.

Д. И. Яворницкий писал: «Почти все береговые пространство Днепра, исключая порожистого, одето было роскошными и едва проходимыми плавнями, доставлявшими запорожским казакам и лес, и сено, и множество дичи, и множество зверей. Плавни эти представляли собой низменность, покрытую травяною и древесною растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множеством больших и малых озер и поросшую густым, высоким и непроходимым камышом. Из всех плавен в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том же берегу, вниз по Днепру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина. Для запорожца, не знавшего в среде суровых товарищей своих „ні неньки рідненької, ні сестри жалібненької, ні дружини вирненької“, всю родню составляли Сичь да Великий Луг: „Сичь – мати, а Великий Луг – батько, от там треба й умирати“; запорожец в Великом Лугу чувствовал себя что в необозримом море: тут он недоступен был „ні татарину-бусурманину, ні ляху поганому“. Самое русло Днепра нередко загромаждено было так называемыми холуями или корчами, то есть подводными пнями деревьев, росших по берегам реки, ежегодно подмывавшихся вешними водами и ежегодно во множестве обрушивавшихся на дно Днепра»⁵⁸.

⁵⁸ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 55–56.

В XVII в., по словам Боплана⁵⁹, в реках и озерах Запорожского края (Псельское и Воскальское, Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др.) водилось множество рыбы и раков. Так, в Орели в одну тоню рыбаки вытаскивали по две тысячи рыб, каждая размером не меньше фута. В Самоткани и смежных с ней озерах водилось такое количество рыбы, что она «от собственного множества умирала, портила воду и заражала воздух; в Домоткани водилось множество раков, иногда до 9 дюймов длиною, и особая, превкусная рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медом, воском, дичиной и строевым лесом и за свое богатство прозвана казаками святою рекою; окрестности Самары запорожские казаки называли обетованною Палестиной, раем божьим на земле, а всю землю около реки – землей „дуже гарною, кветнучею и изобилующею“, самый город Самарь – „истинно новым и богатым Иерусалимом“»⁶⁰.

⁵⁹ Боплан Гийом (Guillaume le Vasseur de Beauplan) – инженер-строитель, автор «Описания Украйны», родом француз. Он служил более 17 лет в польской службе при королях Сигизмунде III и сыне его Владиславе IV в звании старшего капитана артиллерии и королевского инженера. Большую часть этого времени он провел в Малороссии, занимался здесь постройкою слобод и крепостей, в 1637 г. участвовал в сражении между поляками и казаками под Кумейками (возле Корсуня). В своих разъездах по Украйне Боплан хорошо ознакомился с украинскими степями и течением Днепра (от Киева до Александровска, ныне г. Запорожье), произвел множество измерений и близко наблюдал как самих казаков, так крымцев и буджакских татар. Около 1649 г. вернулся на родину, во Францию, и в следующем году издал свою книгу: «Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs mœurs, faç ons de vivre et de faire la guerre». В 1660 г. вышло 2-е «Описание Украйны» издание, а через два года оно появилось в латинском переводе, в известном сборнике «Geographia Blaviana», во 2-м томе. Все сочинение делится на 7 глав: в 1-й («Описание Украйны») описаны физические свойства страны, города и замечательные места, в особенности Днепровские пороги, и затем нравы и обычаи запорожских казаков. Во 2-й главе («Описание Крыма») дается подробное описание Таврического полуострова, в 3-й («О крымских татарах») – описание их образа жизни, набегов и сражений с казаками и Польшей; в 4-й («Об украинских казаках») говорится о житье украинских казаков, их нравах и обычаях, а также о морских их походах и разорении ими малоазийских городов (по рассказам казаков); 5-я глава («Об избрании королей польских») посвящена рассказу об избрании польских королей, о составе сеймов, о коренных законах и правах королевских; в 6-й главе («О вольностях польского дворянства») указываются права и привилегии польских дворян; и, наконец, в 7-й («О нравах польского дворянства») описывается образ жизни поляков. Боплан, используя польские карты и лично снятые планы местностей, опубликовал три подробные карты Малороссии, которые неоднократно переиздавались в Европе и в России.

⁶⁰ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 71.

Казак и казачка. Рисунок на полях карты Украины Г. Боплана. XVII век

116-летний старик Иван Росольда рассказывал в середине XIX в.: «Пойдешь косить, косою травы не отвернешь, погонишь пасть лошадей, за травой и не увидишь их; загонишь волов в траву, – только рога мреют. Выпадет ли снег, настанет ли зима, никакой нужды нет: хоть какой будет снег, а травы надолго не закроет. Пустишь себе коней, коров, овец, то они так пустопаш и пасутся, только около отар и ходили чабанцы; а как загонишь и увидишь; зато уже тогда около них работы – тирсу выбирать, которая поналезет им в волну!.. А что уж меж той травой да разных ягод, то и говорить нечего: вот это, бывало, как выйдешь в степь, да как разгонишь траву, то так и бери руками клубнику. Этой поганги, что теперь поразвилась, овражков да гусеницы, тогда и слышно не было. Вот какие тарвы были! А пчелы той? А меду? Мед и в пасеках, мед и в зимовниках, мед и в бурлюгах – так и стоит в липовых кадках: сколько хочешь, столько и бери, – больше всего от диких пчел: дикая пчела везде сидит, и на камышах, и на вербах: где буркун – в буркуне, где трава – в траве; за ней и прохода не было: вырубают, бывало, дупла, где она сидит. А леса того? Бузины, сведины, вербы, дуба, груш – множество. Груш, как понападает с веток, так хоть бери грабли да горни в валки: так и лежат на солнце, пока не попекутся...

А что уже птицы было, так Боже великий! Уток, лебедей, дрохв, хохотвы, диких гусей, диких голубей, лелек, журавлей, тетерок, куропаток – так хо-хо-хо! Да все плодющие такие! Одна куропатка выводила штук двадцать пять птенцов в месяц, а журавли, как понаведут

детей, то только ходят да крюкают. Стрепетов сельцами ловили, дрохв волоками таскали, а тетеревей, когда настанет гололедица, дрюками били...

Теперь нет и того множества рыбы, что была когда-то. Вот эта рыба, что теперь ловят, так и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуги, пистрюги, коропы да осетры за все отвечали; в одну тоню⁶¹ ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало»⁶².

Возникает риторический вопрос – неужели бродники или их потомки покинули эти благословенные края, где было так легко прокормиться, да еще и столь вкусно; где легко можно было спастись от орд кочевников или судовых ратей ляхов и турок?

Естественно, что жить в плавнях, не умея искусно владеть саблей и метко стрелять из лука, невозможно. Увы, мы не знаем подробностей жизни бродников. Да что бродники! Документов конца XIII – начала XIV вв. столь мало, что и история Киева за этот период нам известна лишь фрагментарно.

Первые документальные свидетельства о деятельности казаков на юге России относятся к концу XV в. До этого ни о военной активности, ни вообще о жизни жителей Нижнего Днестра и его притоков ничего не известно.

Однако из византийских, генуэзских и венецианских исторических хроник и деловых документов следует, что с конца XIII до начала XV вв. на Черном море активно действовали пираты. Так, венецианским и генуэзским купеческим судам, плававшим в Черном море, запрещалось выходить в море без балистариев – стрелков из арбалетов, аркбаллист и катапульт, а с XV в. – и пороховых бомбард. Часто купеческие суда были вынуждены ходить в составе конвоев, охраняемые боевыми галерами.

Правда, в документах упоминаются в основном корсары – подданные Венеции, Генуи или турецкого султана. Это и понятно – было к кому предъявлять претензии, отвечать контрмерами и т. п. Жаловаться на пиратов, принадлежащих к племенам, не имеющим государственности, бесполезно, и купцы не отражали это в деловых бумагах. Утверждать же, что все население Северного Причерноморья от Дуная до берегов Кавказа не занималось пиратством, поскольку оные племена не упомянуты конкретно в делах о нападениях на купцов, мягко выражаясь, некорректно.

Так что с большой долей вероятности можно утверждать, что жители Приднепровья, подобно своим предкам, спускались к Черному морю «добывать зипуны».

По известию летописца XVI в. Мартина Бельского в 1489 г., во время преследования татар, ворвавшихся в Подолию, сыном короля Казимира IV Яном Альбрехтом впереди литовского войска шли до притока Буга реки Савраны казаки, хорошо знавшие местность Побужья.

Это сообщение можно считать первым официальным сообщением о приднепровских казаках. Я говорю так осторожно, поскольку есть и косвенные сведения. Так, А. В. Стороженко⁶³ упоминает о греческой надписи, найденной в Судак (Сугдейская приписка в греческом Синаксаре): «В тот же день (17 мая 1308 г.) скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый казаками». Тут нам остается лишь гадать, где убили бедолагу Альмальчу – на суше или на море, и был ли тот казак татарин или русским.

В 1508 г. казаки под начальством брацлавского и виленского старосты князя Константина Ивановича Острожского разгромили наголову отряд татар, грабивших пограничные области Литовской Руси. Другая часть казаков под начальством «славного казака Полюсарусака» уничтожила другой отряд татар.

⁶¹ Тоня – одна тяга невода.

⁶² Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 75–76.

⁶³ Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

В 1512 г. казаки вместе с поляками участвовали в погоне за татарской ордой, ворвавшейся в южные пределы Литовского великого княжества. Начальниками над казаками и поляками были князь Константин Иванович Острожский и каменецкий староста Предслав Ляндскоронский.

В 1516 г. казаки под начальством атамана Ляндскоронского ходили походом под турецкий город Белгород, захватили там множество лошадей, скота и овец. На обратном пути казаков у озера Овидова под Очаковым настигли турецко-татарские войска. Однако казаки не растерялись и побили басурман.

На исторических картах, составленных в советское время, и на современных граница Великого княжества Литовского проходит с запада на восток от устья Днестра по побережью Черного моря, затем от Днепро-Бугского лимана вверх по Днепру до впадения в него реки Северный Донец и далее вдоль Северного Донца.

На самом деле самыми южными форпостами Великого княжества Литовского были Каневский и Черкасский замки, расположенные на Днепре ниже Киева, соответственно, в 100 км и 150 км. Эти замки были построены в самом начале XVI в., они служили и местом пребывания администрации староств (областей).

Каневский замок представлял собой небольшой прямоугольник длиной около 80 м и шириной около 40 м. Его стены были сложены из 26 городен – заполненных землей срубов. На стенах, обмазанных для защиты от огня глиной, и на шести башнях стояли пушки, бочки со смолой и водой. Замок опоясывал ров, через который был переброшен подъемный мост. Но все это сооружение, как писали в 1552 г. королевские ревизоры, обветшало, даже при малейшем ветре шаталось и скрипело, угрожая рухнуть и похоронить под собой людей. Гарнизон замка не превышал нескольких десятков служилых людей.

Черкасский замок был немного больше Каневского, и в 1552 г. при нем кроме бояр-конников была рота жолнеров и 60 служебников.

В народном эпосе сохранились сведения о первых «знаменитых казаках» Евстафии Дашковиче и Дмитрие Вишневецком. Позже националистические украинские историки возвели их в ранг гетманов. Увы, они не то что гетманами, но и даже казаками не были. Но рассказать об этих колоритных фигурах стоит, чтобы показать ситуацию в нижнем течении Днепра в начале и середине XVI в.

Евстафий (Остап) Дашкович родился в городе Овруче рядом с современным Полеским заповедником, на границе современных Украины и Беларуси. В самом конце XV в. Евстафий получил или купил⁶⁴ должность старосты в городе Кричеве на реке Сож.

Дашкович по каким-то причинам не поладил с великим князем литовским Александром (он же король Польши с 1501 по 1506 г.) и вместе с кричевским дворянством подался в Москву, по пути разорив пограничные литовские волости. Александр накатал жалобу в Москву и потребовал выдать изменника. Однако великий князь московский Иван III ответил: «В наших перемирных грамотах написано так: вора, беглеца, холопа, раба, должника по исправе выдать: Евстафий же Дашкович у короля человек был знатный, воеводою бывал... а лихого имени про него мы не слыхали никакого; держал он от короля большие города, а к нам приехал служить добровольно и рассказывает, что никому никакого вреда не сделал. И прежде, при нас и при наших предках и при королевых предках на обе стороны люди ездили без отказов; так и Дашкович к нам приехал теперь, и потому он наш слуга»⁶⁵.

Увы, Дашковичу не понравилась служба у великого князя московского, и он опять подался в Литву. Там в 1514 г. он получил должность старосты в Черкассах. В те времена

⁶⁴ Продажа администраторских должностей в Литовском государстве в XV–XVI вв. шла в крупных размерах. Кстати, столь же бойко продавались и церковные должности.

⁶⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 3. С. 125.

старосты в пограничных районах формально являлись наместниками великого князя, а в действительности же – всевластными господами в своих староставах.

Евстафий был крайне сребролюбивым и жестоким человеком. Он заставлял жителей «работать на себя каждый день, возить дрова, косить сено, тянуть сеть». Кроме перечисленного Дашкович «замышлял и иные работизны, чего они пред тем с продков (предков) своих не повинни були робити». Дашкович отбирал у рыбаков и охотников половину добычи, назначал выгодные для себя цены на казацкие товары, наконец, захватил у казаков уходы⁶⁶ на первых пяти днепровских порогах («то дей все пан Остафій себе привлащил»).

Далее наш Евстафий каким-то образом попадает к крымскому хану Мухаммеду Гирею. Д. И. Яворницкий пишет, что он-де побывал в 1523 г. в плену у татар⁶⁷. На самом же деле Дашкович собрал отряд казаков и вместе с татарами отправился в Московию «за зипунами».

Стотысячное войско Мухаммеда Гирея подошло к Оке 28 июля 1521 г. Русские войска попытались помешать переправе татар, но были разбиты. В бою погибли воеводы Иван Шереметев, Владимир Курбский, Яков и Юрий Замятины, а Федор Лопата попал в плен.

С востока на Русь напал Сагиб Гирей с казанским войском. Он разорил Нижний Новгород и Владимир. Войска братьев соединились у Коломны и двинулись на Москву. Василий III срочно уехал по делам в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, татарскому царевичу Петру-Худай-Кулу. В Москве началась паника.

29 июля братцы подошли к самой Москве и расположились в селе Воробьеве (на Воробьевых горах). Василий III вынужден был подписать унижительный договор, по которому он формально признавал свою зависимость от крымского хана и должен был платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Сарайским. Согласно договору татары могли беспрепятственно везти все награбленное и всех пленных.

На обратном пути Дашкович, командовавший смешанным отрядом из татар и казаков, решил овладеть Рязанью. Поскольку город был хорошо укреплен, Евстафий решил действовать хитростью. Он предъявил рязанскому воеводе Хабару Симскому мирный договор с Василием III и попросил разрешения остановиться у стен города. Татары и казаки спровоцировали побег нескольких десятков русских пленников в Рязань и погнались якобы за ними, а на самом деле, чтобы завладеть городом. Московские начальники замешкались – вроде бы с татарами мир. Но тут ведавший городским нарядом (артиллерией) немец Иоганн Иордан приказал дать залп из многочисленных крепостных пушек. Татары и казаки «в ужасе бежали». Самое забавное, что в руках Хабару Симского оказалась грамота Василия III, содержащая обязательства платить дань Гиреям.

В 1523 г. хан Мухаммед Гирей двинулся на Астрахань. Войско астраханского хана Хуссейна было разбито, а город взят штурмом.

Однако союзникам Мухаммеда Гирея ногайцам не понравилось такое усиление Крымского ханства. Их орда внезапно напала на стан крымцев. Началась резня, в ходе которой Мухаммед Гирей был убит. Ногайцы вторглись в Крым. Одновременно Крым начал грабить и Евстафий Дашкович со своими казаками.

В 1523 г. на крымский престол вступил Саадет Гирей, брат убитого ногайцами Мухаммеда. В 1531 г. новый хан напал на Черкассы. Однако Дашковичу удалось отстоять замок.

Любопытно, что после гибели Мухаммеда Москва резко сократила выплаты «поминков» Крыму, а вот Литва и Польша платили дань по полной. Так, король Сигизмунд I обязался платить крымскому хану ежегодно по 7500 золотых монет и на такую же сумму сукон, выговорив, что эти деньги и сукна будут посылаться только в те годы, когда крымцы не будут нападать на литовские земли. Хан Сагиб Гирей был этим недоволен и писал королю: «Зна-

⁶⁶ Уходы – места бобровых и рыбных промыслов.

⁶⁷ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 10.

чит, ты не хочешь со мной вечного мира? Если бы ты хотел вечного мира, то прислал бы нам 15 000 червонных, как прежде брату моему, Магмет Гирею, посылавал».

Для покрытия «крымских издержек» литовские города продолжали платить подать, известную под именем «ордынщины».

Пока король платил дань, днепровские казаки продолжали нападать на крымцев. Казаки под командованием Дашковича даже пытались захватить Очаков, но были отбиты турецким гарнизоном.

Хан Сагиб Гирей (1532–1551) жаловался королю Сигизмунду I: «Приходят казаки черкасские и каневские, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал к вашей милости, чтоб вы их остановили, но вы их остановить не хотели; я шел на московского: тридцать человек за болезнью вернулись от моего войска, казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего неприятеля, а твои казаки из моего войска коней уводят? Я приязни братской и присяги сломать не хочу, но на те замки, Черкасы и Канев, хочу послать свою рать... Черкасские и каневские власти пускай казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (великого князя московского), вместе с казаками путивльскими по Днепру под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву; в Черкасах старосты ваши путивльских людей у себя на вестях держат; так на Москву из Черкасс пришла весть за пятнадцать дней перед нашим приходом»⁶⁸.

В 1533 г. на сейме в Пиотркове Дашкович предложил построить поближе к татарам, на одном из малодоступных островов Днепра, замок и содержать в нем постоянную стражу из двух тысяч казаков, которые, плавая по реке на чайках, препятствовали бы татарам переправляться через Днепр. К этим двум тысячам казаков Дашкович предлагал добавить еще несколько сот человек, которые бы добывали в окрестностях необходимые припасы и доставляли их казакам на острова. Предложение это понравилось все участникам сейма, однако в исполнение приведено не было.

В 1535 г. Дашкович умер, а вместо него старостой литовские власти назначили Фелициана Тышкевича (судя по фамилии, поляка). Возмущенное население подняло восстание. Тышкевич бежал из Черкасс. Однако из Киева прислали большой отряд регулярных войск с артиллерией, и восстание было подавлено.

Как написано в «Истории Украинской ССР»: «Спасаясь от репрессий, много казаков бежало: одни за Днепровские пороги, другие в Россию»⁶⁹. И тут же делается вывод, что именно в начале XVI в. появились казацкие поселения как на порогах, так и за ними, то есть появились запорожцы. Получается, что с конца XIII в. до начала XVI в., то есть приблизительно 250 лет эти места были безлюдными.

Между тем одним из требований восставших жителей Канева в 1536 г. было: «Звонецкого порога не касаться», то есть граница староства не должна была доходить до Звонецкого (третьего!) порога на Днепре. Там уже давно жили вольные казаки.

В конце 30-х гг. XVI в. черкасско-каневским старостой становится князь Михаил Вишневецкий. Поскольку мы будем встречаться с представителями этого княжеского рода, то стоит сказать о нем несколько слов. Вишневецкие происходят от Дмитрия (Корибута)⁷⁰, князя Новгород-Северского, сына великого князя литовского Ольгерда. Правнук Корибута Солтан построил замок Вишневец. После смерти бездетного Солтана замок перешел к его племяннику Михаилу Васильевичу, который и стал первым князем Вишневецким. Все князья Вишневецкие были православными. Первым перешел в католичество Константин Кон-

⁶⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3. С. 316–317.

⁶⁹ История Украинской ССР / Под ред. Ю. Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982. Т. 2. С. 178.

⁷⁰ Православное имя Дмитрий, а языческое – Корибут.

стантинович (1595). А наш черкасский и каневский староста Михаил Александрович приходился внуком первому князю Вишневецкому.

Этот староста вошел в историю в связи с грамотой короля Сигизмунда I. Яворницкий писал о ней: «В 1540 году козаки черкасско-каневского старосты, князя Михаила Вишневецкого, боясь наказания за своих товарищей, ушедших на Москву, оставили замки и засели ниже их на реке Днепре; князь Михаил Вишневецкий ходатайствовал за них перед королем Сигизмундом-Августом о высылке им охранного листа для возвращения в замки»⁷¹.

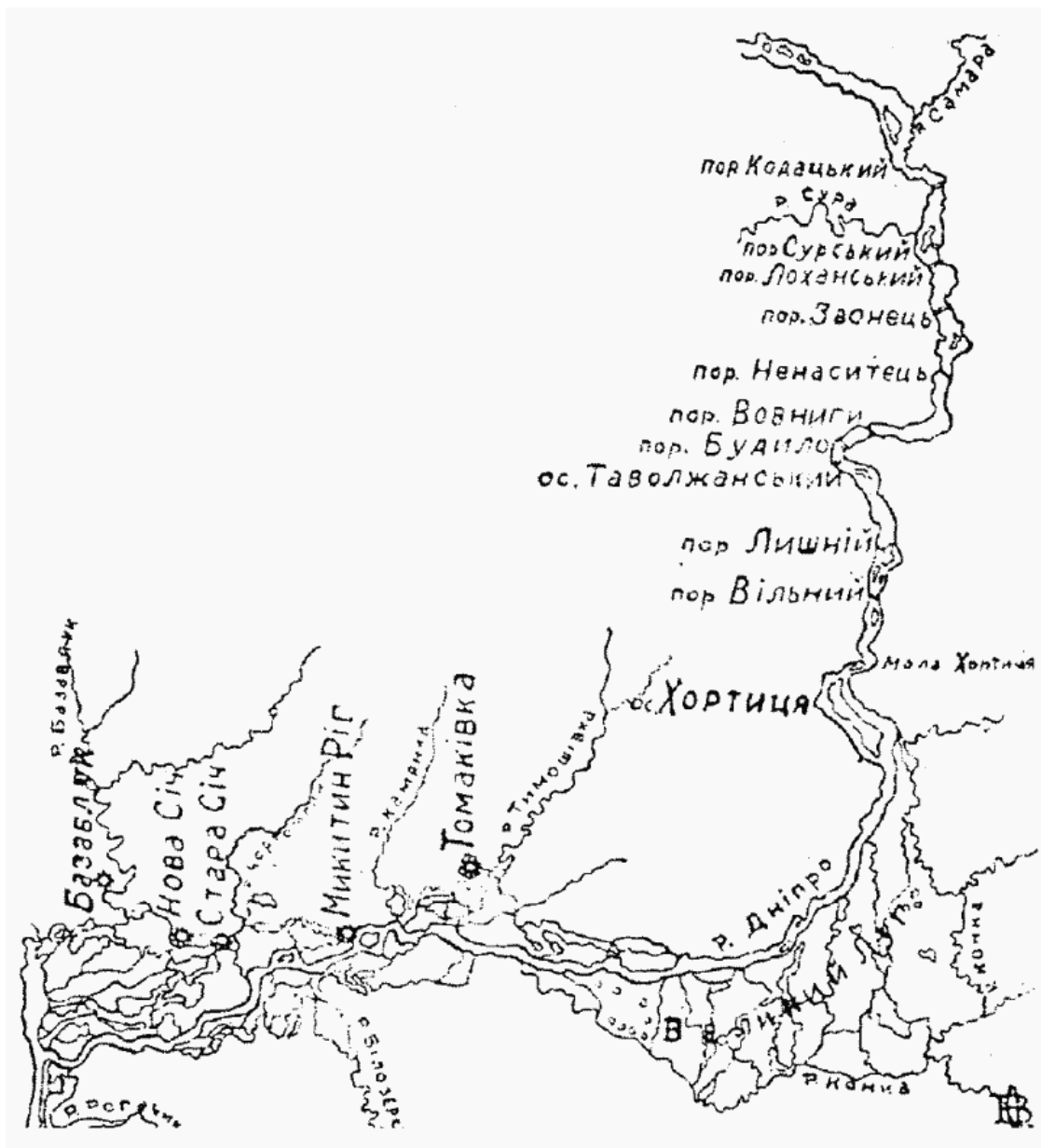
А вот в «Истории Украинской ССР» говорится: «Вишневецкий несколько раз вторгался в Сечь с отрядами шляхты и казаков-служебников. Запорожцы, однако, успешно отражали такие нападения. Тогда Вишневецкий в 1540 г. обратился к ним с королевской грамотой. Сигизмунд I призывал казаков, „которые нижей замков наших Черкас и Канева на Днепре суть“, добровольно возвратиться в староство. Тех, кто подчинится этому приказу, король обещал освободить от наказания, предусмотренного для бежавших в „Московскую землю“»⁷².

Мне лично более убедительной кажется вторая версия.

В 1545 г. казаки спустились к турецкому городу Очакову, напали там на турецких послов и ограбили их. Турецкое правительство предъявило Сигизмунду I жалобу на казаков, и король должен был из королевского «скарбу» возместить убытки потерпевшим.

⁷¹ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 10.

⁷² История Украинской ССР. Т. 2. С. 182.

Расположение порогов и Сечей на Днепре (По А. Апостолу)

В 1546 г. путивльский воевода писал в Москву великому князю Василию III: «Ныне, государь, козаков в поле много, и черкасцев, и киян, и твоих государевых, – вышли, государь, на помощь всех украин»⁷³. Под «украинами» воевода имел ввиду войска, дислоцированные на юго-западной границе Русского государства.

Дмитрий Вишневецкий старостой черкасским и каневским пробыл только 3 года. Получив от короля Сигизмунда I отказ на свою просьбу о каком-то пожаловании, Вишневецкий ушел в Турцию и поступил на службу к турецкому султану: «А съехал он со всею своею дружиною, то есть со всем тем козацтвом или хлопством⁷⁴, которое возле него появлялось», – писал о Вишневецком король Сигизмунд Радзивиллу Черному.

⁷³ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 11.

⁷⁴ Козацтво и хлопство – личные дружины Вишневецкого. Все крупные и средние магнаты Литвы и Польши владели «частными армиями», не подчинявшимися королю.

Через несколько месяцев Сигизмунд II (король Польши в 1548–1572 гг.) переманил Вишневецкого обратно, дав все требуемые им пожалования. Дмитрий Иванович вновь стал старостой черкасским и каневским.

Весной 1556 г.⁷⁵ Вишневецкий со своей «частной армией» отправился за пороги, там заложил укрепления (сечь) на острове Малая Хортица, известном также как остров Верхнехортицкий, Канцеровский, Вырва и, что наиболее интересно, остров Байда. Именно на этом острове археологи обнаружили остатки укрепления XVI в., а также ружья, обломки сабель, топоры, наконечники стрел и копий, монеты, относящиеся ко временам Дмитрия Вишневецкого.

Многие же историки считают, что Вишневецкий заложил Сечь на острове Хортица или Великая Хортица. Увы, на Хортице археологических материалов, которые бы подтверждали пребывание здесь казацких укреплений, пока что не обнаружено.

Вишневецкий, формально являвшийся подданным короля, отправил ему сообщение о постройке замка на Малой Хортице и для его укрепления попросил пушки и деньги.

Сигизмунд одобрил действия черкасского старосты, но, судя по всему, деньгами и пушками не помог. На всякий случай король уведомил о постройке замка на Хортице крымского хана Девлет Гирея: «И потому, брат наш, познаете, же оный [Хортицкий. – *А. III.*] заком ку нашей руке есть, кгда Вишневецкий престрогу и службу свою вам оказывати будет, и козаком, которые при нем шкод вашим людям чинити не допустит»⁷⁶.

Начало 50-х гг. XVI в. отмечено ежегодными походами крымских орд как на Литву, так и на Московское государство. Татары доходили до Коломны, Серпухова и Рязани. В марте 1556 г. царь Иван Грозный, не дожидаясь очередного вторжения татар, посылает дьяка Ржевского провести разведку боем в тылу противника. Ржевский на чайках (малых гребных судах) спустился по реке Псёл (правый приток Днепра) и вышел в Днепр. Черкасский и каневский староста Дмитрий Вишневецкий посылает на помощь Ржевскому 300 казаков под начальством атаманов черкасских Млынського и Есковича. Дьяк Ржевский доплыл до турецкой крепости Очаков в устье Днепра и штурмом овладел ею. На обратном пути у порогов Днепра татарский царевич нагнал войско Ржевского, но после шестидневного боя дьяку удалось обмануть татар и благополучно вернуться в Москву.

В сентябре 1556 г. Дмитрий Вишневецкий отправляет в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, где он бьет челом и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить». Ескович сказал царю, что князь совсем отъехал от польского короля и поставил среди Днепра, на Хортицком острове, против Конских Вод, у крымских кочевий, город.

Царь принял атамана с честью и, вручив ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкого, отправил вместе с Есковичем боярских детей Андрея Щепотьева и Нечая Ртищева с наказом объявить князю о согласии царя принять его на службу Московского государства.

Через месяц после этого Вишневецкий отправил к Ивану Грозному новых послов – Андрея Щепотьева, Нечая Трищева, князя Семена Жижемского и Михаила Есковича – с извещением, что он, Вишневецкий, царский холоп и дает свое слово на том, чтобы ехать к государю, но прежде всего считает нужным повоевать татар в Крыму и под Ислам-Керменом, а уж потом прибыть в Москву.

В декабре 1557 г. Иван Грозный получил донесение своего посла из Крыма о том, что 1 октября «князь Димитрий Вишневецкий, выплывший на низовье Днепра, взял крепость Ислам-Кермень, людей ее побил, а пушки взял и вывез на Днепр, в свой Хотрицкий город»⁷⁷.

⁷⁵ По другой версии дело было в 1553 г.

⁷⁶ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. Т. 1. С. 135–136.

⁷⁷ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 20–21.

Девлет Гирей не остался в долгу и весной 1558 г. внезапно подступил к Хортице⁷⁸. Вишневецкий со своими людьми несколько недель отбивался от татар. Но вскоре в Сечи начался голод, было съедено много казацких лошадей. Так что Вишневецкий был вынужден увести свое войско в Черкассы и Канев.

Иван IV, узнав о потере Хортицы, приказал Вишневецкому сдать Черкассы, Канев и другие контролируемые им территории польскому королю, а самому ехать в Москву. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму – 10 тысяч рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего кондотьера.

Переход в подданство Москвы Черкассы и Канева открывал широкие перспективы перед Иваном IV. В поход на татар Вишневецкий мог поднять тысячи казаков, в его распоряжении находилось несколько десятков пушек. Разумеется, польский король не остался бы равнодушен к потере южного Приднепровья. Но нет худа без добра. Походы польских войск традиционно сопровождались насилиями и грабежами, что неизбежно вызвало бы восстание и на остальной территории Малой России.

В 1556 г. Малороссия могла сама, как спелое яблоко, упасть в руки царя Ивана. Но, увы, у него были иные планы. Через два года начнется Ливонская война, и царь думает только о ней. Прорубить окно в Европу было России жизненно необходимо. Но для этого нужна была более мощная армия, более сильная экономика, 20 лет тяжелой Северной войны, постройка Петербурга, заселение новых земель, создание мощного флота и, наконец, гений Петра Великого.

Между тем Девлет Гирей ободрился уходом Вишневецкого с Хортицы и писал царю, что если тот будет присылать ему большие поминки и ту дань, которую платит польский король, то «правда в правду и дружба будет; если же царь этого не захочет, то пусть разменяется послами». Иван IV отвечал, что ханские требования к дружбе не ведут, и в конце 1558 г. отправил на татар 5 тысяч ратников под началом князя Дмитрия Вишневецкого. Войско на судах добралось по Волге до Астрахани, а оттуда двинулось к Дону. По пути к ним примкнул отряд донских казаков и кабардинцев – подданных мурзы Канклыка.

Войско Вишневецкого выше Азова форсировало Дон и вышло к нижнему Днепру, а затем блокировало Перекоп. Там князю удалось перебить отряд из 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область.

Параллельно с Вишневецким царь отправил против татар и окольного Даниила Адашева с 8 тысячами ратников. Адашев на лодках спустился по Пселу до Днепра, а затем по Днепру – до Черного моря. Наконец впервые в истории ратные люди московского царя морем (!) пошли на Крым! По пути Адашев захватил два турецких корабля. Как писал С. М. Соловьев: «Адашев... высадился в Крыму, опустошил улусы, освободил русских пленников, московских и литовских. На татар, застигнутых врасплох, напал ужас, так что они не скоро могли опомниться и собраться вокруг хана, который потому и не успел напасть на Адашева в Крыму, преследовал его вверх по Днепру до Монастырки, мыса близ Ненасытицкого порога, но и здесь не решился на него напасть и ушел назад»⁷⁹.

Французский посол в Константинополе сообщал своему правительству, что в начале 1561 г. русские и черкесы с «капитаном Дмитрашку спустились вниз по Дону мимо Тары [Азова] и дошли до Кафы [Феодосии]».

Нетрудно догадаться, что «капитан Дмитрашка» – это князь Дмитрий Вишневецкий. Он изрядно пограбил Кафу – крупнейший невольничий рынок на Черном море, при этом рабы-христиане были освобождены.

⁷⁸ Здесь и далее речь идет о Малой Хортице.

⁷⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3. С. 495.

После этого набега Вишневецкий уходит на Днепр и устраивает лагерь на острове Монастырском (Монастырище). Старая Сечь на острове Хортица была разрушена три года назад Девлет Гиреем. Название острова происходит от монастыря, основанного в конце IX в. византийским монахом и разрушенного в XIII в. татаро-монголами. Сейчас остров Монастырский находится в центре Днепропетровска, там расположен «Гидропарк», а также любимые места купания натуралистов.

К этому времени отношение Дмитрия Вишневецкого к русскому царю изменилось к худшему. О причинах этого источники умалчивают, а я, в отличие от иных историков, не хочу фантазировать.

Так или иначе, но летом 1561 г. Вишневецкий отправил с Монастырского острова письмо королю Сигизмунду-Августу с просьбой прислать ему глейтовый (охранный) лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно согласился принять Вишневецкого к себе на службу и 5 сентября того же года прислал ему глейтовый лист: «Памятуя верныя службы предков князя Димитрия Ивановича Вишневецкаго, мы принимаем его в нашу господарскую ласку и дозволяем ему ехать в государство нашей отчизны и во двор наш господарский».

Получив охранную грамоту, Вишневецкий вместе с польским магнатом Альбрехтом Ласким приехал в Краков, где был с восторгом встречен горожанами. Король очень ласково принял князя и простил ему его вину. Вскоре после этого Вишневецкий сильно заболел.

Однако теперь Дмитрий Вишневецкий остался не у дел. Должность старосты черкасского и каневского занимал его двоюродный брат Михаил Александрович Вишневецкий, дед будущего кровавого гетмана Иеремии.

С 1563 г. Вишневецкий числился на службе у польского короля, но Сигизмунд-Август не давал ему ни земель, ни ответственных поручений и не преминул при случае справиться у русского царя о причинах отъезда его из Москвы, на что получил ответ Ивана IV: «Пришел он как собака и потек как собака; а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил».

Годы и болезни сделали Дмитрия Вишневецкого столь дряхлым, что он уже с трудом садился на коня, но князя по-прежнему тянуло на авантюры. Он по совету своего приятеля Альбрехта Лаского решил овладеть Молдавией и стать ее господарем. Обстоятельства благоприятствовали князю. Дело в том, что в ноябре 1563 г. молдавские бояре во главе со Стефаном Томшей убили господаря Якоба Депота (Василида). Томша объявил себя господарем Стефаном V. Партия волохов, не желавшая избрания Томши, узнав о планах Вишневецкого, отправила к нему посольство и пообещала ему господарство, если только он вместе с казаками принесет присягу этой партии. Вишневецкий согласился и в 1564 г. с 4 тысячами казаков⁸⁰ отправился в Молдавию.

Однако фортуна на сей раз отвернулась от нашего героя, и он был схвачен Томшей. «Тогда Вишневецкого, вместе с его спутником Пясецким и некоторыми поляками, схватили и отправили в столицу Молдавии. Поляки после жестоких пыток, во время которых сам Томжа отрезал им носы и уши, отпущены были в Польшу, а Вишневецкий и Пясецкий тем же Томжей отправлены были в Царьград к турецкому султану Селиму II. Получив пленников и пылая местью на них за разорение Крыма и южных городов, турки решили предать их жесточайшей казни: бросить живыми с высокой башни на один из железных крюков („гак“), которые вделаны были в стену у морского залива, по дороге от Константинополя в Галату Брошенный с башни вниз Пясецкий скоро скончался, а Вишневецкий, при падении с

⁸⁰ Я написал «4 тысячи казаков», следуя Яворницкому (Т. 2. С. 24). Однако на следующей странице Яворницкий говорит о поляках, взятых в плен с Вишневецким, и не упоминает о казаках. Так что «казаки» Вишневецкого в 1564 г., скорее всего, были польскими шляхтичами – искателями приключений. Это тем более вероятно, что в 1563–1564 гг. Вишневецкий вообще не появлялся в Приднестровье.

такой же высоты, зацепился ребром за железный крюк и в таком виде висел несколько времени, оставаясь живым, понося имя султана и хуля его мусульманскую веру, пока не был убит турками, не стерпевшими злословий. Народ сохранил в своей памяти величественный образ князя и воспел его трагическую кончину в готовой уже песне о казаке Байде. По словам песни, Байда так был славен, что сам султан предлагал ему свою дочь в жены с условием, чтобы только он принял веру Магомета; но Байда настолько был предан православной вере, что с презрением отверг это предложение и стал плевать на все, что было дорого как простому магометанину, так и самому султану, а под конец ухитрился даже убить стрелой, поданной ему его слугой, самого султана с его женой и дочерью. Тогда турки, остервеневшись на Вишневецкого, вынули у него, еще живого, из груди сердце, изрезали на части и, разделив между собою, съели его в надежде, так сказать, заразиться таким же мужеством, каким отличался во всю жизнь неустрашимый Вишневецкий»⁸¹.

Походы Вишневецкого создали ему ореол героя-мученика по всей Малороссии. Кобзари слагали о нем песни. Князь – потомок Гедемина, а на 90 процентов Рюрикович, стал в песнях «казакон Байдой».

Не забывают Дмитрия Вишневецкого и сейчас. Но, увы, никому не нужен реальный князь Вишневецкий, а нужен некий мифический персонаж. Полбеда, когда это связано с исторической безграмотностью. Так, к примеру, Александр Смирнов в весьма тенденциозной книге «Морская история казачества» называет православного князя, всегда считавшего себя русским, «польским аристократом» и «польским магнатом», а затем делает вывод: «Антагонизм между польским дворянством и запорожским казачеством, похоже, сильно преувеличен сторонниками мифа о „присоединении Украины к России“»⁸².

Ни о каких земельных владениях «магната» Вишневецкого, кроме староств в Черкасках и Каневе, историкам неизвестно. А если Дмитрия Ивановича считать ляхом, то с таким же успехом А. Смирнова можно считать зулусом или эфиопом.

Ну, сей пример явно несерьезен. Гораздо хуже, когда мифологизация Дмитрия Вишневецкого делается умышленно в политических целях. Так, уже Грушевский пишет: «Вишневецкий погиб, не осуществив своих планов. Но деятельность его не прошла бесследно. Не только осуществляется его мысль о создании прочной точки опоры за порогами в позднейшей Запорожской Сечи, которой он был как бы духовным отцом, но и в позднейшей казацкой политике заметны отзвуки смелых мыслей Байды о возможности для казачества, опираясь на Литву, Москву, Молдавию и даже самую Турцию, играть самостоятельную политическую роль и развивать свои силы, пользуясь совпадением своих интересов с интересами то одного, то другого государства»⁸³.

Нынешние «незалежные» историки идут дальше и объявляют Вишневецкого создателем запорожского войска, первым из плеяды героических гетманов Украины – борцов с московитами.

В 1992 г. самостийники переименовали сторожевой корабль «Лацис», строившийся в Керчи по проекту 1135.1, в «Гетман Байда-Вишневецкий». Замечу, что ни гетманом, ни казаком, ни литовцем Дмитрий Иванович никогда не был, и само название сторожевого корабля более чем анекдотично, как, например, «Император Невский Александр». Этот корабль должен был стать самым мощным и современным кораблем украинских ВМС. Но, увы, денег не хватило, и в 1994 г. недостроенный «Гетман...» был сдан на металлолом. Миф же о казаке Байде по-прежнему интенсивно эксплуатируется украинскими историками.

⁸¹ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 25.

⁸² Смирнов А. А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 41–42.

⁸³ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К, 2001. С. 174.

Глава 9

Начало полонизации Малой России

В конце 60-х гг. XVI в. усилилось движение польских панов за создание единого государства с Великим княжеством Литовским. Сейчас «самостийные» белорусские историки утверждают, что-де создание Польско-литовского государства стало реакцией народов этих стран на агрессию Ивана Грозного. Спору нет, война с Москвой сыграла в этом определенную роль. Но московский вектор Люблинской унии не был решающим. Русско-литовская война несколько лет велась вяло, а четыре года перед самой унией не велась вообще. Армия Ивана Грозного по тактике полевого боя и по вооружению заметно отставала от армий западных государств. Москве в ходе Ливонской войны приходилось одновременно действовать против шведов в Эстляндии, крымских татар на юге, турков в Астрахани и т. д. Наконец, террор психически нездорового царя, в том числе уничтожение десятков самых лучших русских воевод, серьезно ослабил русскую армию⁸⁴. Так что ни Россия, ни страшный Иван не угрожали в 1568 г. ни Польше, ни Литве. Кстати, это мы сейчас знаем о чудовищных расправах Ивана над своими подданными. А польские и литовские паны через несколько лет после унии пожелают видеть Ивана... своим королем.

Куда ближе к истине тот же С. М. Соловьев: «Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решение вопроса о вечном соединении Литвы с Польшею, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия»⁸⁵.

⁸⁴ Боюсь, что тут у определенной части читателей возникнет аналогия с репрессиями в конце 30-х гг. XX в. в Красной Армии. На самом деле аналогия тут чисто внешняя, т. е. похожи факты, но суть совершенно иная. Иван IV уничтожал профессиональных воевод. Так, десятки князей Курбских участвовали в походах Ивана III, Василия III и Ивана IV и честно сложили головы за землю Русскую. Репрессии же конца 30-х гг. XX в. были направлены в основном на героев Гражданской войны – выдвиженцев председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого. Вместо них пришли новые командиры, которые и выиграли Великую Отечественную войну, в которой уцелевшие герои Гражданской войны не сыграли особой роли. Аналогичная ситуация была и во Франции, когда десятки и сотни генералов, сделавших молниеносную карьеру во времена Революции, ушли со сцены в конце XVIII в., а Европу покоряли совсем другие люди, которые к 1793 г. были лейтенантами, а то и просто рядовыми.

⁸⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. С. 614.

Речь Посполитая в XVI и начале XVII веков. Карта из «Истории Средних веков» (Москва, 1954). Естественно, в те времена ни Белоруссии, ни Украины не было в природе. Очередная фальшивка «совковых» историков. Представим себе карту Римской империи, где вместо Галии было бы написано «Франция»

В январе 1569 г. польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл⁸⁶ и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов, «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния. Согласно акту Люблинской унии Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство – Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иноземными государ-

⁸⁶ Князь Криштоф Радзивилл (1547–1603), каштелян трокский, воевода виленский, великий гетман литовский, позже получил за свои военные таланты прозвище «Рюгун» («Перун», т. е. «Гром»).

ствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская – в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно 9-му параграфу унии, король обещал должности в присоединенных землях предоставлять только местным уроженцам, имеющим там свою оседлость. «Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным, то будем предоставлять и давать шляхтичам – местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение»⁸⁷.

Киевское княжество по желанию поляков было «возвращено» Польше, как будто бы еще задолго до княжения Ягайло принадлежащее польской короне. Поляки говорили: «Киев был и есть глава и столица Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествующими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей». От Польши, «как от собственного тела», она была отторгнута и присоединена к Великому княжеству Литовскому Владиславом Ягайло, который сделал это потому, что правил одновременно и Польшей, и Литвой.

Фактически акты Люблинского сейма 1569 г. явились конституцией нового государства – Речи Посполитой. Как писал В. А. Беднов: эти акты, «с одной стороны, подтверждают всем областям Великого княжества Литовского все те законы, права, вольности и сословные привилегии, которыми раньше определялось их юридическое положение, а с другой стороны, уравнивали их с коронными областями во всем том, чего эти первые не имели в сравнении с последними до Люблинской унии. Дух веротерпимости, господствовавший в эпоху среди польско-литовского общества, а затем и политические расчеты покрепче связать с Польшей богатые и обширные области, населенные православно-русскими обывателями, не позволили римско-католическому духовенству поставить какие-либо ограничения религиозной свободе русского населения; правительство стояло за религиозную свободу и проявляло свою веротерпимость, но эта веротерпимость являлась не столько добровольной, сколько вынужденной. Она вытекала не столько из уважения к религиозным убеждениям населения, сколько из простого расчета сохранить внутренний мир и спокойствие государства, так как при том разнообразии религиозных верований, какое царило при Сигизмунде Августе в Польше и Литве, подобное нарушение этого мира религиозных общин могло привести к страшным расстройством и опасным для государства замешательствам»⁸⁸.

Возможно, кому-то слова православного священника и профессора богословия Варшавского университета о веротерпимости в Речи Посполитой во второй половине XVI в. покажутся странными, если не сказать жестче. На самом же деле он прав. Вот два достаточно характерных примера из жизни Речи Посполитой того времени. Константин Константинович Острожский был не только одним из богатейших магнатов, но и одним из светских идеологов православия в Речи Посполитой. Однако женат он был на католичке Софии Тарновской, дочери краковского каштеляна. Его сын Януш тоже стал католиком. Зато одна дочь вышла замуж за кальвиниста Криштофа Радзивилла, а другая – за Яна Кишу, сторонника социан.

А возьмем того же Юрия Мнишека, которого наши историки называют фанатичным приверженцем католицизма. Действительно, пан Юрий был католиком, но одна его сестра

⁸⁷ Цит. по: Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 96.

⁸⁸ Там же. С. 102–103.

вышла замуж за краковского воеводу – кальвиниста Яна Фирлея, другая – за арианина Страдницкого, сам Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой также были ариане.

Попробую подвести, наконец, итоги. Начну с того, что дала Уния русскому населению? Именно русскому, поскольку никаких белорусов и украинцев к 1569 г. в Великом княжестве Литовском не было. Был один язык, одна культура, одна религия, один митрополит, одни обычаи и т. д. Так вот для русского населения ничего плохого в текстах Люблинской унии не было. Наоборот, она подтверждала их прежние права. И трудно сказать, в каком направлении пошла бы история Восточной Европы, если бы польские короли строго выполняли все параграфы люблинских актов 1569 года. Но польские паны тем и отличались, что любили принимать хорошие законы, но органически не желали исполнять ни хороших, ни плохих законов.

В результате Люблинская уния вопреки всем ее актам стала началом католической агрессии на русские земли, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского. Увы, этого русские люди не могли предвидеть даже в страшном сне, поэтому и князья, и шляхта, и духовенство пассивно отнеслись к принятию Унии.

Наступление на православных и протестантов католики начали еще до принятия Унии. Но пока наступление шло в области идеологии и просвещения. Попытка силовым способом навязать католицизм, безусловно, привела бы к кровавой междоусобице и гибели Речи Посполитой.

Епископ виленский Валериан Проташевич, один из идеологов борьбы с диссидентами⁸⁹, обратился за советом к кардиналу Гозиушу епископу варминскому в Пруссии, знаменитому председателю Тридентинского собора, считавшемуся одним из главных столпов католицизма во всей Европе. Гозиуш, советуя всем польским епископам вводить в свои епархии иезуитов, посоветовал то же самое и Проташевичу. Тот последовал совету, и в 1568 г. в Вильно был основан иезуитский коллегиум под управлением Станислава Варшевицкого.

Вскоре в Польше и Литве возникли десятки иезуитских школ. Молодое поколение подверглось жесткой идеологической обработке. В ответ православные иерархи не смогли создать школы, привлекательной для детей шляхты, не говоря уж о магнатах. С конца XVI в. началось массовое окатоличивание и ополячивание русской дворянской молодежи. Зачастую православные родители не видели в этом ничего плохого: чтение итальянских и французских книг, западная мода, западные танцы – почему бы и нет? Страшные последствия полонизации западных и южных русских земель начнут сказываться лишь через 100 лет.

Хотя формально Литва и Польша стали единым государством, но присоединение Киевской земли к Польше создавало условие для ее более быстрой полонизации. Причем если в Белой Руси большинство помещиков были потомками русских князей и бояр, то в Киевские земли устремились сотни польских панов, начавших закабаление ранее свободных крестьян. Все это привело к появлению языковых и культурных различий, которые позже дали повод националистам говорить о двух народах – белорусском (он же литвинский и т. д.) и украинском (то есть уках и др.).

Для Московского государства заключение Люблинской унии означало переход всех литовских претензий к Польше. Замечу, что официальные прямые контакты Польши с великим князем владимирским, а затем с Москвой прервались в 1239 г. А в дальнейшем, если польские короли вели переговоры с Москвой, то формально они представляли только великого князя литовского. Как писал историк и дипломат Вильям Похлебкин: «...став вновь соседями через 330 лет, Польша и Русь обнаружили, что они представляют по отношению

⁸⁹ Так в Польше в XVI–XVIII вв. называли протестантов.

друг к другу совершенно чуждые, враждебные государства с диаметрально противоположными государственными интересами»⁹⁰.

7 июля 1572 г. умер Сигизмунд II Август, которого польские историки именуют последним из Ягеллонов, хотя он был потомком Ягайло лишь по женской линии.

Сразу же после смерти короля Сигизмунда польские и литовские паны развили бурную деятельность в поисках нового короля. В качестве претендентов на престол выступали шведский король Иоанн, семиградский воевода Стефан Баторий, принц Эрнст (сын германского императора Максимилиана II) и т. д. Неожиданно среди претендентов на польский престол оказался царевич Федор, сын Ивана Грозного. Напомню, что царевичу тогда было 15 лет, наследником престола числился его старший брат Иван (убит он будет лишь в 1581 г.).

Движение в пользу московского царевича возникло как сверху, так и снизу, независимо друг от друга. Ряд источников говорит о том, что этого желало православное население Малой и Белой Руси. Аргументом панов – сторонников Федора – было сходство польского и русского языков и обычаев. Замечу, что тогда языки различались крайне мало.

Другим аргументом было наличие общих врагов Польши и Москвы – немцев, шведов, крымских татар и турок. Сторонники Федора постоянно приводили пример великого князя литовского Ягайло, который, будучи избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайло заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Польше, чем в Москве, поскольку северные жители всегда стремятся к южным странам. Стремление же расширить и сберечь свои владения на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, также заставит короля жить в Польше. Ягайло в свое время клятвенно обязался не нарушать законов польской шляхты, то же мог сделать и московский царевич.

Паны-католики надеялись, что Федор примет католичество, а паны-протестанты вообще предпочитали православного короля королю-католику.

Главным же аргументом в пользу царевича были, естественно, деньги. Жадность панов и тогда, и в годы Смутного времени была патологическая. О богатстве же московских великих князей в Польше, да и во всей Европе ходили фантастические слухи.

Дав знать царю Ивану через гонца Воропая о смерти Сигизмунда II Августа, польская и литовская Рада тут же объявили ему о своем желании видеть царевича Федора королем польским и великим князем литовским. Иван ответил Воропаю длинной речью, в которой предложил в качестве короля... себя самого.

Сразу возникло много проблем, например, как делить Ливонию. Ляхи не хотели иметь Грозного царя королем, а предпочитали подростка Федора. В Польшу и Литву просочились сведения о слабоумии царевича и т. д. Главной же причиной срыва избирательной кампании Федора Ивановича были, естественно, деньги. Радные паны требовали огромные суммы у Ивана IV, не давая никаких гарантий. Царь и дьяки предлагали на таких условиях сумму в несколько раз меньшую. Короче, не сошлись в цене.

Затем радные паны решили избрать на польский престол Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Довольно быстро образовалась французская партия, во главе которой стал староста бельский Ян Замойский. При подсчете голосов на сейме большинство было за Генриха.

Прибыв в Краков, новый король заявил: «Я, Генрих, Божией милостью, избранный королем Польши, Великого княжества Литовского, Руси, Пруссии, Мазовии и т. д... всеми чинами государства обоих народов как Польши, так и Литвы и прочих областей, избранный с общего согласия и свободно, обещаю и свято клянусь всемогущим Богом, перед сим св. евангелием Иисуса Христа, в том, что все права, вольности, иммунитеты, общественные

⁹⁰ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М.: Международные отношения, 1995. С. 391.

и частные привилегии, не противные общему праву и вольностям обоих народов, церковные и светские, церквам, князьям, панам, шляхте, мещанам, селянам и всем вообще лицам, какого бы они ни были звания и состояния, моими славными предшественниками, королями и всеми князьями... сохраню и удержу мир и спокойствие между несогласными в религии, и никоим образом не позволю, чтобы от нашей юрисдикции или от авторитета наших судов и каких-либо чинов кто-либо страдал и был притесняем из-за религии, да и сам лично не стану ни притеснять, ни огорчать»⁹¹.

Одновременно король отрекался от наследственной власти, обещал не решать никаких вопросов без согласия постоянной комиссии из шестнадцати сенаторов, не объявлять войны и не заключать мира без сената, не разбивать на части «посполитного рушения», созывать сейм каждые два года не больше чем на шесть недель. В случае неисполнения какого-либо из этих обязательств шляхта освобождалась от повиновения королю. Так узаконивалось вооруженное восстание шляхты против короля, так называемый рокош.

Новый двадцатитрехлетний король выполнил надлежащие формальности и загулял. Нет, я вполне серьезно. Ему и во Франции не приходилось заниматься какими-либо государственными делами, он не знал ни польского, ни даже латинского языка. Новый король проводил ночи напролет в пьяных пирушках и за карточной игрой с французами из своей свиты.

Внезапно прибыл гонец из Парижа, сообщив королю о смерти его брата Карла IX 31 мая 1574 г. и о требовании матери (Марии Медичи) срочно возвращаться во Францию. Поляки своевременно узнали о случившемся и предложили Генриху обратиться к сейму дать согласие на отъезд. Что такое польский сейм, Генрих уже имел кой-какое представление, и счел за лучшее ночью тайно бежать из Кракова.

К хаосу в Речи Посполитой все давно привыкли, но чтобы король бежал с престола – такого еще не бывало. Радные паны чесали затылки: объявлять ли бескорольеве или нет? Решили бескорольеве не объявлять, но дать знать Генриху, что если он через девять месяцев не вернется в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В конце концов в декабре 1575 г. королем был избран семиградский князь Стефан Баторий.

По смерти Батория в 1586 г. опять начался «конкурс» на титул короля Речи Посполитой. Опять рассматривалась кандидатура Федора Ивановича, теперь не царевича, а царя. Радные паны официально потребовали у русских послов взятку в 200 тысяч рублей. Послы же предложили 60 тысяч. Наконец, после долгой перепалки думный дворянин Елизар Ржевский назвал последнюю цифру – 100 тысяч, и больше ни копейки. Возмущенные паны отказались от кандидатуры Федора.

Конкурентами царя Федора стали эрцгерцог Максимилиан Австрийский и наследный принц Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна III. Оба кандидата поспешили ввести в Польшу по «ограниченному контингенту» своих войск. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но штурм был отбит. Между тем с севера со шведским войском уже шел Сигизмунд. Население столицы предпочло открыть ворота шведам. Сигизмунд мирно занял Краков и немедленно там короновался (27 декабря 1587 г.). Замечу, что, присягая, Сигизмунд III повторил все обязательства предшествующих королей в отношении диссидентов.

Тем временем коронный гетман Ян Замойский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычике в Силезии. Австрийцы были разбиты, а сам эрцгерцог взят в плен. В начале 1590 г. поляки освободили Максимилиана с обязательством не претендовать более на польскую корону. За него поручился брат – император Священной Римской империи.

В отличие от прежних королей Польши, Сигизмунд был фанатичным католиком. На его убеждения повлияла и мать – убежденная католичка, и реформация в Швеции.

⁹¹ Цит. по: Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве. С. 111–112.

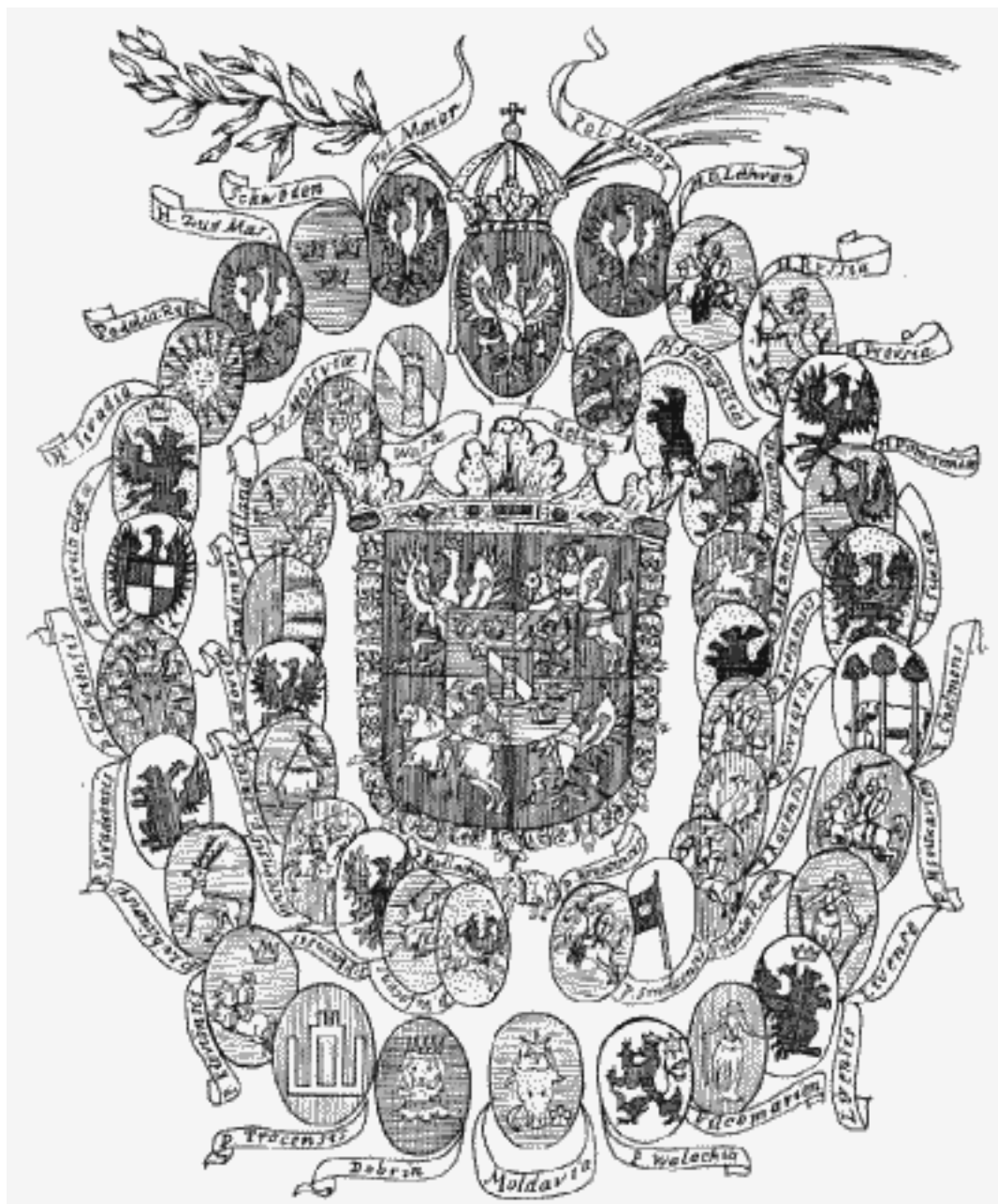
Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть некаатоликов). В 1577 г. знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви божией и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги посвящались догматическим и историческим исследованиям о разделении церкви, в третьей части содержались обличения русского духовенства и конкретные рекомендации польским властям по борьбе с православием. Любопытно, что в своей книге Скарга именует всех православных подданных Речи Посполитой просто «русскими».

Скарга предложил ввести унию, для которой нужно только три вещи: во-первых, чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, а от папы; во-вторых, чтобы каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый русский признавал верховную власть Рима. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 г. с посвящением королю Сигизмунду III. Причем и Скарга, и другие иезуиты указывали на унию как на «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских».

В книге Скарги и в других писаниях иезуитов средством для введения унии предлагались решительные действия светских властей против русских.

Сигизмунд III твердо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

Герб Речи Посполитой времен Сигизмунда III Вазы

29 мая 1596 г. Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковию под послушание одному духовному пастырю. Епископы [униаты, ездившие к папе. – *А. Ш.*] не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Православные шляхтичи во главе с князем К. К. Острожским и протестанты во главе с виленским воеводой Криштофом Радзивиллом решили бороться с унией старым легальным способом – через сеймы. Но католическое большинство при сильной поддержке короля на сеймах 1596 г. и 1597 г. сорвало все попытки диссидентов отменить унию. В итоге к уже существующей межконфессиональной розни добавился и конфликт между униатами и православными. Да и вообще, Сигизмунд был человеком из другого мира, чуждый не только своим русским подданным, но и польским панам. Он носил бородку клином, как его современник, жестокий и подозрительный испанский король Филипп, с которого Сигизмунд во многом брал пример. Вместо простого кафтана и высоких сапог, какие носил Баторий и другие польские короли, Сигизмунд одевался в утонченные западные одежды, в чулки и туфли.

Избрание на престол Сигизмунда III стало первым шагом к гибели Речи Посполитой. Религиозные репрессии вызывали непрерывные восстания православных внутри страны, а территориальные претензии ко всем без исключения соседям – длительные войны.

Обратим внимание на герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III. По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д.

Глава 10

Андрей Курбский против Виктора Ющенко

Сейчас националисты Украины и Белоруссии отчаянно спорят, на каком языке говорило население Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв. – на украинском или на белорусском? Обе стороны согласны, что их язык был государственным на территории Великого княжества Литовского. Одни утверждают, что статут «Литовский» 1530 года был написан на чисто украинском языке, а другие – что на белорусской мове. Увы, статут написан на русском языке, очень близком к литературным памятникам XI–XIII вв., и не имеет ничего общего с современными украинским и белорусским языками.

«Самостийники» не понимают анекдотичности своих утверждений. Что же получается? Обьезжает, к примеру, великий князь литовский свои владения, и в Минске ему приходится разговаривать по-белорусски, в Вязьме – по-русски, а в Киеве – по-украински?

На русском языке была написана и знаменитая «Хроника Быховца», а когда в XVII в. кириллица была запрещена на территории Речи Посполитой, хронику переписали тоже по-русски, но латинскими буквами.

В Кракове в Ягеллонской часовне в 1917 г. еще можно было прочесть надпись кириллицей на русском языке, датированную по одной версии 1459 г., а по другой – 1470 г. Все документы 1595–1596 гг., связанные с Брестской унией, также написаны на русском языке.

Характерный факт – литовские послы, приезжавшие в Москву, свободно, без переводчика, общались с боярами и дьяками.

Вот, к примеру, в декабре 1563 г. в Москву приехали королевские послы крайчий Юрий Ходкевич и маршалок Волович. С ними Иван кардинально нарушил протокол, вызвал к себе и решил поговорить по душам. В частности, он был очень обижен тем, что король не хотел именовать его царем, и сказал Ходкевичу: «Юрий! Говори перед нами безо всякого сомнения, если что и по-польски скажешь, мы поймем. Вы говорите, что мы припоминали и те города, которые в Польше, но мы припомним не новое дело: Киев был прародителя нашего, великого князя Владимира, а те все города были к Киеву. От великого князя Владимира прародителя наши великие государи, великие князья русские, теми городами и землями владели, а зашли эти земли и города за предков государя вашего невзгодами прародителей наших, как приходил Батый на Русскую землю, и мы припоминаем брату нашему не о чужом, припоминаем о своей искони вечной вотчине. Мы у брата своего чести никакой не убавляем. А брат наш описывает наше царское имя не сполна, отнимает, что нам бог дал. Изобрели мы свое, а не чужое. Наше имя пишут полным именованьем все государи, которые и повыше будут вашего государя. И если он имя наше сполна описывать не хочет, то его воля, сам он про то знает. А прародители наши ведут свое происхождение от Августа кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах государи, и что нам Бог дал, то кто у нас возьмет? Мы свое имя в грамотах описываем, как нам Бог дал. А если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным наименованием, то нам его описывание не нужно».

Впервые, и то для затягивания переговоров, литовские послы потребовали переводчика в конце XVI века, мотивируя это тем, что у московитов много новых слов появилось, им неведомых.

Любопытно, что не только ультранационалисты, болтающие о каких-то особых народах – украх и литвинах, но даже благонамеренные советские историки говорили, что к середине XVII в. уже сформировались белорусская и украинская народности. К примеру, в

«Истории Украинской ССР»⁹² говорится, что в XII–XIII в. прошел первый этап формирования украинской народности, а с XIV в. по середину XVI в. – второй этап.

30 апреля 1564 г. в Литву бежал знаменитый русский воевода князь Андрей Михайлович Курбский.

Родословная Андрей Михайловича восходит к смоленским князьям. Их потомок можайский князь Федор Ростиславович Чермный, женившись на ярославской княжне Марии Васильевне, становится ярославским князем. В XV в. Федор Чермный и два его сына – Давид и Константин – будут канонизированы православной церковью.

Сын Чермного Давид правил Ярославским княжеством с 1299 по 1321 г., от него и пошли ярославские князья. Итак, Андрей Курбский был потомок смоленских князей и сразу двух святых – Федора Чермного и Давида.

Сын Давида Василий Грозный умирает в 1345 г., и начинается распад Великого княжества Ярославского на отдельные удельные княжества – Моложское, Заозеро-Кубенское, Сицкое и др. Внук Василия Грозного Иван Васильевич Большой правил Великим княжеством Ярославским с 1373 по 1426 г. Его младшие сыновья Яков Воин и Семен получили в удел село Курбы на реке Курбице, правом притоке реки Пахмы, к югу от Ярославля. После смерти в 1455 г. бездетного Якова Воина Курбский удел полностью перешел к Семену, который первым получил прозвище Курбский.

Князья Курбские считались, пожалуй, самыми знаменитыми воеводами XV–XVI вв. Практически ни один поход московской рати не обходился без них.

Андрей Михайлович Курбский родился в 1528 г. В 1549 г. он получил звание стольника и участвовал в первом Казанском походе Ивана IV. По возвращении из неудачного Казанского похода Андрей Курбский был отправлен воеводой в Пронск для защиты юго-восточных границ Руси от набегов крымских и казанских татар. В 1551 г. Андрей Курбский вместе с князем Щенятыевым командовал полком правой руки, стоявшим на берегу Оки напротив татар.

Без преувеличения можно сказать, что взятием Казани в 1552 г. царь Иван обязан прежде всего князю Курбскому.

И вот знаменитый полководец бежит в Литву. Уже три века идет спор наших историков и писателей о судьбе первого русского перебежчика и «диссидента» Андрея Курбского. Официальные царские, а затем и советские историки пытались доказать, что князь Курбский был представителем реакционного русского боярства, противодействовавшего прогрессивной деятельности Ивана Грозного. Соответственно, либералы доказывали, что Андрей Курбский был гуманистом, прогрессивно мыслящим человеком и т. п.

На мой взгляд, современные историки смотрят на князя Андрея глазами людей XX–XXI вв. Курбский же действовал по обычаям своих дедов и прадедов. Замечу, что «право отъезда» служилых князей или бояр существовало на Руси и в Польше, по крайней мере, с IX в. И юридически этого права никто не отменял ни на Руси, ни в Литве, ни в Польше. Другой вопрос, что в 1564 г. и позже это право нормально действовало в Речи Посполитой, а на Руси со времен Ивана III желающим им воспользоваться рубили головы.

Любопытно, что Иван III и его свирепые потомки поступали так и с теми князьями, которые переходили к ним от великих князей литовских. Так, в самом конце XV в. – начале XVI в. не менее трех десятков князей Рюриковичей и Гедиминовичей попросились в Московское подданство. Причем большинство из них перешло вместе со своими уделами, в результате чего Московское государство получило большие приращения на западе и на юге.

Поначалу Иван III радостно встретил князей из русской Литвы. Но длилось его ликование совсем не долго. Так, вяземские князья приняли подданство в 1492 г., а уже через

⁹² История Украинской ССР / Под ред. Ю. Ю. Кондуфора, Киев: Наукова Думка, 1982.

пару лет Михаил Дмитриевич Вяземский с семьей под стражей был отправлен на Северную Двину, где и умер (убит?). Андрей Юрьевич Вяземский бесследно исчез, а в 1495 г. в Вязьме уже сидел наместник Ивана III. Уничтожив старших вяземских князей, Иван III лишил боковые ветви вяземских князей всех их родовых вотчин и отправил их на восток, дав ничтожные поместья. К середине XVI в. многие из князей Вяземских служили детьми боярскими в Костроме, Романове и Малом Ярославце.

В 1499 г. на сторону Москвы вместе с уделом перешел князь новгород-северский Василий Шемячич – внук знаменитого Дмитрия Юрьевича Шемяки. Он несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Шемячич проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и крымских татар. Но московским великим князьям не нужны были сильные князья – вассалы, а только холопы. И вот в 1522 г. Василий III вызывает Василия Шемячича в Москву. Тот, видимо, заподозрил неладное и попросил охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял более податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы выманить «запазушного врага» в столицу.

18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. По мнению посла германского императора Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдуманно было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его». Сын Василия Шемячича Иван, жена и двое дочерей были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529 г.

Та же участь ждала Ивана Ивановича Белевского. Он стал известным московским воеводой, но в 30-х гг. XVI в. был сослан в заточение в Вологду, а Белевский удел прекратил свое существование. Почти так же кончили и все остальные удельные князья, ушедшие от литовского князя.

Замечу, что кроме пустой брехни о каких-то крамолах, ни Иван III, ни Василий III не сумели предъявить никаких конкретных обвинений этим князьям. Надо ли говорить, что историки-«магистральщики» раздули бы до государственного преступления любую оплошность несчастных литовских князей, которые хотели верно служить православному великому князю Всея Руси. Но, увы, найти ничего не удалось. С новыми подданными московские ханы расправились, так сказать, в превентивном порядке.

Представим себе альтернативный вариант, то есть нормальные отношения московского сюзерена со своими новыми западными и южными вассалами. Нетрудно догадаться, что за ними последовали бы если не все, то подавляющее большинство князей литовской Руси. Повторяю, тогда еще не было никаких различий ни в языке, ни в культуре Великой, Малой и Белой Руси. И ни в XIX, ни в XX в. не могло и быть украинских и белорусских националистов.

Можем ли мы сейчас упрекнуть русских, пусть даже с малой примесью литовской крови, князей, которые предпочли остаться под властью католических сюзеренов (великого князя литовского и польского короля), но сохранить полнейшую свободу, свои владения, а главное, свои жизни? В отличие от ханской Московии, князья литовской Руси могли быть уверены в том, что их сыновья и внуки также будут князьями, а не кончат жизнь в монастырской тюрьме на Белом озере или на колу в Москве.

А через 100–150 лет князья и дворяне литовской Руси получают доступ к западному просвещению, к французским танцам и моде, и мало-помалу начнут полонизироваться или европеизироваться – пусть каждый говорит как хочет.

Но Андрей Курбский не знал и не мог знать, что будет через 150 лет. Он не бежал с Руси, он лишь перемещался по ней.

Король Сигизмунд-Август щедро одарил Курбского землями: в Литве он получил староство Кревское (позднее в составе Виленской губернии), на Волыни – город Ковель, местечки Вижну и Миляновичи с десятками сел. Сперва все эти поместья были пожалованы Курбскому в пожизненное владение, но впоследствии «за добрую, цнотливую [доблестную], верную, мужную службу» они были утверждены за Курбским на правах наследственной собственности. В Польше и Литве Андрея Курбского величали князем Ковельским. Сам же Андрей Михайлович называл себя князем Ярославским.

Говоря о жизни Курбского в Литве, я не буду останавливаться на его знаменитой переписке с Иваном Грозным, поскольку она выходит за рамки нашего повествования, а желающих отошлю к моей книге «Дипломатия и войны русский князей. От Рюрика до Ивана Грозного» (М.: «Вече», 2006).

Для нас гораздо важнее среда, в которую попал русский князь. Увы, там он не заметил «сформировавшихся белорусской и украинской народностей». Умники с Ленинских гор в середине XX в. все видели, а Курбский – нет. Он нашел для себя новое поприще – борьбу за чистоту православия в условиях религиозного плюрализма Великого княжества Литовского. В 70-е гг. XVI в. в его имении Миляновичи под Ковелем сформировался своего рода книжный центр, где создавались, переводились и переписывались разные сочинения, но в первую очередь – классика православной литературы. В него до 1575 г. входил шляхтич Амброджий, затем М. А. Оболенский, а после его смерти в 1577 г. – Станислав Войшевский.

По словам самого Курбского, идея создания такого кружка возникла у него в беседах с духовным учителем старцем Артемием, бежавшим из России из-за угрозы репрессий по обвинению в ереси.

Курбского окружали русские люди, хотя они и числились литовскими шляхтичами, и воевали под знаменами польского короля.

Учился ли Курбский белорусскому и украинскому языкам? Да он попросту и не знал о таковых.

Итак, русское дворянство в Литве оставалось верно русскому языку и православной вере. Зато нравы польской шляхты русское дворянство, как католики, так и православные, воспринимали в полном объеме. У ляхов были законы, но их шляхта жила по понятиям, и главным арбитром в спорах была сабля.

Князь Курбский как владелец Ковеля был буквально принужден вести малые войны с соседями-шляхтичами, как католиками, так и православными. Увы, я не преувеличиваю. Историки обнаружили в польских архивах документы о десятках «междусобойчиков» с участием Андрея Ярославского, как именовал себя Курбский в изгнании. Май 1566 г. – вооруженные столкновения с частной армией Александра Федоровича Чарторийского. В августе того же года – конфликт с владельцами местечек Донневичи и Михилевичи. Ноябрь 1567 г. – стычки с вооруженной челядью семейства сендомирского каштеляна Станислава Матеевского. В конце 1569 г. – боестолкновения с частной армией Матвея Рудомина, много убитых и раненых. В августе 1570 г. «малая война» (по выражению историка И. Ауэрбаха) с князем Андреем Вишневецким за передел границ имений. Вооруженные пограничные столкновения между дружинниками Курбского и частной армией Вишневецкого происходили в феврале 1572 г., в августе 1575 г.

Тут стоит заметить, что в те годы клан Вишневецких хотя и слыл оплотом православия, но действовал не хуже разбойников с большой дороги. Что им какой-то князь Курбский. Вот, к примеру, в конце XVI в. семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими.

Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий презрел равно как Краков, так и Москву, продолжая захват спорных земель. На Северщине из-за городков Прилуки и Сиетино началась полномасштабная война. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем государстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В конце концов, в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление и понесли большие потери.

В 1566 г. из Москвы в Литву уехал знаменитый «первопечатник» Иван Федоров. Он приезжает в Западную Белоруссию и на Западную Украину и начинает печатать русским шрифтом те же книги, что и печатал в Москве. Тот же русский шрифт, тот же русский язык – не знал бедный Федоров, что в Заблудове и Львове уже кончался второй этап белоруссизации и украинизации.

Между прочим, русский шрифт, которым Иван Федоров начал печатать книги в Москве, не был его изобретением. В 1491 г. немецкий студент Рудольф Борсдорф изготовил по заказу краковского печатника Швайпольта Филя «русский шрифт». В том же 1491 г. и вышли две первые печатные книги на русском языке – «Осмогласник» и «Часослов». Они распространялись как в Великом княжестве Литовском, так и в Великом княжестве Московском.

Встречались ли в Литве Курбский и Федоров? Документальных свидетельств об этом не сохранилось. Однако с учетом их длительной литературной и просветительной деятельности они попросту не могли не встречаться. Я уж не говорю, что интеллигентная прослойка в русской Литве была очень тонка. Кстати, тот же Немировский утверждает, что «Курбский и Иван Федоров знали друг друга еще в Москве... Не исключено, что именно Курбский рекомендовал князю Острожскому пригласить к себе Ивана Федорова. Он принимал определенное участие и в подготовке к печати Острожской Библии»⁹³.

В 1574 г. в Львове Иван Федоров печатает «Азбуку». Чью азбуку? Понятно, что русскую! Заметим, что якобы украинское слово «друкарня» тогда равно использовалось в Москве, Минске и Львове. А чуждым русскому языку словом «типография» мы обязаны Петру I и любимым им немцам.

В 1561 г. монах Исаия из города Каменец Польский отправился в Москву за оригиналами книг на русском языке, чтобы печатать их «слово в слово»: «...в нашем государстве христианском русском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому, да и русскому московскому»⁹⁴.

Не я, а монах Исаия, князья, шляхтичи и попы XVI в. твердят нам одно и то же: в Великом княжестве Литовском и в Великом княжестве Московском был один народ – русский.

Другой вопрос, что в Львове и на Волыни в русский язык в конце XVI в. начинают проникать полонизмы, и князь Андрей Курбский решительно выступил против использования «польской барбарии».

Еще в конце XIV – начале XV вв. в русском языке Великого княжества Литовского появляются термины «паны», «рада» и т. д. Причем панами называли и литовцев-католиков, и православных князей и дворян.

Точно так же язык москвичей обогащался десятками татарских слов. Замечу, что в XV в. речь москвичей гораздо больше отличалась от языка новгородцев, чем, скажем, от языка жителей Смоленска – подданных Великого княжества Литовского.

Увеличение различий в языке Великого княжества Литовского и Московской Руси в XIV–XVII вв. – вещь вполне естественная и никак не связанная с формированием двух

⁹³ Немировский Е. Л. Иван Федоров. М.: Наука, 1985. С. 160.

⁹⁴ Немировский Е. Л. Иван Федоров. М.: Наука, 1985. С. 124.

или трех наций. Возьмем, к примеру, Южную и Северную Корею. Там что, два народа, две нации? А между тем в 2002 г. был издан словарь для перевода с северокорейского на южнокорейский языки, насчитывающий 50 тысяч значений, имеющих различные наименования на севере и на юге Кореи.

В 1619 г. известный писатель и публицист Литовской Руси Мелетий Смотрицкий (1578–1633) издал русскую грамматику, по которой учились все образованные люди России, включая М. В. Ломоносова. (А может, Ломоносов изучал белорусский или украинский языки?)

Однако русских школ в Речи Посполитой было очень мало. Фаддей Булгарин писал в своих «Воспоминаниях»: «При бедности государственной, короли были рады, что богатое духовенство, владея огромными поместьями, приняло на себя воспитание юношества; но когда с восшествием на престол Сигизмунда III иезуиты овладели почти исключительно воспитанием, прежний свет в Польше померк...

...Иезуиты систематически истребляли истинное просвещение, и помрачали даже здравый рассудок, на основании правила Омара, сжегшего Александрийскую библиотеку!.. Основанием иезуитского воспитания был самый иступленный религиозный фанатизм, безусловная преданность папской власти, интолеранция (нетерпимость других исповедей) и пропаганда, т. е. распространение католицизма. Иезуиты и их достойные воспитанники ненавидели всех христиан не римско-католической веры и не признающих Папу главой церкви, и почитали их ниже мусульман, евреев и даже идолопоклонников...

...Почти вся Литва и лучшее Литовское шляхетство было православного греческого исповедания; но когда не только православных, но даже униатов отдалили от занятия всех важных мест в государстве и стали приманивать в католическую веру знатную православную шляхту – пожалованием старост, ленных и амфитеутических имений, и когда в присутственные места, в школы и в дворянские дела вообще ввели польский язык, все литовское шляхетство мало-помалу перешло к католицизму. При Сигизмунде III и наша фамилия перешла в католическую веру...»⁹⁵.

Через Польшу русское дворянство получало всю информацию из Европы, научную и художественную литературу, новинки моды и т. д. В итоге к середине XVII века все русское дворянство на территории Речи Посполитой полностью ополячилось.

В первой половине XVII в. приняли католичество не только предки Ф. Б. Булгарина, но и все знатные семейства – потомки Гедиминовичей и Рюриковичей. Возьмем, к примеру, знаменитый православный род Вишневецких. Константин Иванович Вишневецкий, присягая в 1569 г. Унии, просил короля от имени всех волынских магнатов «не принуждать их к другой вере». А вот его сын Константин Константинович по наущению иезуитов в 1595 г. перешел в католичество, а в 1605–1618 гг. был активным участником интервенции в Россию. Юрий Михайлович Вишневецкий, староста камецкий, каштелян киевский, перешел в католичество в 1600 г. Наконец, знаменитый носитель православия Иеремия (Михаил) Вишневецкий был соблазнен иезуитами в 19 лет и перешел в католичество в 1631 г.

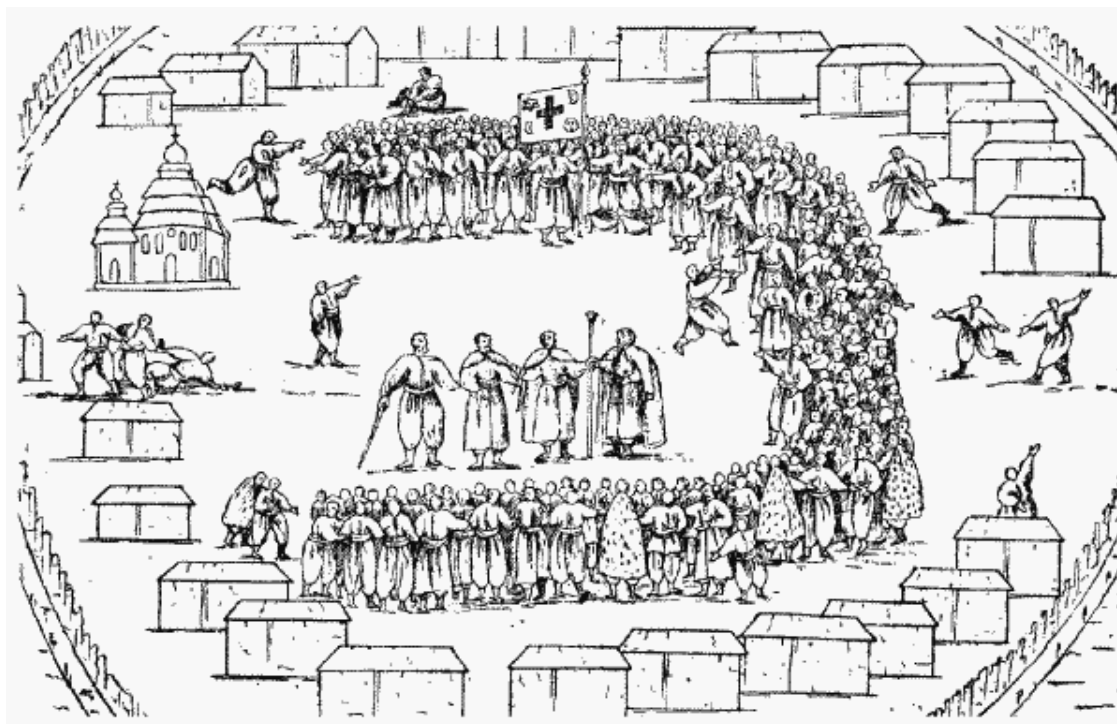
Уже к концу XVII в. русское дворянство полностью растворилось в польском. Потомки древних русских родов вообще не знали русского языка, а общались по-польски и по-французски. Наконец, частые браки с польскими дворянами также способствовали полному растворению русской аристократии среди поляков.

⁹⁵ Булгарин Ф. Б. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 38–39.

Глава 11

Запорожцы против басурман и ляхов

Как уже говорилось, первая Запорожская Сечь была основана Дмитрием Вишневецким на острове Малая Хортица. После ее разрушения казаки устроили небольшую Сечь на острове Томаковке. Остров имел и другие названия – Бучки, Буцкий и Городище. Последнее название говорит о том, что там было поселение еще в домонгольский период. Положение острова Томаковки в стратегическом отношении было весьма удобно: он располагался среди низменной плавни и со всех сторон охватывался реками и речками. Длина береговой линии острова немного более 6 км. Как писал Д. И. Яворницкий: «Следы пребывания запорожских Козаков на острове Томаковке сохранились и по настоящее время, в виде небольшого укрепления, расположенного у южной окраины его, формы правильного редута. Редут этот состоит собственно из трех траншей: восточной, 49 сажен длины; западной, 29 сажен длины; и северной, 95 сажен длины, со входом в последний на 45-й сажени, считая по направлению от востока к западу; вместо южной траншеи служит берег самого острова... Центр всего укрепления взволнован небольшими холмиками и изрыт ямами; последние – дело рук кладоискателей, которые ищут какого-то огромного клада, зарытого будто бы на острове Томаковка...

Казачья рада в Сечи. Рисунок XVIII века

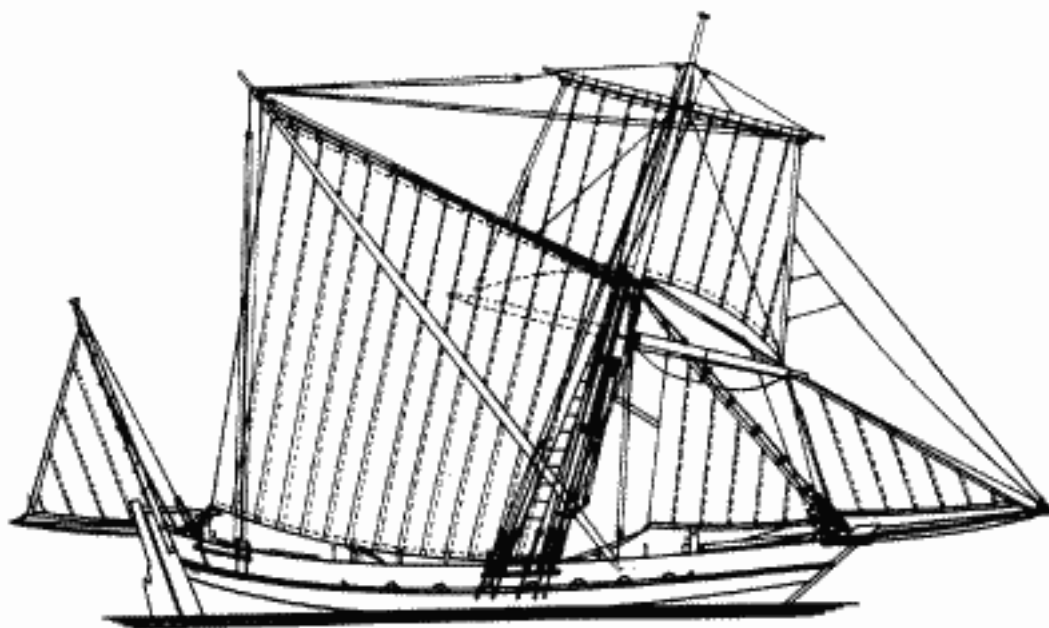
Еще не так давно, в 1872 году, один из любителей старины, протоиерей местечка Никополь, Иоанн Карелин, видел на острове Томаковке кладбище с надгробными песчаниковыми крестами, на которых сделаны были надписи, указывавшие на сокрытых под ними запорожцев. В настоящее время ни один из этих крестов не уцелел: все они разобраны крестьянами для фундаментов под дома и амбары»⁹⁶.

⁹⁶ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 124–125.

После гибели Вишневецкого запорожские казаки продолжали нападать на турок и татар. Тут надо заметить, что мы говорим сейчас только о запорожцах, но их нападения на татар были по масштабам на порядок или два меньше, чем нападения татар на Московское государство и Речь Посполитую. Так что по большому счету это была лишь самооборона.

В 1574 г. флотилия запорожских чаек с кошевым атаманом Фокой Полатило прошла Черным морем до Днестровского залива, где казаки сожгли город Аккерман. Одновременно донские казаки напали на Азов. Не сумев взять крепость, они основательно пограбили окрестности и захватили несколько турецких судов. Судя по всему, поход донцов был согласован с запорожцами.

В том же году в плен к туркам попал казацкий атаман Самойло Кошка. Он на нескольких чайках пиратствовал в Черном море, не подчиняясь казачьим властям. Турки отправили Кошку на галеры, где он пробыл целых 25 лет.

Соколева – турецкое купеческое судно, часто становилась добычей запорожцев

В 1575 г. запорожцы со своим гетманом Богданом Ружинским совершили большой морской поход в Крым. Они разорили Гезлев (Козлов, Евпатория) и Кафу (Феодосия).

Сам Ружинский, как и Вишневецкий, был не казаком, а потомком великого князя литовского Гедемина. Прозвище (фамилию) Богдан Ружинский получил по городку Ружину Владимирского повета.

Возможно, Ружинский и числился на королевской службе, но получал жалованье от Москвы. Еще до вторжения Ружинского в Крым московский посол дьяк Матвей Иванович Ржевский доносил Ивану Грозному: «Приехал к царю крымскому с Днепра козак с вестями: на Днепр прислал московский государь к голове, к князю Богдану Рожинскому, и ко всем козакам днепровским с великим своим жалованьем и приказал к ним: если вам надобно в прибавку козаков, то я к вам пришлю их, сколько вам надобно, и селитру пришлю, и запас всякий, и вы должны идти весной непременно на крымские улусы и к Козлову. Голова и козаки взяли к государю крепко служить и очень обрадовались государственной милости»⁹⁷.

⁹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 4. С. 28.

Яворницкий писал: «Богданко [Ружинский] воспользовался случаем, когда татары, в октябре месяце 1575 года, по повелению султана Амурата, мстившего Польше за помощь Сверчовского Ивоне, бросились, в числе 11 000 человек, „на Русь“, произвели в ней страшные пожары, захватили множество христиан в плен и погнали их на переправу к Днестру. С отборной дружиной неустрашимых козаков Богданко ворвался в татарские владенья за Перекоп, опустошил страну огнем и мечом, освободил много христианских пленников из неволи, а пойманных туземцев предал лютейшей казни: козаки Богданка мужчинам выкалывали глаза, женщинам резали груди, детей безжалостно убивали»⁹⁸.

Обычно после набега на Крым казаки возвращались домой на Днепр и Дон, но тут Ружинский рискнул пересечь Черное море и захватить порт Трапезунд, а потом Синоп. При чем Синоп был разрушен до основания. Дальше казаки отправились к Босфору и основательно пограбили окрестности Стамбула. На обратном пути Ружинский осадил турецкую крепость Ислам-Кермен. Казаки устроили подкоп под стены крепости, но с количеством бочек пороха они явно переусердствовали. Взрыв оказался сильнее, чем рассчитывали, стены и башня рухнули, но при этом погибло несколько казаков, включая Ружинского.

Через несколько лет после Ружинского в море на чайках вышел атаман Демьян Скалозуб с пятью тысячами казаков. Казаки сумели скрытно пройти мимо Ислам-Кермена и Очакова. Затем флотилия разделилась – часть казаков во главе с войсковым писарем Богуславцем напала на Кафу, а другая, возглавляемая Скалозубом, ушла к Керчи. В Керченском проливе казацкие чайки столкнулись с турецкими галерами и были разбиты, Скалозуб попал в плен и был уморен голодом в Стамбуле. Богуславец также оказался в плену, но, по некоторым данным, жена турецкого паши Семира освободила писаря и бежала вместе с ним на Украину. Вернувшись домой, Богуславец крестил свою спасительницу и женился на ней.

Летом 1588 г. флотилия чаек с 1500 казаками ограбила побережье Крыма между Гезлевым и Перекопом. В том месте из-за мелководья чайки были практически недосыгаемы для османских кораблей.

Следующим летом атаман Захар Кулага с 800 запорожцами вновь появился в Гезлеве. В море им удалось захватить большой турецкий корабль. Используя этот корабль, казаки захватили Гезлев. В самый разгар грабежа на них напал отряд татар во главе с Фети Гиреем. Во время боя 30 казаков попали в плен, сам Кулага был убит, остальным же удалось уйти на чайках в море. Однако казаки, разгоряченные грабежом и раздосадованные неудачным боем, и не думали возвращаться домой. Часть их ушла грабить Белгород, а остальные отправились вокруг Крыма к Азову, где им улыбнулась удача – казаки захватили бухарский караван и взяли в плен 300 человек.

Несколько слов стоит сказать и о казацких судах – чайках. Французский инженер Боплан, побывавший у запорожцев, так описал их: «Лодка строится за две недели. Основой служит ивовый или липовый челн длиной в 45 футов (13,7 м), на него набивают из досок борты так, что получается лодка в 60 футов (18,3 м) длины, 10–12 футов (3–3,7 м) ширины и такой же глубины. Кругом челн окружается валиком из плотно и крепко привязанных пучков камыша. Затем устраивают два руля, сзади и спереди, ставят мачту для паруса и с каждой стороны по 10–12 весел. Палубы в лодке нет, и при волнении она вся наполняется водой, но упомянутый камышовый валик не дает ей тонуть. Таких лодок в течение двух-трех недель 5–6 тысяч казаков могут изготовить от 80 до 100.

В каждую лодку садится 50–70 человек. На бортах лодки укрепляются 4–6 небольших пушек. В каждой лодке квадрант (для определения направления пути). В бочках провиант – сухари, пшено, мука. Снарядившись таким образом, плывут по Днепру; впереди атаман с флагом на мачте. Лодки идут так тесно, что почти касаются одна другой.

⁹⁸ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 33.

На устье Днепра обыкновенно держат свои галеры турки, чтобы не пропустить казаков, но последние выбирают темную ночь во время новолуния и прокрадываются через камышовые заросли. Если турки заметят их, начинается переполох по всем землям, до самого Константинополя; султан рассылает гонцов по всем прибрежным местностям, предостерегая население, но это помогает мало, так как через 36–40 часов казаки оказываются уже в Анатолии (на малоазиатском побережье). Пристав к берегу, они оставляют около каждой лодки на страже двух казаков и двух помощников („джур“), а сами, вооружившись ружьями, нападают на города, завоевывают их, грабят, жгут, удаляясь от берега на целую милю, и с добычей возвращаются домой.

Если случится им встретить галеры или другие корабли, они поступают так. Чайки их поднимаются над водой только на 2,5 фута (0,75 м), поэтому они всегда скорее замечают корабль, чем тот их заметит. Увидя, они опускают мачту, заходят с запада и стоят так до полночи, стараясь только не упустить из виду корабля. В полночь гребут изо всей силы к кораблям, и половина их готовится к бою, чтобы, причалив к кораблю, броситься на абордаж.

Неприятель внезапно видит 80-100 лодок вокруг корабля, казаки вдруг наполняют его своими людьми и овладевают. Завладев, забирают деньги и удобоперевозимые вещи, также пушки и все, что не боится воды, а сами корабли вместе с людьми топят»⁹⁹.

Запорожские казаки ходили походами не только на Черное море, но и на Волгу и Каспий. К сожалению, об этих походах осталось крайне мало данных. Так, в 1580 г. хан большой ногайской орды Урус жаловался Ивану Грозному на нападения казаков на ногаев на Нижней Волге. Иван Грозный отвечал: «На Волге многие литовского короля литовские казаки живут, Федька Безстужев с товарищи. А приходят с Днепра. И приходят твоих людей громят. И литовский король с вами ссорити. И мы велели послати из Астрахани на Дон. И на Волгу тех воров сыскивати. А сыскав, велели их казнити»¹⁰⁰.

Понятно, что речь идет о запорожских казаках. Однако никаких других данных об атамане Федоре Бесстужеве автору найти не удалось.

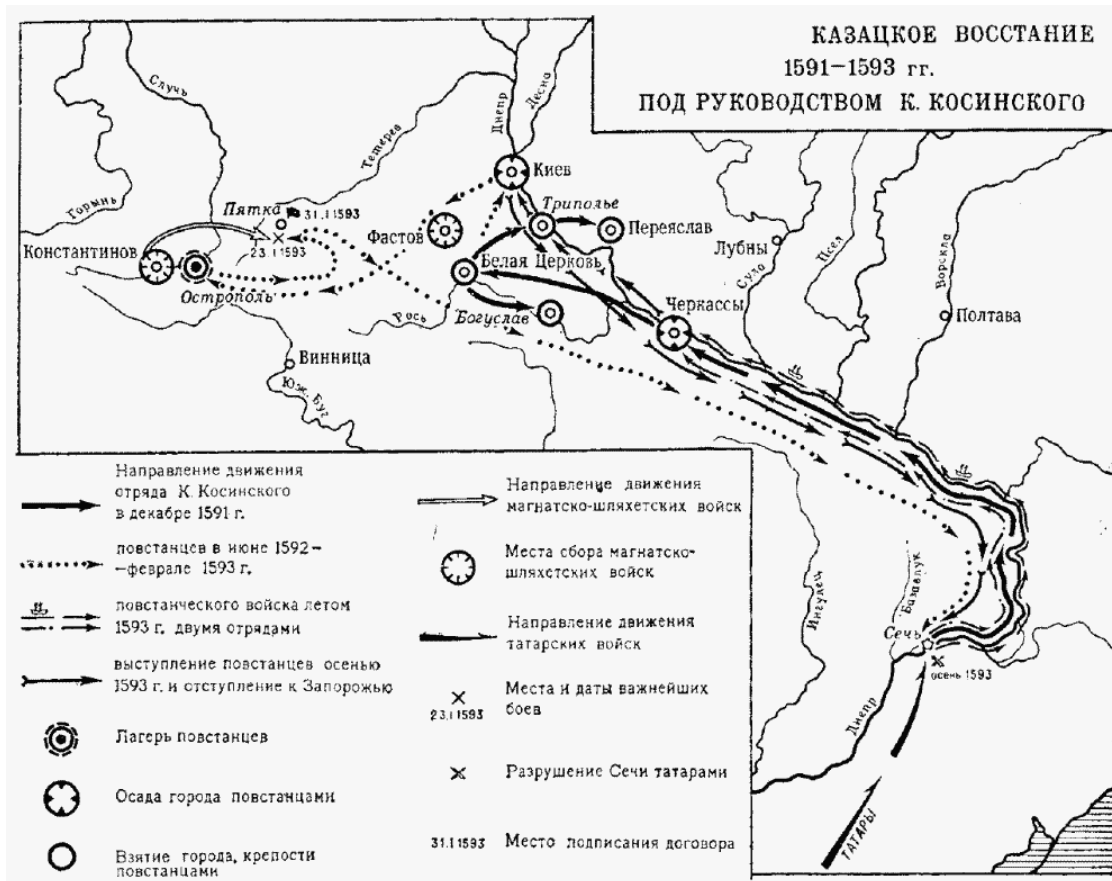
Действия запорожцев на Каспии трудно отделить от операций донских и волжских казаков. Так, например, в 1631 г. тысяча донских и запорожских казаков встретились в устье Волги с тысячей яицких казаков и отправились на Каспий «добывать зипуны».

После принятия Люблинской унии в 1569 г. малороссийские казаки оказались лишним сословием в Речи Посполитой, где доселе существовало лишь три сословия – шляхетское, мещанское и хлопское. Дворяне и слышать не хотели о принятии казаков в их сословие, а идти в хлопы или мещане не хотели сами казаки.

В 1578 г. король Стефан Баторий определил жалованье шести сотням казаков и разрешил им разместить в городе Трахтомирове свой госпиталь и арсенал. За это казаки согласились подчиняться назначенным королем офицерам-дворянам и воздерживаться от самовольных нападений на татар, сильно осложнявших ведение внешней политики Речи Посполитой. По заведенным правилам все шестьсот казаков были занесены в специальный список – реестр. И с тех пор эти зарегистрированные, «реестровые», казаки стали использоваться не только для охраны границ от татар, но и для контроля за «нереестровыми».

⁹⁹ Цит. по: Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 245–246.

¹⁰⁰ Кусаинова Е. Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII в. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005. С. 108.

Казацкое восстание 1591–1593 гг. под руководством К. Косинского

В 1589 г. количество реестровых казаков достигло уже трех тысяч. В основном это были оседлые, семейные, хорошо устроенные казаки, часто обладавшие значительной собственностью. К примеру, завещание некоего Тишки Воловича включало дом в Чигирине, два имения с рыбными прудами, леса и пастбища, 120 ульев и 3 тысячи золотых слитков (из них тысяча в закладе под большие проценты). Нереестровые городовые казаки были существенно беднее реестровых.

В 1593 г. начинается первое большое казацкое восстание против польских панов. Обратить внимание на повод к восстанию, он будет повторяться и потом.

В конце 80-х гг. XVI в. польский сейм за успешные действия против турок и татар наградил казацкого гетмана Криштофа Косинского поместьем на реке Рось. По происхождению Косинский был шляхтичем из Полесья, исповедовал православие. Он действительно отличился во многих сражениях и был хорошо известен в Варшаве и Москве.

Однако имение на реке Рось приглянулось белоцерковскому старосте Янушу Острожскому. Как истинному шляхтичу пану Янушу было плевать на какой-то там сейм. Он взял да и захватил силой имение Косинского. Но тут «нашла коса на камень». 19 декабря 1591 г. отряд реестровых и низовых (запорожских) казаков под руководством Косинского напал на Белоцерковский замок. Замок был взят. Повстанцы захватили несколько пушек и мортир.

Вслед за Белой Церковью Косинский овладел Трипольем и Переяславом. Он осадил Киев, но взять его не смог¹⁰¹.

Весной 1592 г. восставшие казаки отправились на Волынь и в Подолию и расположились в имении князя Константина Острожского Острополе. Стоя в Острополе, Косинский

¹⁰¹ Д. И. Яворницкий (История запорожских казаков. Т. 2. С. 70) ошибочно считает, что Киев был взят Косинским.

взял еще несколько городов, принадлежавших князю Острожскому, и опустошил их. Главной задачей Косинского было насаждение везде «казацкого присуда» вместо панского, то есть распространение казацкого суда на шляхту, мещан и селян.

Косинский все лето простоял безбоязненно в Острополе, а в августе против него выступил князь Константин Острожский, но был разбит казаками и потерял свою частную армию. После этого Косинский спокойно простоял в Острополе и всю осень 1592 г.

Поляки несколько раз собирали сеймы, чтобы принять меры против Косинского. Лишь на сентябрьском сейме 1592 г. паны решили отправить против казаков коронное войско. Кроме того, Константин Острожский набрал новую частную армию и пополнил ее наемной венгерской пехотой.

К началу 1593 г. все польские войска сумели соединиться. Косинский же покинул Острополь и пошел к местечку Пятке вблизи города Чуднова на Житомирщине. Казаки перед Пяткой устроили табор из повозок и заняли в нем оборону. Дойдя до казачьего табора, поляки долго не решались напасть на него и думали об отступлении. С большим трудом Янушу Острожскому удалось заставить их пойти в атаку. Тем не менее 21 января 1593 г. поляки овладели табором, а казаки отступили к городу. По польским источникам казаки потеряли до 3 тысяч человек и 26 пушек.

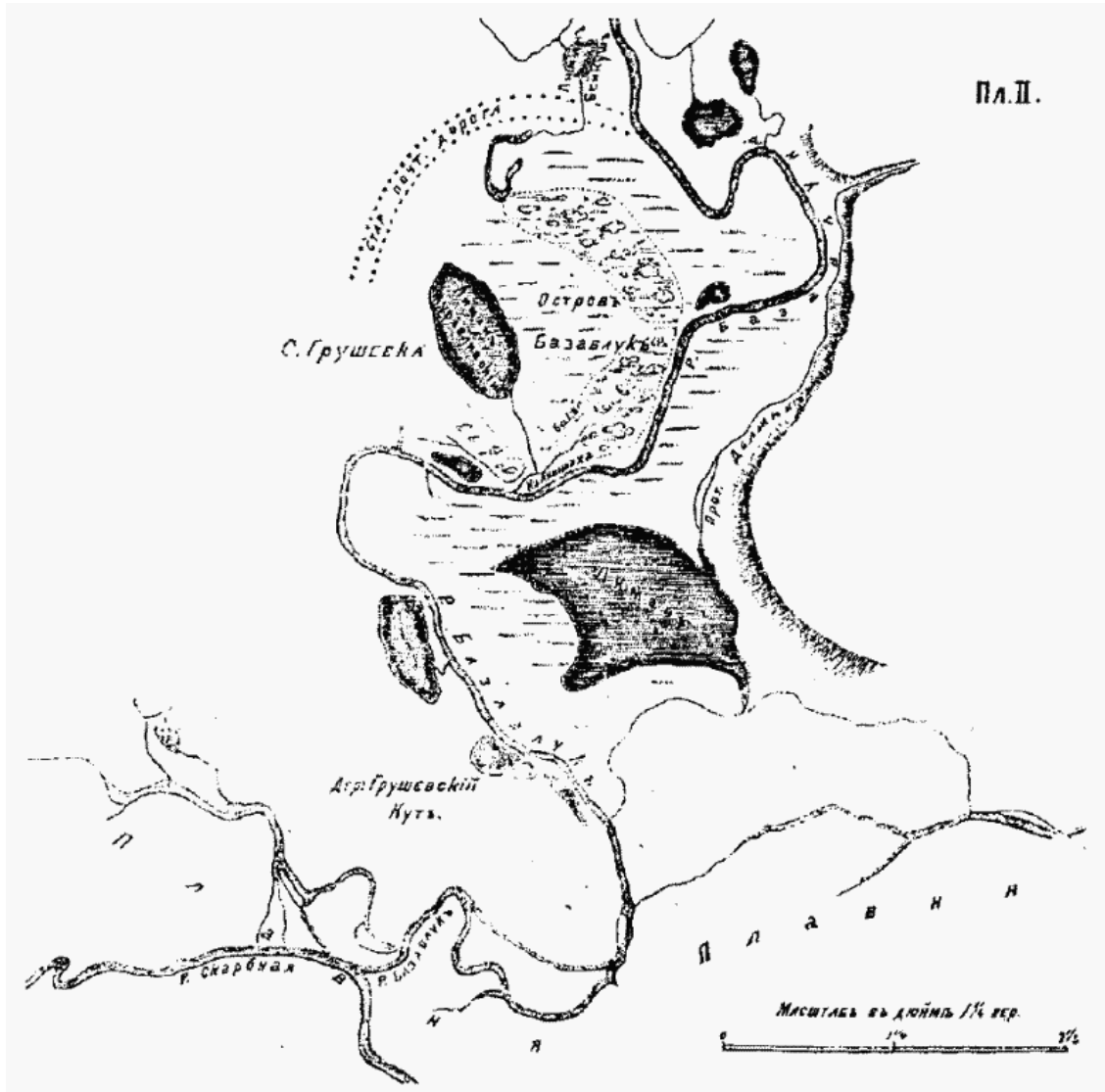
31 января 1593 г. казаки капитулировали в Пятке. В этот день Острожский от имени панского войска и гетман Косинский с войсковым писарем от имени реестра подписали соглашение. Реестровые казаки должны были немедленно лишить Косинского гетманской булавы, держать на Запорожье постоянный гарнизон, вернуть в замки все захваченное там оружие. Наконец, и этот пункт паны считали главным, реестровцы обязывались не проживать и не причинять никакого ущерба («кривд жадных») «в державах княжат (Острожских)... и маетностях приятель их... княжати Александра Вишневецкого... и державах слуг их милости», то есть в магнатских и шляхетских владениях. Кроме того, реестровые казаки обещали исключить из войска всех, кто вступил в него во время восстания.

Однако Косинский не считал игру законченной. Он отправил верного казака в город Черкассы, где стал набирать новое войско. Мало того, Косинский вступил в сношения с Москвой на предмет похода на турок. Царь Федор Иоаннович послал грамоты путивльским ратникам и донским казакам идти на соединение с гетманом «Христофом Косицким».

Черкасский староста Александр Вишневецкий доносил в Варшаву, что царь послал запорожцам сукна и деньги.

Ну, донос – доносом, а сам Вишневецкий приказал своим шляхтичам и слугам убить Косинского. Они явились на вечеринку, затеянную казаками в корчме в Черкассах. Убийцы затеяли ссору и внезапно схватились за сабли. Косинский и несколько казаков были убиты.

Понятно, что со смертью Косинского борьба казаков против ляхов не прекратилась. Осенью 1593 г. запорожцы вновь подступили под Киев, но из-за большого набега татар были вынуждены уйти вниз по Днепру для защиты Нижнего Днепра. Кроме того, у казаков не было вождя, но таковой вскоре появился.

Базавлукская Сечь (По А. Апостолу)

Жила-была в городе Остроге семья мещанина Наливайко. У него было два сына. Старший Дамиан (Демьян) состоял придворным попом у князя Константина Острожского. А младший Северин служил пушкарем в частной армии у того же Константина Острожского и отличился в войне Острожского против казаков Косинского. Все бы было хорошо. Отличил бы его пару раз Острожский, и стал бы Северин польским шляхтичем, и воевало бы его потомство 400 лет с Россией, а сейчас служило бы в войсках НАТО. Но судьба-индейка распорядилась иначе. У старика Наливайко был небольшой участок земли в Гусятине. Он приглянулся богатому шляхтичу Калиновскому. Пан, не долго думая, захватил надел, а старика велел избить палками так, что тот на следующий день отдал Богу душу.

Узнав о гибели отца, Дамиан нашел утешение в монашестве, а Северин взялся за саблю. Для начала «Наливайко составил около себя вольницу людей из разного народа, иногда беглецов и преступников, и с ними действовал против турок и татар»¹⁰². Ему удалось разбить несколько татарских отрядов, шедших через Малороссию в поход на Венгрию, и захватить богатую добычу, в том числе от 3 до 4 тысяч лошадей. (Татары вели в поход множество

¹⁰² Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 96.

запасных коней.) Думаю, что попутно Северин пограбил и панов. Далее он делает очень грамотный ход – отправляет часть добычи в Сечь к запорожцам.

Тут я сделаю маленькое отступление. В 1593 г. татары разрушили Сечь на острове Томаковке, но казаки построили новую Сечь на острове Базавлук, недалеко от речки Чортотмыка. В конце XIX в. историки не могли установить точно, какой из нескольких островов звался Базавлук и где с 1593 г. по 1637 г. находилась третья Сечь.

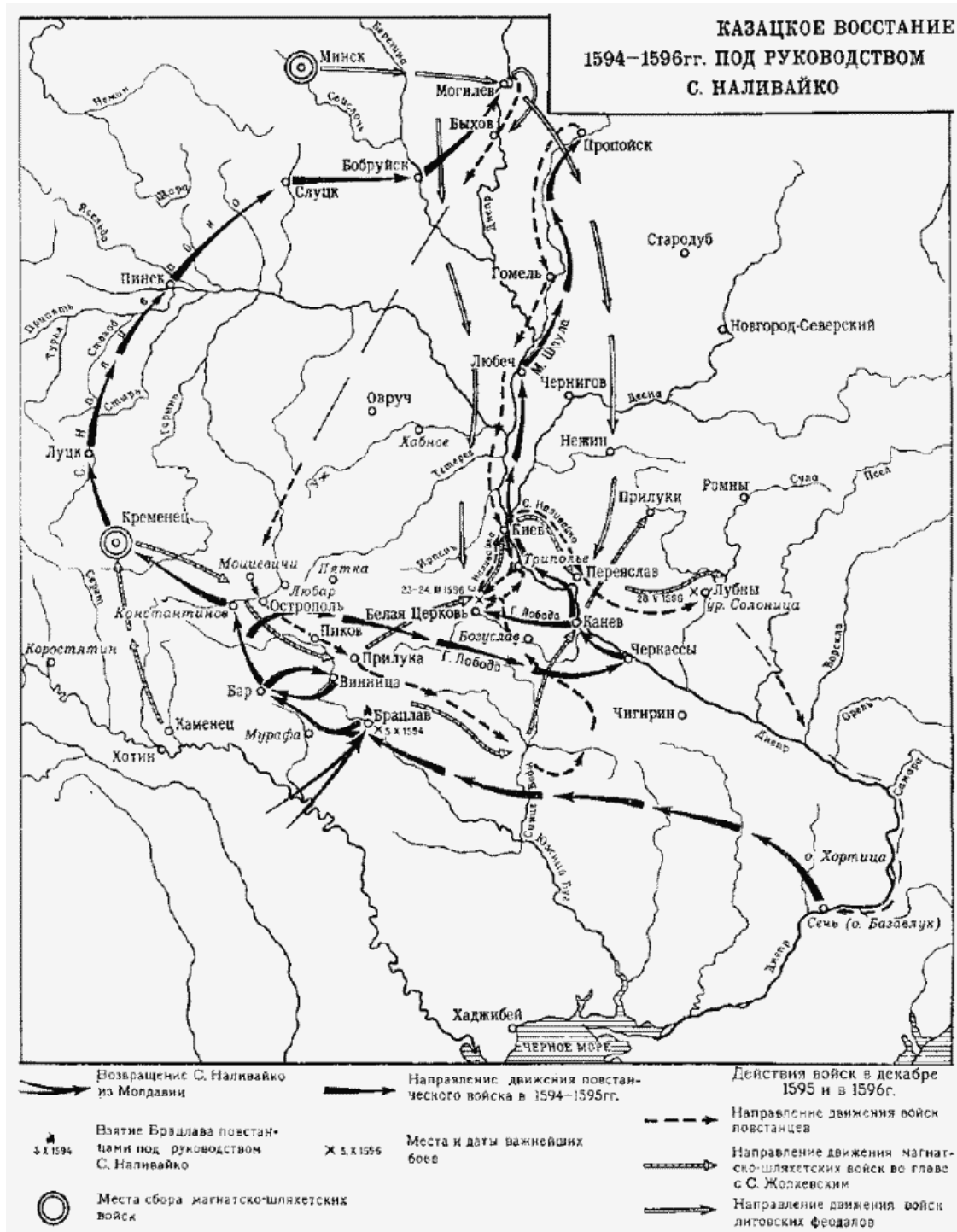
Но вернемся к посланцам Наливайки, которые прибыли в Сечь 1 июля 1594 г. Откуда такая точность? Как мы узнаем из знаменитого письма турецкому султану, календаря запорожцы не жаловали. Да просто тогда в Сечи находился посол германского императора Рудольфа II Эрих Ласота. Прибыв в Сечь, посланцы Наливайко прежде всего испросили прощение у запорожских казаков от имени Наливайко за то, что он воевал против Косинского. А главное, Северин пообещал из собственных трофеев подарить казакам 1500 лошадей. Запорожцы не могли устоять перед таким подарком и резонно учли, что Наливайко состоял на службе Острожского задолго до начала войны с казаками и по феодальному праву не мог бросить своего воеводу в беде. В итоге запорожцы признали Наливайку казаком и заключили с ним союз.

Сам Наливайко стал вести себя как настоящий польский шляхтич. Он силой занял замок в Брацлаве и выгнал оттуда старосту Юрия Струся. Мало того, Наливайко обложил налогом окрестную шляхту. Но, обратим внимание, король еще не считал его мятежником и не посылал на него коронное войско.

«Наливайко с козаками стал делать наезды на шляхту и во время этих наездов жестоко отмстил пану Калиновскому, обидчику своего отца. Наливайко чувствовал неугасимую ненависть к Калиновскому и, объясняясь по этому поводу впоследствии с королем Сигизмундом III, высказал, что то была самая тяжкая из обид и самая непоправимая для него из всех потерь: „Ведь отец-то у меня был один!“ Король требовал от Наливайко, чтобы он распустил свою ватагу и не делал обид населению, но Наливайко не обращал внимания на это приказание и все больше и больше стягивал к себе охотников до всякого рода приключений и войны.

Собрав около себя значительный отряд, Наливайко наконец оставил Брацлав и со своим отрядом направился в Килию. Он напал на город Тягин; город взял и сжег его, но крепости взять не мог и покинул ее. Отступив от Тягина, он распустил своих козаков загонами по нижнему Бугу и Пруту; тут он сжег более 500 турецких и татарских селений, захватил до 4000 обоего пола турецкого и татарского ясыря и с богатой добычей повернул назад. Но на обратном пути он наткнулся, при переправе через реку Днестр, на семитысячный отряд войска с молдавским господарем Аароном во главе и в схватке с ним потерял большую часть своей добычи и нескольких козаков, за что свято поклялся отомстить коварному господарю. И точно, возвратясь в Брацлавщину, Наливайко вошел в сношения с Лободой и запорожцами и в сентябре месяце 1594 года предпринял второй поход против турок в Молдавию. У союзников было 12 000 человек козаков и 40 хоругвей с двумя цесарскими серебряными орлами на двух из хоругвей. Предводителем войска был Лобода, помощником его – Наливайко. Козаки переправились через Днестр под Сорокой и направились в северную Молдавию. Прежде всего они сожгли крепость Цоцору; потом у Сучавы разбили господара Аарона и заставили его бежать в Волощину, а сами переправились через Прут, напали на господарскую столицу Яссы, сожгли и ограбили ее, разорили несколько окрестных селений и потом благополучно вернулись назад»¹⁰³.

¹⁰³ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 98–99.

Казацкое восстание 1594–1596 годов под руководством С. Наливайко

Возвратившись из второго молдавского похода, Наливайко вновь расположился в Брацлаве. Местная шляхта обиделась и попыталась выбить Северина из Брацлава, но 5 октября 1594 г. была наголову разбита. Шляхта принесла жалобу Сигизмунду III, и король универсалом от 1 ноября 1594 г. приказал потерпевшим наказывать как мещан города, так и самого Наливайко. Но приказание это осталось без последствий, как и другие его, более ранние указы относительно казаков. Для наказания Наливайко нужно было коронное войско, а его король не дал.

Царские, а особенно советские историки замалчивали тот факт, что польские короли периодически закрывали глаза на разбои казаков и нападения на шляхту, чтобы не допустить ее чрезмерного усиления.

В середине ноября 1594 г. Наливайко двинулся к городу Бару. Туда же подошли запорожцы во главе с атаманом Григорием Лободой. Всего у обоих атаманов имелось до 12 тысяч казаков. Наливайко и Лобода распустили слухи о предстоящем походе в Валахию. Однако их воинство спокойно и безбедно дождалось в Баре до января 1595 г., а затем разошлось частью в Винницу, а частью – в Брацлав.

Весной 1595 г. началась большая польско-турецкая война, и паны попытались привлечь Григория Лободу на свою сторону, при этом они игнорировали Северина Наливайко. Лобода принял предложения поляков и 21 февраля выступил со своим отрядом к границам Молдавии, но затем остановился и начал опустошать земли польской короны. Тогда польский воевода Ян Замойский приказал казакам уйти от границ Молдавии, а в противном случае грозил поступить с ними «как с неприятелем». Лобода не стал спорить и вернулся в Овруч.

Что же касается Наливайки, то он расположился в имении князя Константина Острожского Острополе. В тот момент сам князь Острожский находился в другом своем имении Турове на Полесье и поэтому о приходе Наливайко в Острополь узнал через гонца в начале марта 1595 г. и известил об этом своего зятя Криштофа Радзивилла: «Как Лобода, желая приязни со мной, вел себя спокойно относительно меня и моих подданных, так этот лотр [бандит. – А. III.] Наливайко, оставши от других, в числе 1000 человек, гостит теперь в местности моей Острополе, и кажется, что придется мне торговаться с ним. Другого Косинского посылает на меня Господь Бог»¹⁰⁴.

Письмо это князь Острожский написал в конце марта 1595 г., а в середине августа того же года Наливайко уже оставил Острополь и со своим отрядом отправился через Семиградское княжество в Венгрию на помощь командующему имперской армией германскому эрцгерцогу Максимилиану в борьбе против турок. В Венгрии Наливайко оставался до поздней осени, а затем с большой добычей вернулся в Малороссию.

Германские авторы утверждают, что в Венгрии казаки Наливайки не столько воевали, сколько грабили и были выдворены оттуда имперскими войсками.

Собрав около двух тысяч казаков, Наливайко разгромил волынский город Луцк. При этом хитрый атаман накатал письмо Сигизмунду III, в котором утверждал, будто он зашел в Луцк с единственной целью сделать в нем военные запасы и потом предложить свои услуги коронному гетману, но встретил со стороны гетмана и польских панов ничем не объяснимую вражду: «Паны били и мучили хлопят, парубков и нескольких товарищей наших или на приставах или на пути к своим родителям»¹⁰⁵.

Из Луцка Северин направился на Белую Русь и 6 ноября 1595 г. взял Слуцк. Из крепостных запасов он забрал себе 12 пушек, 80 гаковниц и 700 рушниц¹⁰⁶.

30 ноября 1595 г. Наливайко штурмом взял город Могилев «и шляхетские маестности, он не мало причинил шкоды шляхте, мещанам и богатым панам: „Место славное побожное (т. е. на реке Буге или Боге) Могилев, дома, крамы, острог выжег; всех домов до 500, а крамов с великими скарбами до 400; мещан, бояр, людей учтивых, мужей, жен. Детей малых побил, порубил, попоганил; с лавок и с домов неисчислимое число скарбов побрал“»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 102.

¹⁰⁵ Там же. С. 103.

¹⁰⁶ Взятые в Слуцке гаковицы, естественно, не имели ничего общего с габуицами второй половины XIX – начала XXI в. Это были небольшие короткоствольные огнестрельные орудия, потомки тюфяков XIV–XV вв. Видимо, они имели зарядную камору. Стрельба производилась только настильно. Основной боезапас – каменные ядра. Рушницы – это нечто типа тяжелых мушкетов или затынных пищалей.

¹⁰⁷ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 104.

Пока казаки «гуляли», к Могилеву подошел литовский гетман Криштов Радзивилл «с 14 000 литовских и 4000 татарских войск»¹⁰⁸. Терминология как советских, так и дореволюционных историков требует пояснений. «Литовские войска» – это русские православные ратники, уроженцы Белой Руси, состоявшие на службе литовского гетмана, а «татарское войско» – это не крымцы, а литовские татары.

Поначалу Наливайко хотел сесть в осаду в замке Могилева, но жители города, которых казаки уже допекли дальше некуда, сами подожгли замок, и Наливайке пришлось отойти на ближайшие к городу высоты – Илинскую гору. Тут казаки построили укрепления и установили многочисленные артиллерийские орудия. Тем не менее после упорного боя казаки отошли к Рогачеву, а затем – к Речице.

Из Речицы Наливайко вновь написал письмо Сигизмунду III. «В этом письме он предлагал свои услуги королю смирить всех непокорных ему людей, но для этого просил короля отвести козакам для поселения пустыни между Бугом и Днестром, на татарском и турецком шляху, между Тягиною и Очаковым, на пространстве 20 миль от Брацлава, где от сотворения мира никто не обитал; позволить самому Наливайке построить особый город с замком, сделать этот город центром всего козачества, выдавать козакам „стаций“, поставить над ними гетмана, а в Сичи держать лишь помощника гетману. После всего этого Наливайко обещал королю держать в полной покорности всех „стационарных“ козаков; новых лиц, приходящих к ним, или вовсе не принимать, или же возвращать назад, обрезав им предварительно носы и уши»¹⁰⁹.

Так и не дождавшись ответа от короля, Наливайко, оставив Речицу, прошел через Туров и Городню и в конце января 1596 г. прибыл на Волынь и расположился в имениях князя Константина Острожского. На этот раз Наливайко не встретил даже слабого сопротивления со стороны князя. Дело в том, что Константин Острожский был ярким противником вводимой как раз тогда унии и был готов ради православной веры выступить против короля и взять в союзники хоть турецкого султана. Не стоит забывать и о том, что у Константина Острожского по-прежнему рядом был брат Северина священник Дамиан Наливайко.

Северин быстро оценил ситуацию и 14 февраля 1596 г. напал на владения Яроша Терлецкого, брата епископа Кирилла Терлецкого – одного из столпов унии. Сам епископ в тот момент гостил у римского папы. Были разгромлены имения Яроша и его жены.

Затем Наливайко напал на Пинск, куда епископ Кирилл Терлецкий перед своим отъездом в Рим отправил на хранение свои документы и церковные драгоценности. Заодно было разгромлено и имение луцкого старосты Александра Семашко, ярого сторонника унии. Любопытно, что в разгроме имения Семашко участвовал и какой-то русский князь Петр Вороницкий.

Но мы забыли о запорожцах атамана Григория Лободы. Тот, постояв несколько недель в Овруче, в январе 1596 г. спустился по Днепру в Сечь. Но, услышав об успехах Наливайко, он не выдержал, собрал войско и отправился на судах вверх по Днепру, грабя окрестные местечки. В отличие от Наливайко, Лобода не поднимал знамени религиозной войны, а откровенно обещал казакам большую добычу.

В конце января 1596 г. Сигизмунд III решил, наконец, нарушить свой нейтралитет и отправить против Наливайко и Лободы коронное войско во главе с гетманом Станиславом Жолкевским.

У казаков была прекрасно налажена разведка, и, узнав о движении коронного войска, Наливайко перешел с Волыни в Брацлавщину, в Лабунь, поближе к границе между Речью Посполитой и Турцией. Жолкевский хотел внезапно напасть на казаков. Но тут на сторону

¹⁰⁸ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2.

¹⁰⁹ Там же.

Наливайко перебежал пан Плоцкий вместе со своей ротой, состоявшей из этнических поляков. Мотив – несвоевременная выплата жалованья.

Предупрежденный Плоцким Наливайко оставил Лабунь и решил вернуться в Острополь. Во время отступления казаков произошел колоритный эпизод. Около пятисот казаков под командой сотников Дурного и Татаринца устроили большую попойку у марцирицкого арендатора. Там их застал авангард Жолкевского. Казаки были столь пьяны, что не могли сесть на коней и ускакать, но взялись за пищали и начали отстреливаться из дворов и хат села Мацирица. Поляки были отброшены, но затем они сумели поджечь село. Окруженные казаки погибли в пламени, отстреливаясь, но никто не вышел сдаваться.

Жолкевский энергично преследовал Наливайко. У него было свыше 3 тысяч человек против 1,3 тысячи у казаков. Наливайко выполнил ряд маневров, а затем ушел в Дикое поле. Жолкевский дошел до Синих Вод и остановился. Ему не улыбалось гоняться за казаками по степи, да и жолнеры потребовали выдачи жалованья.

В марте 1596 г. Наливайко со своими силами двинулся к Киеву, где соединился с запорожскими казаками, которые выбрали себе нового атамана Матвея Саулу вместо Григория Лободы.

23-24 марта 1596 г. у урочища Острый камень недалеко от города Белая Церковь произошло упорное двухдневное сражение. Казаки устроили табор, поставив в 5 рядов повозки, скованные за колеса железными цепями. В таборе они поставили 24 пушки. Обе стороны понесли тяжелые потери. Матвею Сауле оторвало ядром руку, и командование над запорожцами вновь принял Лобода.

Жолкевский сообщил в Варшаву о полном разгроме казаков и... вернулся с войском в Белую Церковь. Казацкое же войско двинулось к Триполью, переправилось с правого на левый берег Днепра, дошло до города Переяслава и остановилось возле него.

Между тем на помощь Жолкевскому пришел гетман Потоцкий, оставив ради этого Молдавию.

В мае 1596 г. Жолкевский, получив подкрепление, осадил лагерь повстанцев в урочище Солоница, недалеко от Лубен. Казаки с трех сторон укрепили лагерь возами, поставленными в четыре-пять рядов, обнесли его рвом и высоким валом. С четвертой стороны к лагерю прилегало непроходимое болото. В нескольких местах лагеря были построены срубы, заполненные землей, на них казаки поставили около 30 пушек.

Запорожцы, остававшиеся в Сечи, дождавшись освобождения Днепра ото льда, отправились на лодках вверх по Днепру на выручку Лободы. Ими командовал православный шляхтич Каспар Подвысоцкий. Но Жолкевский устроил засаду – на высоком берегу Днепра было поставлено множество пушек. Запорожцы весело гребли вверх «при звуках сурьм и бое котлов». Внезапно подул сильный встречный ветер – строй лодок нарушился, и казаки гребли на месте. И тут ляхи открыли огонь из пушек. Казаки потеряли несколько лодок, в том числе и флагманскую. Самому Подвысоцкому удалось спастись, но запорожцы были вынуждены вернуться назад. Теперь поляки могли без помех расправиться с окруженными войсками Лободы и Наливайко.

Жолкевский, имевший 5 тысяч одних только жолнеров, не считая шляхетских отрядов, не решился на штурм. Он понимал, что имеет дело с людьми, по его же словам, отважными, принявшими «в своем положении» решение сражаться насмерть. И вместо штурма поляки подкупили нескольких предателей, которые в ночь на 24 мая схватили атаманов Наливайко и Матвея Шаулу (Саулу) и выдали полякам. Они же и пропустили поляков в лагерь. Началась страшная резня, паны и жолнеры убивали всех, кто попадался под руку. Очевидец И. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в лагере с чернью и с женами их было до десяти тысяч».

Наливайко был привезен в Варшаву, где после долгих недель пыток его казнили 11 апреля 1597 г.

Так закончился XVI век. Польша и Литва вступили при Сигизмунде III в новую эпоху. Сигизмунд ухитрился насмерть поссориться со шведами, а через несколько лет он на много столетий, если не навсегда, поссорит поляков с Россией.

Внутри страны король объявил войну православной церкви и казакам. Если раньше между русскими, литовцами и ляхами шли споры за различные привилегии, то теперь вопрос стоял по-другому – быть или не быть православной вере, русскому языку и вообще русским людям. У них оставалось три выхода: погибнуть, ополячиться или сломить шею Речи Посполитой.

Раздел II Столетняя «Руина»

Глава 1 Запорожцы в СМУТНОМ ВРЕМЕНИ

В 1602 г. в Польшу из Москвы бежал самозванец, объявивший, что он – царевич Димитрий, чудесно спасенный от рук убийц в 1591 г. в Угличе. Им оказался чернец московского Чудова монастыря Григорий, в миру бывший боевой холоп бояр Романовых – дворянин Юрий Отрепьев. Интрига была затеяна смиренной монахиней Марфой, в миру Ксенией Ивановной, женой боярина Федора Никитича Романова. Непосредственно инструктаж Гришки проводил игумен Чудова монастыря Пафнутий.

В Речи Посполитой Григорий Отрепьев побывал в Киеве, Остроге, Гоще и Брачине. В центре секты в Гоще самозванец надеялся найти помощь у ариан. Руслан Скрынников писал: «Имеются данные о том, что самозванец ездил в Запорожье и был с честью принят в отряде запорожского старшины Герасима Евангелика.

Прозвище старшины указывает на принадлежность его к гощинской секте. Если приведенные данные достоверны, то отсюда следует, что ариане помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками»¹¹⁰.

Так было или иначе, но ариане не могли быть серьезной опорой самозванцу, и он сделал ставку на авантюриста Юрия Мнишека¹¹¹. Мнишек собрал для своего будущего зятя частную армию в 1,6 тысячи человек. К моменту перехода русской границы в армии Мнишека было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по двести сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от двух до трех тысяч казаков и до двухсот «москалей», то есть беглых русских.

По версии Яворницкого в городе Севске к самозванцу подошло 12 тысяч малороссийских казаков, разделявшихся на конников (8 тысяч) и пехотинцев (4 тысячи), «с арматой из 12 исправных пушек; между малороссийскими козаками немало было и собственно запорожских или низовых козаков»¹¹².

На мой взгляд, это явное преувеличение: малороссийских казаков было раза в три меньше, а запорожских – несколько сотен. В любом случае запорожские казаки не играли особой роли при Лжедмитрии I.

В 1606 г. под руководством Зебжидовского паны учинили мятеж против короля Сигизмунда III. Поляки это называли вполне законным мероприятием – рокошем. В следующем году паны рокошане были разбиты королевскими войсками. В ходе рокоша мятежники привлекли на свою сторону большое число малороссийских шляхтичей, а также запорожских казаков. После подавления мятежа почти вся эта публика отправилась на службу к Лжедмитрию II, вошедшему в историю под именем Тушинского вора.

Всего к весне 1608 г. в войске Лжедмитрия II оказалось 2020 запорожцев. Их начальниками были Гриц (700 человек), Подвидзавский (750 чел.), Ростенецкий (500 человек) и Лис (100 человек). Общая же численность войска самозванца составляла 14 220 человек.

¹¹⁰ Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 46.

¹¹¹ Подробнее о Юрии Мнишке и его семействе рассказано в моей книге «Давний спор славян: Россия, Польша, Литва» в главе «Вторжение в Россию частных польских армий».

¹¹² Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 138.

Как видим, большей частью запорожцев в Тушино командовали польские шляхтичи Подвидзавский и Ростенецкий, а меньшей – атаманы Гриц и Лис. Откуда взялись два последних персонажа – неизвестно. В конце правления Сигизмунда III малороссийские казаки убили «королевского атамана Грицька»¹¹³. Видимо, тушинец Гриц и этот Грицька были одним и тем же лицом.

Несколько позже запорожцы разошлись по разным польским отрядам. Несколько десятков или даже сотен запорожцев были в отряде Александра Лисовского – отпетого бандита, приговоренного в Польше к смерти. Вместе с Лисовским запорожцы осаждали Троице-Сергиев монастырь с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г. Об их участии в осаде упоминает и участник боевых действий Авраамий Палицын.

Однако в целом действия запорожцев в Смутное время практически невозможно отличить от действий польской и малороссийской шляхты, а также донских, волжских и местных «воровских» казаков.

Вот, к примеру, дикими расправами над населением в 1608 г. прославился какой-то атаман Наливайко. «Владимирский воевода Вельяминов [сторонник Лжедмитрия II. – А. III.] принужден был вооружиться против козаков или загонных людей, опустошавших Владимирский уезд. Посланный против них отряд взял в плен начальника грабителей – пана Наливайко... Весть о злодействах Наливайко дошла и до Тушина и привела в сильный гнев самозванца, который хорошо видел, как вредят козаки успеху его дела; он послал во Владимир приказ немедленно казнить Наливайко, а Сапеге, просившему освободить его, писал выговор в следующих словах: „Ты делаешь не гораздо, что о таких ворах упрасиваешь: тот вор Наливайко наших людей, которые нам, великому государю, служили, побил до смерти своими руками, дворян и детей боярских и всяких людей, мужиков и женок 93 человека. И ты бы к нам вперед за таких воров не писал и нашей царской милости им не выпрашивал; мы того вора Наливайку за его воровство велели казнить. А ты б таких воров вперед сыскивал, а сыскав, велел также казнить, чтобы такие воры нашей отчины не опустошили и христианской истинной православной крови не проливали“»¹¹⁴.

Однако доказательств того, что Наливайко и его люди были запорожцами, нет. Тот же Яворницкий пишет: «...какие именно то были козаки, т. е. были ли то украинские, запорожские или какие-нибудь бродяги, принявшие имя козаков»¹¹⁵.

То, что делал Наливайко в России, запорожцы творили повсеместно. Так, в 1601–1603 гг. поляки попытались использовать запорожцев в войне со шведами в Прибалтике. Казаки в борьбе со шведами «ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар. Под 1603 годом: были козаки запорожские, какой-то гетман, именем Иван Куцка, с 4000 народа, брали приставство с волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей коп 50, жита мер 500 и т. д. В том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своеволие: что кто хочет, то и делает; приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил козакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть; все люди плакали, богу-создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда козаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин,

¹¹³ Грабеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С. 273.

¹¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 4. С. 523.

¹¹⁵ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 140.

девиц, детей и лошадей с собою много брали; один козак вел лошадей 8,10, 12, детей 3,4, женщин и девиц 4 или 3»¹¹⁶.

В 1609 г. король Сигизмунд решил вторгнуться в Московию. До этого там воевали исключительно частные армии польских и литовских магнатов. В сентябре того же года коронное войско осадило Смоленск. В составе войска было 12,5 тысячи человек, из которых 1659 – реестровые казаки. Кроме того, к войску присоединилось некоторое количество литовских татар и запорожцев. Откуда-то взялась цифра – 10 тысяч запорожских казаков. Да их тогда не было столько вообще, а если прибавить тех, кто уже был в России с Тушинским вором, кто остался в Сечи стеречь Приднепровье от татар?

Командовал запорожцами некий Олевченко. «Под Смоленском они заняли позицию около Духовского монастыря и расположились там своим табором. Впрочем, существенной пользы запорожские казаки королю на этот раз не оказали, так как они, не любя подчиняться никаким требованиям военной дисциплины, то приходили к городу, то уходили и больше занимались исканием добычи в селах и деревнях, чем продолжительной и скучной осадой города. В начале 1610 года казаки особенно разбойничали в Зубцовском уезде, в расстоянии около 300 верст от Москвы и около 200 верст от Твери. Вслед за тем запорожские черкасы принимали участие, вместе с поляками и литовцами, во взятии городов северской Украины – Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгород-Северска, Мосальска и Белой, заставляя жителей присягать польскому королевичу Владиславу. Жители названных городов, особенно двух первых, оказывали запорожским черкасам жесткое сопротивление и, зажигая города, бросали в пламень свои имущества, а потом кидались в него сами и погибали»¹¹⁷.

В 1611 г. воевода Прокопий Ляпунов начал собирать ополчение против поляков. Сигизмунд III решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину отряд запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся князь Дмитрий Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Активно действовали шайки запорожцев и на Русском Севере. Имена атаманов нам ничего не говорят: то ли это были запорожцы, то ли донцы, то ли с Волги – язык-то везде русский. Есть большое подозрение, что атаман Иван Балаш был если не запорожцем, то малороссом. Возможно, это он в 1632–1634 гг. поднял крестьянское восстание, центром которого стал Стародуб. Балаш был пойман поляками и погиб в тюрьме.

Весьма вероятно, что именно запорожцы убили Ивана Сусанина. Позже убийство было приписано большому отряду поляков, которые-де хотели изловить новоизбранного царя Михаила Романова. По официальной версии поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию С. М. Соловьева. Как известно, Федор Глинка пошел дальше. У него Иван Сусанин завел целый полк поля-

¹¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. С. 438.

¹¹⁷ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 141.

ков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина.

У Соловьева и Глинки Сусанин спасал царя. Посему и опера получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей – граждан города Костромы. В 90-х гг. XX в. «демократы» вернули опере первоначальное название, и там Сусанин опять спасает царя.

В советское время вся пропагандистская шумиха с Сусаниным явно отдавала враньем. Это чувствовали даже дети. В нашей школе большой популярностью пользовались анекдоты о Сусанине, которые были на четвертом месте после анекдотов о Василии Ивановиче, чукче и армянском радио.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612/13 г. в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX в. профессором Н. И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали его пытать и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Зато в начале 1613 г. через костромские леса пробирался отряд малороссийских или запорожских казаков. Они пограбили Поморье и теперь шли в Елифань на соединение с отрядом атамана Заруцкого. Они-то и начали пытать Сусанина, дабы выведать, куда он спрятал свои ценности или о дорогах к другим деревням.

Надо ли говорить, что за тестя, замученного казаками, а таких на Руси было десятки тысяч, Богдан Собинин не получил бы ни копейки. И вот в 1619 г. Собинин обратился к царю Михаилу с челобитной, где рассказал, что-де его тестя Ивана Сусанина Богдашкова литовские люди запытали, дабы узнать, где государь. Чудесная сказка понравилась царю и его матери. Зятю дали денег и грамоту, подтверждавшую героическое поведение Ивана Богдашкова.

Первым и последним более-менее организованным походом запорожцев в Россию в Смутное время стал поход гетмана Сагайдачного.

Петр Конашевич Сагайдачный родился в селе Вишенька в окрестностях города Самбора (Западная Галиция) в семье мелкого православного шляхтича. В 1606 г. казаки без санкции польских властей выбрали Сагайдачного гетманом, и он стал именовать себя гетманом обеих сторон Днепра и Войска Запорожского.

Пока одна часть запорожцев грабила Московское государство вместе с поляками, другая часть во главе с Сагайдачным действовала против турок и татар. В 1605–1606 гг. казаки захватили города Аккерман и Килию, а также взяли штурмом самую сильную турецкую крепость на западном побережье Черного моря Варну. В Варне запорожцы взяли добычи больше, чем на 180 тысяч золотых рублей¹¹⁸. Об этом в Малороссии была даже сложена песня:

Була Варна здавна славна.
Славнішії козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в ній турків забрали.

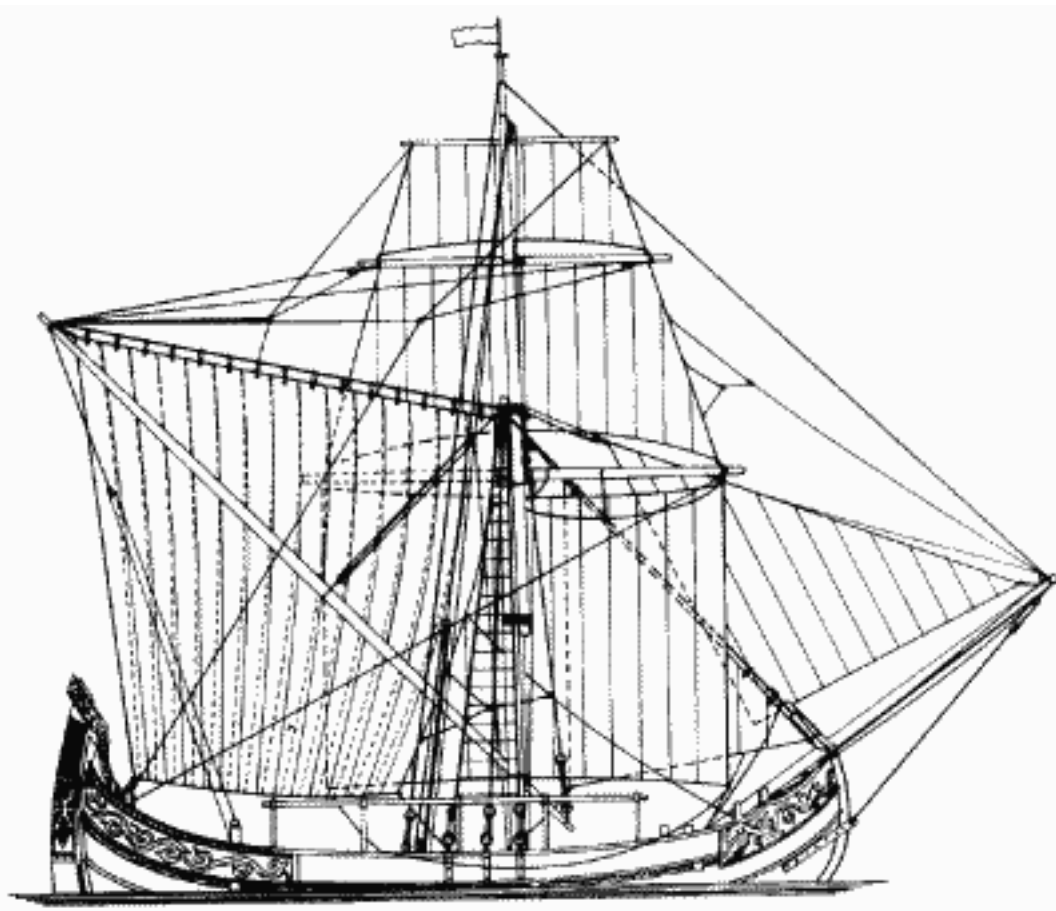
¹¹⁸ 1 золотой рубль в XVII в. равнялся примерно 17 золотым рублям начала XX в.

В 1613 г. казаки дважды выходили в море и разорили несколько городов на юге Крымского полуострова. Турки выслали отряд гребных судов под Очаков – к входу в Днепро-Бугский лиман, надеясь там перехватить казаков при возвращении домой. Но запорожцы темной ночью скрытно подошли к турецким кораблям и атаковали турок. Несколько басурманских судов было сожжено, а шесть галер захвачено.

В начале весны 1614 г. казаки снова предприняли поход на Черное море, но на этот раз им не повезло. На море поднялась буря и разнесла их в разные стороны. Многие чайки потонули, а остальных выбросило на берег, но там казаков изловили турки и всех перебили.

Несмотря на неудачу, летом того же года до двух тысяч казаков вновь вышли в Черное море. Их вели бывшие турецкие невольники, малороссы-потурнаки, принявшие ислам («потурчившиеся»), ради спасения своих жизней служившие ранее туркам, но сумевшие обмануть их и бежать к запорожцам. Они отлично знали все входы в прибрежные черноморские города и предложили казакам вести их флотилию. Казаки согласились, выйдя в море, двинулись к берегам Малой Азии (Анатолии) и пристали к богатой, крепкой, людной и цветущей гавани Синопу, к тому времени славившейся по всему Востоку как богатством своих жителей, так и прекрасным местоположением с чудным климатом, и потому называемой «городом любовников».

С помощью потурнаков казаки попали в город, разрушили замок, перерезали гарнизон, разграбили арсенал, сожгли несколько мечетей, домов и стоявшие у пристани суда, вырезали множество мусульман, освободили всех невольников-христиан и поспешно ушли из города. Туркам был нанесен ущерб на 40 миллионов злотых.

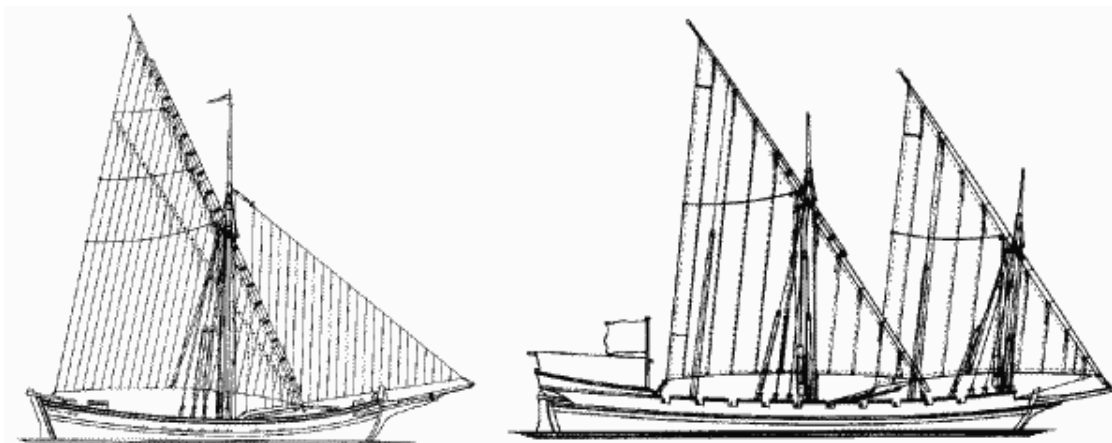
Турецкое прибрежное судно

Известие о нападении на Синоп произвело на турок ошеломляющее впечатление. Султан Ахмед I, узнав об этом, пришел в такую ярость, что поначалу велел казнить великого визиря Насаф-пашу, и только вняв мольбам жены и дочери паши, даровал ему на этот раз жизнь, велел лишь исколотить его буздыганом (большой металлической булавой).

С приказанием же преградить казакам путь домой и истребить их всех до единого султан послал румелийского беглербека Ахмет-пашу. Тот с огромным войском, в котором только янычар насчитывалось до четырех тысяч, отправился к устью Днепра и расположился на урочище Газилер-Гермих («Переправе воинов»). Но казаки обнаружили турецкую засаду и причалили к берегу Днепра ниже «Переправы», вытянули чайки и попытались волоком перетащить их мимо турок, поскольку в этом месте Днепр делал большой изгиб.

Однако турки узнали об этом и напали на казаков, чтобы перебить их всех до единого. Из 2000 запорожцев им удалось убить только 200 и 20 взять в плен. Остальные же, побросав большую часть своей добычи в воду и взяв лишь самое ценное, успели сесть в чайки и уйти от турок. А плененных казаков доставили в Константинополь и там в присутствии жителей Синопа, приехавших с известием о разорении их города, предали мучительной казни.

Весной 1615 г. запорожцы вновь вышли в море. Восемьдесят чаек вошли в пролив Босфор. Казаки высадились на берег ввиду султанской столицы. Для начала они подожгли портовые сооружения в Мизивне и Архиоки. А султан в это время был на охоте. Во время обеда в охотничьем доме он вдруг из окна увидел густой дым от двух пылавших пристаней и купеческих судов. Бросив свои забавы, Ахмед I вскочил в седло и помчался в Стамбул. Прибыв в свою столицу, он немедленно приказал готовить к бою все стоявшие там суда.

Гребные суда турок – основные противники запорожцев: Тартана, Фелюка

А казаки между тем беспечно продолжали свои грабежи и, задавши «превеликий страх и смятение султану и всем цареградским обывателям», спокойно покинули окрестности Стамбула.

Турецкая эскадра сумела нагнать флотилию чаек лишь в устье Дуная. Казаки уходили, как могли, до наступления темноты, а затем повернули и пошли на абордаж. Метая ручные зажигательные снаряды – паклю со смолой, им удалось поджечь несколько османских судов. Еще несколько галер было потоплено, а адмиральскую галеру запорожцы взяли на абордаж и захватили на ней раненого турецкого адмирала. Он предложил казакам выкуп в 30 тысяч рублей, но вскоре умер в плену, так и не дождавшись свободы.

Разгромив турецкую эскадру, запорожцы дошли до Днепро-Бугского лимана и ввиду Очакова демонстративно сожгли трофейные галеры.

В мае 1616 г. в море вышли свыше двух тысяч запорожцев и донцов под предводительством гетмана Петра Конашевича Сагайдачного и опытных старшин – есаула Свиридовича и куренного атамана Якова Бородавки. В Днепро-Бугском лимане они внезапно напали на дежурившую там эскадру Али-паши. Турки были разбиты, а пятнадцать галер стали добычей казаков. Следует заметить, что все крупные турецкие гребные суда различных типов казаки называли галерами.

Затем казаки направились к крепости Кафа. Сагайдачный разделил свое войско на три отряда. Два из них, ведомые Свиридовичем и Бородавкой, должны были с наступлением сумерек напасть на город с суши, а третий отряд под началом самого гетмана – с моря. Казакам удалось под покровом темноты ворваться в город – ворота им открыли православные невольники. Ранним утром запорожцы уже грабили Кафу – проклятый всей Речью Посполитой и Россией город, через который прошли и навсегда исчезли где-то в восточных странах тысячи мужчин, женщин и детей, город, по своему богатству на Черном море уступавший только Константинополю.

Казаки перебили турок и сожгли Кафу, а несколько сотен бывших невольников присоединились к ним. От Кафы Сагайдачный взял курс на юг и пересек Черное море. Благодаря сильному попутному ветру казаки быстро дошли до Минеры, где захватили в порту 26 купеческих судов. От Минеры казаки берегом добрались до Синопа и Трапезунда и взяли приступом оба города, разбили войско паши Цикалы, в море потопили три больших турецких судна, еще несколько судов захватили и повернули домой.

От пленных турок Сагайдачный узнал, что султан отправил к Очакову большую эскадру Ибрагим-паши, чтобы там перехватить казачью флотилию. Тогда гетман решил обмануть Ибрагима и велел держать курс к Керченскому проливу. Чайки запорожцев и струги донцов благополучно достигли устья Дона. Донские казаки отправились по домам, а запорожцы сухим путем двинулись в Сечь.

Весть о казацком погроме Кафы, Синопа и Трапезунда разнеслась по всей Европе. Итальянский священник и писатель первой половины XVII в. Отавио Сапиенция утверждал, что казаков в Запорожье набиралось в то время от 30 до 40 тысяч человек, они выставляли от 200 до 300 чаек, смело разъезжали по Черному морю и в 1616 г., и в 1617 г. с успехом нападали на города Кафу, Синоп и Трапезунд. О взятии Синопа запорожцами в 1616 г. свидетельствует и турецкий путешественник XVII в. Эвлия-эфенди. Он писал, что казаки взяли этот город в одну темную ночь и что по этому случаю великий визирь Насир-паша был казнен за то, что скрыл этот факт от султана.

Несмотря на столь блестящий успех Сагайдачного, запорожцы согнали его с гетманства и выбрали Дмитрия Богдановича Барабаша. Новый гетман весной 1617 г. повел флотилию чаек в очередной поход. На сей раз разграблению подверглись окрестности Стамбула. Как утверждали европейские купцы, «казаки мигали своими походными огнями в окна самого серая».

17 сентября 1617 г. коронный гетман Жолкевский заключил мир с турками. Теперь паны решили разобраться с казаками. Они потребовали от Сагайдачного ограничить число реестровых казаков до одной тысячи и полностью прекратить нападения на татар и турок. Сагайдачный согласился со всеми польскими требованиями и 18 октября 1617 г. подписал Ольшанские соглашения. Поэтому, по крайней мере, часть запорожцев выбрала себе нового гетмана Барабаша. В письме королю гетман Жолкевский хвалился: «Я уже посеял между ними семена раздора: старшие в несогласии с чернью, так как они с радостью завели бы другие порядки».

Однако выполнять условия Ольшанских соглашений Сагайдачному не пришлось. Ляхам потребовалась помощь в борьбе с Москвой, и королевич Владислав лично обратился

к Сагайдачному. Гетману удалось собрать до 20 тысяч малороссийских казаков, среди которых было несколько тысяч запорожцев.

Польское войско Владислава шло на Москву по «парадному» ходу: Смоленск – Вязьма – Можайск. А вот Сагайдачный двинулся с юга почти по пути Лжедмитрия I.

Чтобы избежать обвинений в предвзятости в описаниях «подвигов» казаков, процитирую Яворницкого: «Прежде всего он [Сагайдачный] взял и разорил города Путивль, Ливны и Елец, истребив в них много мужчин, женщин и детей...»¹¹⁹

К сухому описанию Яворницкого добавлю несколько конкретных эпизодов. Так, в Путивле был разграблен Молганский монастырь, а все монахи убиты. То же повторилось в Рыльске со Свято-Никольским монастырем.

«В зависимости от Сагайдачного действовал Михайло Дорошенко с товарищами, который взял города Лебедян, Данков, Скопин и Рязкий, побив в них множество мужчин, женщин, детей „до сущих младенцев“; а потом, ворвавшись в Рязанскую область, предал огню много посадов, побил несколько священников и приступил было к городу Переяславу, но был отбит и ушел к Ельцу. Сам Сагайдачный, взяв Ливны и Елец, направился в Шацкий и Данков и отсюда отправил впереди себя полковника Милостивого с 1000 человек козаков под город Михайлов (Рязанской губернии), приказав ему ворваться ночью в город и взять его. Полковник Милостивый, долго замешкавшись вследствие страшного грома и проливного дождя, успел прийти к городу только августа 12 дня, в тот самый день, когда в город Сапожков пришло 40 человек великорусских ратных людей. Последние, выйдя из Сапожкова города с несколькими обывателями его, не допустили Милостивого до Михайлова „и победили множество воюющих запорог“»¹²⁰.

17 августа к Михайлову подошел сам гетман с основными силами и потребовал сдачи города. Но ратники и обыватели отвергли предложения казаков. Они отвечали со стен крепости: в Москве избран законный царь, и мы ему крест целовали, но ни польских королевичей и каких-либо других правителей нам не надо. 17 августа запорожское войско приступило к штурму крепости.

Сагайдачный приказал стрелять по городу калеными ядрами и пускать стрелы с зажигательными веществами. Запорожцы соорудили «примет» – завалили землей и хворостом ров, подтащили бревна, соорудив своеобразный помост до уровня крепостных стен.

Атаки казаков длились два дня. Тогда какой-то обыватель Митрофан повел осажденных на вылазку через Северные ворота. Казаки не ожидали выступления и бежали. Михайловцам удалось сжечь «все щиты, штурмы и примёты» (различные деревянные защитные устройства).

На следующий день разъяренный Сагайдачный объявил жителям Михайлова, что он возьмет город, как птицу, и предаст огню, а всем жителям от мала до велика прикажет отсечь руку и ногу и бросить псам. 23 августа запорожцы снова стали готовиться к штурму. А защитники на виду запорожского войска совершили крестный ход с иконами и хоругвями по стенам крепости.

С началом штурма михайловцы вновь пошли на вылазку. Со стен города из пушек и пищалей вели огонь не только ратники, но и женщины, и дети. «И всепагубный враг Сагайдачный с остальными запорогами своими отъиде от града со страхом и скорбию августа в 27 день, а жители богохранимого града Михайлова совершают по вся лета торжественные празднества в те дни, в первый приступный день августа в 17 день, чудо архистратига Миха-

¹¹⁹ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 150.

¹²⁰ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 150–151.

ила, а об отшествии от града запорог августа в 27 день празднуют великому чудотворцу Николе»¹²¹.

Оставив Михайлов, Сагайдачный двинулся на соединение с Владиславом, который к этому времени занял оставленный русскими Можайск и двигался к Звенигороду. Московские бояре выслали против Сагайдачного семитысячный отряд во главе с князем Пожарским. Дмитрий Михайлович должен был воспрепятствовать форсированию казаками Оки. Однако в Серпухове Пожарский тяжело заболел и был увезен в Москву, а командование принял второй воевода – окольничий Г. К. Волконский. В конце августа он перешел с войском из Серпухова в Коломну, в направлении которой двигался Сагайдачный. Однако большинство дворян за воеводой не последовали и предпочли остаться в Серпухове. К 25 августа в распоряжении Волконского осталось всего 275 дворян и детей боярских. Подавляющую часть войска Волконского составляли казаки, которые не рвались драться с войском Сагайдачного.

6 сентября запорожцы (по сведениям Волконского, 7000 «старых» казаков и 3000 слуг) начали переправляться через Оку не в районе Каширы, а под Коломной, у устья реки Осетр. Русский воевода спешно двинулся к переправе. Бой на Оке продолжался два дня.

Поначалу запорожцы были отброшены на правый берег, но на следующий день Сагайдачному удалось форсировать Оку. А 8 сентября воинство князя Волконского попросту разбежалось. Большая часть его казаков отправилась во Владимирский уезд, где начала грабить вотчину князя Мстиславского, а сам воевода драпанул в Москву с отрядом из 300 всадников, в основном из дворян. Это позволило Сагайдачному беспрепятственно сжечь Каширу и перебить почти всех ее обывателей. В связи с этим в следующем, 1619 г. было решено город не восстанавливать, а построить новый, и уже не на левом, а на правом берегу Оки.

13 сентября Владислав взял Звенигород, а через 5 дней Сагайдачный вошел в Бронницы. 20 сентября войска королевича и гетмана соединились под Москвой у Донского монастыря.

В ночь на 1 октября поляки и запорожцы¹²² двинулись на штурм Москвы. Между Арбатскими и Никитскими воротами атакующим удалось ворваться в Земляной город, но стены Белого города остались неприступными.

Понесся большие потери, ляхи и запорожцы отступили. 20 октября начались переговоры на реке Пресне, недалеко от современного Белого дома. Послы обеих сторон спорили, сидя на лошадях. Пять дней прошло в бестолковой перебранке. А тут появился Дедушка Мороз, и 27 октября Владислав бросил свой стан в Тушине и двинулся на север на Переяславскую дорогу.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

Сагайдачный пошел на юг по Калужской дороге. Казаки страшно опустошили Серпуховской уезд, сожгли посад самого Серпухова, но взять кремль не смогли. То же самое повторилось и в Калуге – посад разграбили, но кремля не взяли. Под Калугой Сагайдачный простоял до Деулинского перемирия.

1 декабря 1618 г. в селе Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия полякам отдавались уже захваченными ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новго-

¹²¹ Там же. С. 151.

¹²² В данном случае термин «запорожцы» я использую как метку, чтобы не путать с казаками, служившими у московских воевод. В войске же Сагайдачного преобладали малороссийские казаки, а не запорожцы.

род-Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем крепости отдавались вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

Заключить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и холода (вспомним 1812 г.) мог только сумасшедший или преступник. Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!

А между тем имелся еще и внешнеполитический фактор, складывавшийся явно не в пользу поляков. Московский посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая армия перешла Днестр.

В том же 1621 г. шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Война со шведами длилась восемь лет. 16 сентября 1629 г. было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II не только королем Швеции, но и правителем Лифляндии, Эльбинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга.

В 1618 г. началась знаменитая Тридцатилетняя война, в которую немедленно вмешался король Сигизмунд III. Риторический вопрос, что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах?...

Возникает естественный вопрос – собственно, зачем Сагайдачный и его казачество отправились к Москве? Ведь походы Гришки Отрепьева и Тушинского вора по своим целям кардинально отличались от похода королевича Владислава. Оба самозванца хотели захватить власть в Московском государстве и оставить все как есть – православную веру, административный аппарат и т. д., произведя лишь необходимые кадровые перестановки. А в 1617–1618 гг. королевич и шляхта чувствовали себя конкистадорами в землях инков. Они несли погрязшим в ереси туземцам истинную веру и должны были стать господами в новых землях. Овладей ляхи Московским государством, естественно, всем вольностям малороссийских и запорожских казаков пришел бы конец, а возможно, произошло бы и полное искоренение казачества.

Сагайдачный не мог этого не понимать. Так зачем же он пошел? А может, ему ничего не оставалось, как возглавить движение казаков, рвавшихся к легкой добыче?

Вернувшись в Малороссию, Сагайдачный вновь провозглашает себя гетманом. В каких отношениях он был с Барабашем, и все ли запорожцы признали Сагайдачного гетманом – не ясно.

В 1620 г. запорожцы отправились в большой морской поход. Казаки опустошили румелийское (европейское) побережье Турции. Французский посол в Стамбуле де Сези сообщал своему королю, что в августе 1620 г. 150 чаек опустошали западные берега вплоть до столицы. Казаки взяли и разграбили крупный город Варну с населением 15–16 тысяч человек. Турецкий флот перекрыл выход в Днепро-Бугский лиман, и казаки возвратились домой

посуху. В районе Перекопа они подверглись нападению крымских татар, но сумели наголову разгромить неприятеля. К сожалению, не удалось восстановить, кто возглавлял поход 1620 г.

Что же касается самого Сагайдачного, то он, видимо, наконец-то осознал, чем ему и малороссийскому казачеству грозит союз с поляками. Сагайдачный публично покался и просил прощения у иерусалимского патриарха Феофана за злодеяния, совершенные им и его казаками в России в 1618 г.

Мало того, он посылает в Москву своего атамана Петра Одинца «со товарищи» с просьбой принять гетмана вместе со всем Войском запорожским на службу к царю.

В марте 1620 г. Одионец держал речь перед боярами. Вот ее официальная запись: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему великому государю служить головами своими по-прежнему, как они служили прежним великим российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их 5000 человек, было им с крымскими людьми дело по Сю сторону Перекопи под самую стеною; татар было на Перекопи с 7000 человек, а на заставе с 11 000; божиею милостию и государевым счастьем татар они многих побили, народ христианский многий из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его к царской милости к себе ныне и впредь искать хотят». Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигмонт король учинился с турками в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить: так они бы объявили, как польский король с турками, папою и цесарем? А на их веру от поляков какого посягательства нет ли?» Черкасы отвечали: «Посягательства на нас от польского короля никакого не бывало; с турками он в миру, а на море нам на турецких людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаем, и на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих холопей»¹²³. Царь послал Сагайдачному 300 рублей «легкого жалованья» и отправил грамоту.

Вновь прошу прощения у читателя за длинную цитату, но иначе никак не схватить за руку «самойстийных сказочников».

Однако до польско-казацкой войны и вмешательства Москвы в малороссийские дела дело не дошло. Летом 1620 г. большое турецкое войско, около 60 тысяч человек, во главе с Искандером-пашой вступило в Молдавию. На соединение с турками пошел Кантемир-мурза с Белгородской (Буджакской) ордой в 20 тысяч человек. Получив известие об этом, гетман Жолкевский с частными армиями двинулся навстречу туркам. Он занял позицию над рекой Прут у села Цецори вблизи Ясс. 10 сентября 1620 г. турки нанесли полякам поражение, и Жолкевский вынужден был отступить.

27 сентября около Могилева на Днестре армия Жолкевского была полностью разгромлена. При этом погиб и сам коронный гетман. Его отрубленная голова, надетая на копье, была выставлена перед шатром военачальника-победителя, а затем отправлена в Стамбул. Буджакская орда вторглась в Подолию, опустошая все на своем пути, захватывая в плен ее жителей. Татарские отряды, продвигавшиеся вглубь Малороссии, появлялись даже в окрестностях Львова.

Разгром коронной армии вызвал в Варшаве панику. В катастрофе в Молдавии сеймовые послы обвинили правительство, в особенности коронного гетмана Жолкевского. Ослепленный спесью и ненавистью к казакам, говорили послы сейма, он не призвал их к походу

¹²³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. С. 439.

в Молдавию и этим обрек на гибель польское войско. Не желая делить с казаками лавры будущей победы, Жолкевский, по их словам, говорил: «Не хочу я с Гринями воевать, пускай идут на пашню или свиной пасти».

В конце концов паны решили пойти на уступки казачеству: старшинам пообещать от имени короля земельные владения, ослабить притеснения православных, увеличить число реестровых казаков и т. д.

А в это время Сагайдачный был занят... церковными делами. Он еще задолго до сейма приступил к восстановлению православной иерархии, ликвидированной в Малороссии после Брестской унии 1596 г.

Весной 1620 г. Сагайдачный с почетным казацким эскортом встретил иерусалимского патриарха Феофана и бдительно охранял его от польских панов. Осенью того же года Феофан посвятил в Киеве Иова Борецкого в сан киевского митрополита, а Исая Копинского – в сан перемышльского епископа. Позднее были посвящены еще четыре епископа на малороссийские и белорусские епархии, среди них на луцкую – Исаакий Борискович. Замечу, что Иов Борецкий, Исайя Копинский и Исаакий Борискович были не только активными борцами против окатоличивания и полонизации, но и горячими поборниками идеи воссоединения Малороссии с Россией.

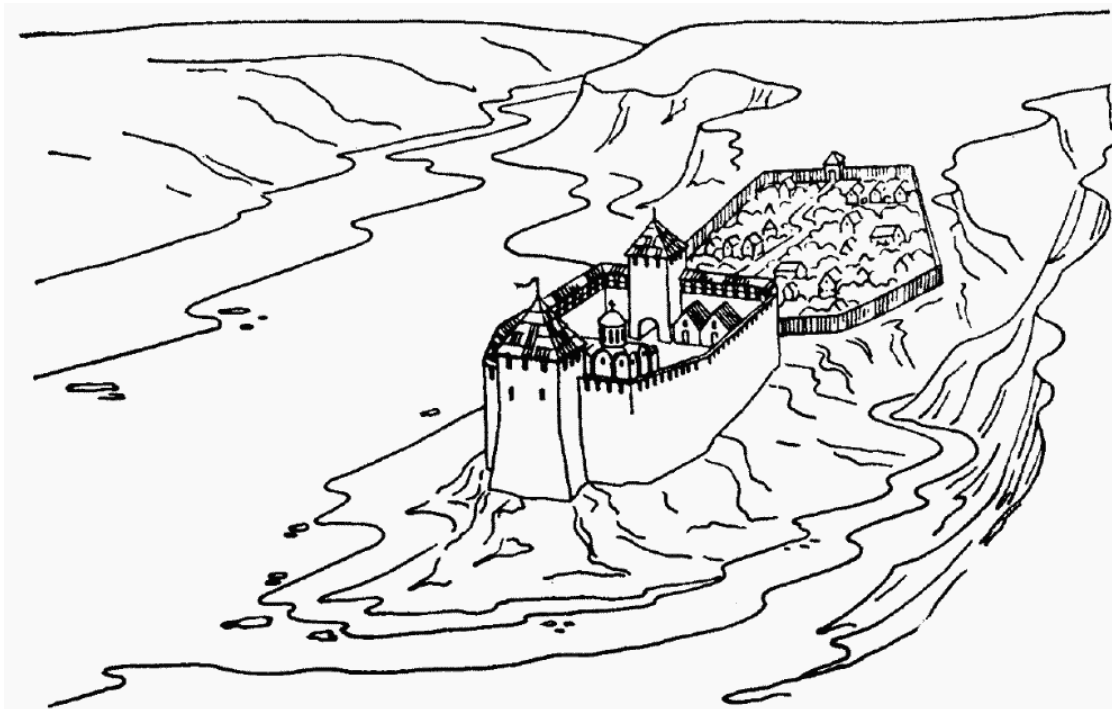
Посвящение православных иерархов было враждебным по отношению к польскому правительству актом, поэтому, когда патриарх Феофан в начале 1621 г. отправился на родину, Сагайдачный с тремя тысячами казаков сопровождал его до местечка Буши на польской границе.

Приблизительно в это же время произошло еще одно важное событие – вступление гетмана Сагайдачного вместе со всем реестровым войском в православное Киевское братство.

Сагайдачный по-прежнему считался «гетманом обеих половин Днепра», но запорожцы еще в конце 1619 г. выбрали другого гетмана – Яцка Нероча Бородавку, по происхождению из хлопов. Однако вторжение турок побудило Сагайдачного и Бородавку заключить временный союз. Объединение обеих казацких армий произошло весной 1621 г., когда передовые отряды турок подошли к устью Днепра. Вслед за ними двигались главные турецкие силы во главе с султаном Османом II.

5–7 июня 1621 г. оба казацких войска – Сагайдачного и Бородавки – сошлись на раду в урочище Сухая (или Черняхова) Дубрава, находившемся между Ржищевом и Белой Церковью. По словам очевидца ксендза Оборницкого, на раду собралось около 40 тысяч человек. Прибыл и митрополит Иов Борецкий с многочисленным духовенством, и королевские посланцы, которые объявили казакам постановление сейма, прибавив к нему разные обещания. В своем слове на раде гетман Бородавка напомнил казакам о том, что они представляют собой грозную силу: «Перед войском Запорожским дрожит земля польская, турецкая и целый мир». Масса вооруженных казаков и бурная обстановка, в которой происходила рада, производили сильное впечатление. Ксендз Оборницкий писал: «Нужно опасаться, как бы дело не дошло до восстания, до крестьянской войны. Уж очень они разошлись тут, увидев себя в такой собрании и силе... Храни, Боже, здешних католиков... им некуда будет бежать... Все живое поднялось в казачество»¹²⁴.

¹²⁴ История Украинской ССР. Т. 2. С. 411.

*Хотинский замок и посад. Вторая половина XIII века – первая половина XIV века.
Реконструкция Ю. Г. Логвина*

Рада приняла предложения польского сейма о выступлении в поход против турок и отправила к королю своих представителей: Сагайдачного, владимирского епископа Курцевича и еще двоих. Казацкое войско во главе с Бородавкой двинулось в Молдавию навстречу армии Османа II, а казацкие представители – в Варшаву, куда и прибыли в июле 1621 г. во время очередного сейма.

Турецкая и польско-казацкая армии встретились у Хотина. Накануне сражения Сагайдачному удалось схватить, а затем казнить Бородавку. Сторонники последнего не рискнули начинать усобицу перед лицом страшных османов.

25 августа 1621 г. султан Осман II приказал начать штурм укрепленного казацкого лагеря. После ожесточенного боя, потеряв 3300 человек, турки отступили. Сражение продолжалось еще 5 дней с переменным успехом. Затем наступила трехнедельная пауза, во время которой боевые действия ограничивались локальными стычками. 18 сентября турки вновь атаковали польский лагерь, но были отбиты.

Обе стороны понесли большие потери и 29 сентября 1621 г. заключили мир. Первым и важнейшим пунктом мирного договора, на котором особенно настаивал султан, было обязательство Польши запретить казакам нападать на турецкие владения, а в случае неповиновения карать их за это. Польский король должен был также платить крымскому хану «упоминки» (дань) и т. д. Султан, со своей стороны, обязывался сдерживать Крымскую, Белгородскую и другие орды от нападения на Польшу, а также назначать на молдавский престол лиц, дружелюбно относящихся к Польше.

В итоге битва под Хотинском кончилась вничью, а мирный договор для поляков можно считать компромиссным лишь с большой натяжкой – хорош победитель, который по мирному договору обязуется платить дань побежденному.

Тем не менее и поляки, и украинские националисты считают битву под Хотинском блестящей победой польского или, соответственно, казацкого оружия.

В битве с турками Сагайдачный получил тяжелую рану, от которой ему не было суждено оправиться. 10 апреля 1622 г. он умер и был погребен в Киеве в Богоявленской церкви

Братского монастыря. В начале XVIII в. при перестройке церкви могила Сагайдачного была разрушена, а к началу XX в. никто не знал ее местонахождения. Думаю, сейчас самостийники найдут его могилу. Чьи кости там будут – неважно. Главное – помпа и громкие речи о «вильной Украине», созданию которой-де оный гетман посвятил всю свою героическую жизнь.

Под Хотинном сражалось около 40 тысяч запорожских и реестровых казаков, в числе которых были и тысячи крестьян, для которых война с турками была поводом бежать от барщины. Пока эти казаки дрались на суше, часть запорожцев отправилась бить турок на море.

В 1621 г. 1300 донских казаков и 400 запорожцев вышли ранней весной в Азовское море. Атаманы Суляно, Шило и Яков Бородавка избрали целью похода город Ризе на юго-западном берегу Черного моря. Казаки взяли штурмом дворец паши, понеся большие потери. На обратном пути казаков застал сильный шторм, во время которого затонуло много стругов. Тут на них напала турецкая эскадра из 27 галер. Только 300 донцов и 30 запорожцев на восьми стругах прорвались в Дон и вернулись домой.

В июне 1621 г. шестнадцать чаек появились у Стамбула, в городе началась паника. Казаки прошли вдоль берега Босфора, разоряя и сжигая все села на своем пути. На обратном пути в районе устья Дуная произошло сражение казаков с эскадрой капудан-паши Халиля. Несколько чаек туркам удалось захватить. Пленных казаков публично казнили в городе Исаки на Дунае в присутствии самого султана: давили слонами, разрывали галерами на части, закапывали живьем, сжигали в чайках, сажали на кол. Осман II с удовольствием смотрел на казни и даже принимал в них активное участие. Разъезжая на коне возле истязаемых казаков, он стрелял в них из лука почти без промахов, так как был искусным стрелком, а головы убитых казаков султан приказывал солить и отправлять в Константинополь.

В том же году произошел и «дебют» молодого атамана Богдана Хмельницкого, который вывел в Черное море флотилию чаек. В августе 1621 г. в морском бою запорожцы утопили 12 турецких галер, а остальные преследовали до Босфора.

Весной 1622 г. на Дон прибыл отряд запорожцев с атаманом Шило. Вместе с донцами они двинулись на стругах вниз по Дону. В устье реки казаки атаковали турецкий караван и захватили три судна. Затем казаки пограбили татар в районе Балыклеи (Балаклавы), погуляли у Трапезунда и, не дойдя 40 километров до Стамбула, повернули назад. На обратном пути их перехватила турецкая эскадра из 16 галер. В бою погибло 400 казаков, а остальные благополучно вернулись на Дон.

В июле того же 1622 г. сто запорожских чаек прорвались мимо Очакова в Черное море. В это время у Кафы стояла турецкая эскадра с капудан-пашой во главе. Эскадра должна была поспособствовать смене власти в Бахчисарае – турки вместо Мухаммеда Гирея II хотели сделать ханом Джанибека Гирея. Появление казацкой флотилии у стен Кафы склонило чашу весов на сторону Мухаммеда Гирея.

От Кафы казаки отправились к Босфору. Весь день 21 июля чайки простояли в виду османской столицы, наводя страх на ее жителей, а потом повернули обратно. Однако через несколько дней казаки возвратились и на этот раз сожгли босфорский маяк, разорили несколько прибрежных селений и снова отошли в открытое море.

Но казаки на этом не успокоились, и 7 октября их чайки опять появились в виду Константинополя. Они ворвались в Босфор, разгромили на его берегу селение Еникой и благополучно возвратились домой.

В июле 1622 г. французский посол сообщал в Париж, что казаки на 30 чайках разорили анатолийское побережье и нагнали страху на жителей Стамбула, вызвав у них настоящую панику. По этому поводу посол писал: «Слухи о четырех чайках в Черном море пугают турок больше, чем чума в Морее или Берберии – так напуганы они с этой стороны».

В июне 1624 г. около 150 чаек опять прорвались в Черное море. Через три недели чайки вошли в Босфор и двинулись к Константинополю. Турки срочно отремонтировали большую железную цепь, сделанную еще византийцами, и заперли ею залив Золотой Рог. Казаки сожгли Буюк-Дере, Зенике и Сдегну, а затем уплыли обратно.

В следующем, 1625 году 15 тысяч донских и запорожских казаков на 300 чайках из Азовского моря вышли в Черное море и двинулись к Синопу. Каждая чайка несла по 3–4 фальконета. На западном берегу моря при Карагмане с ними в сражение вступили 43 турецкие галеры под командованием Редшида-паши. Вначале казаки брали верх, но затем ветер подул в лицо казакам. В результате они потерпели неудачу. Было потоплено 270 чаек, а 780 казаков попало в плен. Часть из них была казнена, а часть отправлена навечно на галеры.

Монах-доминиканец Э. д'Асколи, побывавший в Крыму в 1634 г., писал, что казаки в 20-30-х гг. XVII в. неоднократно штурмовали турецкую крепость в Керчи, но взять ее не смогли. Зато Судакская долина стала необитаемой от казачьих набегов. Д'Асколи посетил город Инкерман (район нынешнего Севастополя), до основания разрушенный казаками.

Походы казаков происходили почти каждый год, и обо всех просто нет возможности упомянуть.

В 1628 г. донские казаки захватили Балаклаву, затем поднялись в горы и напали на город Карасубазар. Не имея возможности унять донцов, крымский хан написал кляузу в Москву: «Казаки их крымские улусы повоевали и деревни пожгли и лутчей город Карасов [Карасубазар. – *А. III.*] выжгли, и ныне, де казаки стоят в крымских улусах и шкоды людям их чинят».

В 1631 г. полторы тысячи донцов и запорожцев высадились в Крыму в Ахтиарской бухте, то есть будущем Севастополе, и двинулись вглубь полуострова. 8 августа казаки взяли «большой город» в Козлове, а татары отсиделись в «малом городе». Затем казаки ушли в море и высадились в Сары-Кермене, то есть в давно заброшенном и разрушенном Херсонесе. Здесь они устроили свою базу, из которой опустошали окрестности.

16 августа у Мангула казаки встретились с войском хана Джанибек Гирея. Татары были разбиты, казаки захватили две пушки. Хан бежал из Бахчисарая. Но казаки по неясным причинам ушли назад, разграбив на прощание Инкерман.

Глава 2

Кровавые будни Малороссии

После заключения мира с турками в 1621 г. польские магнаты потребовали урезать численность реестрового войска до 3 тыс. человек и заставить казаков строго выполнять условия договора, то есть не нападать ни на турок, ни на татар. Продолжались и гонения на православную церковь. Так, вожди киевских униатов войт Федор Ходька и мещанин Сазон сделали попытку насильственно опечатать православные церкви в Киеве.

Митрополит Борецкий немедленно отправил жалобу в Сечь гетману Коленику Андрею. Тот прислал отряд запорожцев во главе с полковниками Якимом Чисринцким и Антоном Лазаренко. По дороге к ним присоединились многие казаки крестьяне. В начале января (после крещения) полковники заявили в Киев и распечатали церкви. Войт Ходька и несколько десятков униатов были схвачены и заключены в темницу.

Иов Борецкий прекрасно понимал, что расправившиеся с униатами запорожцы не смогут защитить его и паству от коронного войска, и обратился за помощью к царю. «В феврале 1625 года приехал в Москву от киевского митрополита луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию: „Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепления об этом между вами еще нет; про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним без помощи, и говоришь, что теперь Запорожское Войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков в вере будет утеснение, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви божии и вас всех от еретиков в избавлении видеть“.

Исакий отвечал: „У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государеву рукою быть хотим, об этом советоваться между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государственной милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде“»¹²⁵.

Как видим, московское правительство теоретически было не прочь принять в подданство Малороссию, но при этом не желало затевать большую войну с Речью Посполитой.

Любопытно, что одновременно с демаршем Борецкого принять казаков в подданство царя Михаила попросил... шведский король Густав Адольф, воевавший с Сигизмундом III. В Москву прибыло шведское посольство с грамотой, где говорилось, «чтоб царское величество послал к запорожским козакам свое повеление и отвел бы их от польской короны». На это в Москве ответили, что «этого сделать никак нельзя, потому что запорожские козаки люди польского короля, а не московского государя, а между королем и государем заключено перемирие». Но Густав Адольф на этом не остановился и в 1626 г. прислал в Москву новых послов с просьбой пропустить их в Белоруссию и Запорожье. Король вел войну против Польши и хотел вовлечь в это дело и Москву, а главным образом – запорожских козаков. Но в Москве снова дали отрицательный ответ все на том же основании, что «в перемирные лета сделать этого (пропустить послов и встать против Польши) нельзя, потому что это будет крестному целованию преступление и на душу грех»¹²⁶.

¹²⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. С. 441.

¹²⁶ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 159.

А между тем в конце сентября 1625 г. в Малороссию вторглось 30-тысячное коронное войско во главе с гетманом Станиславом Конецпольским. Помимо шляхтичей в войске состояло свыше 3 тысяч немецких наемников. Момент нападения был выбран ляхами удачно. В среде запорожцев не было единства. Казаки попеременно выбирали в гетманы то Михайла Дорошенко, то Марка Жмайло.

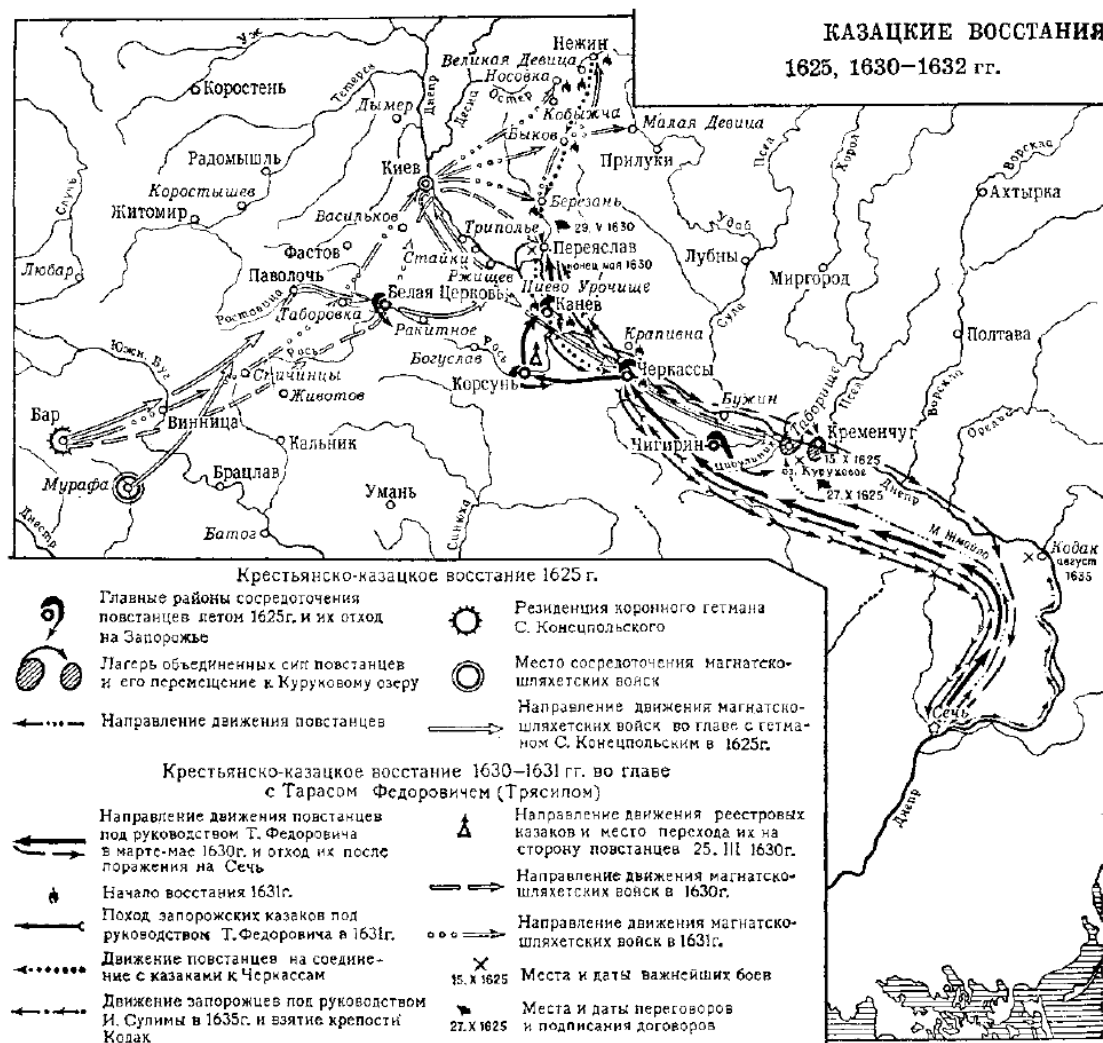
С приближением коронного войска к Поднепровью казаки-повстанцы из Канева, Черкасс и других мест двинулись на юг, к Запорожью, и в устье реки Цыбульник – правого притока Днепра – в селе Таборище встретились с запорожцами, шедшими на соединение с ними под предводительством Жмайла. Тут, около Таборища, в миле от местечка Крылов, объединенные отряды повстанцев стали лагерем. Всего их насчитывалось около 20 тыс. человек.

14 октября 1625 г. коронное войско подошло к Крылову. Конецпольский сразу же отправил к казакам комиссаров с требованием признать постановление сейма 1623 г. о сокращении реестра до 5 тысяч человек и возвращении остальных под власть прежних панов. Вечером к нему прибыли казацкие посланцы с ответом, что казаки не желают выполнять ни одного пункта из предъявленных условий. «Вы вскоре испытаете силу наших сабель на своих головах за вашу непокорность и своеволие», – заявил коронный гетман казацким посланцам.

На следующее утро все коронное войско двинулось на штурм казацкого лагеря, а польская артиллерия открыла сильный огонь. Однако повстанцы не только устояли, но и ответили ударом на удар. Казацкая конница, укрытая в балке, неожиданно атаковала правый фланг поляков, нанеся им большой урон. Все многочисленные попытки Конецпольского прорваться в повстанческий лагерь закончились неудачей. Бой закончился только поздним вечером. Конецпольский отвел свое войско на прежние позиции и стал готовиться к новому штурму.

Однако повстанцы той же ночью оставили лагерь и отошли на восток, к озеру Россоховатое. Переправившись через него, они остановились у озера Курукового, но не успели там укрепиться. Конецпольский перевел вброд через озеро Россоховатое свое войско и сразу бросился в атаку. Под самым повстанческим лагерем поляки попали в трясину и под сильным огнем казаков с большими потерями с трудом выбрались из болота. Бискуп Пясецкий писал: «От казацких самопалов легло немало конницы и особенно иностранной пехоты».

А тем временем наступили холода, выпал первый снег. Конецпольский не имел никакого желания застрять в Поднепровье на всю зиму и был вынужден пойти на переговоры. У казаков тоже были проблемы с боеприпасами и продовольствием. И с 5 по 26 ноября в казацком лагере прошли переговоры. У Жмайла была отобрана булава (дальнейшая судьба его неизвестна) и опять передана Дорошенко. На следующий день новый гетман со всей старшиной прибыл к Конецпольскому и принял условия польской стороны.

Казацкие восстания 1625, 1630–1632 годов

Городовые (малороссийские) казаки признавали себя подданными польского короля, король же увеличивал число реестровых казаков до 6 тысяч, а остальных велено было вывести за реестр и лишить всех казацкого звания. Такие люди были названы выписчиками и составляли огромное большинство против реестровых. Из шести тысяч реестровых казаков одна тысяча должна была по очереди находиться за Днепровскими порогами, не пускать неприятеля к переправам через Днепр и не допускать вторжения его в королевские земли. Всем казакам запрещалось выходить в море, предпринимать сухопутные набеги на земли мусульман и приказывалось сжечь морские лодки в присутствии польских комиссаров.

Из реестровых казаков было составлено шесть полков-округов: Киевский, Переяславский, Белоцерковский, Корсунский, Каневский и Черкасский. Центром полка являлся город (по нему и дано было название), где находилась полковая старшина. Полки делились на сотни. Артиллерия реестра и войсковая «музыка» (трубачи, барабанщики и др.) размещались в Каневе. Над всеми полками стояла войсковая старшина во главе с гетманом.

Сразу оговорюсь: соглашение касалось только городских казаков, запорожцев же статьи соглашения не касались¹²⁷.

¹²⁷ Далее для удобства читателей я, вслед за рядом дореволюционных авторов, буду называть городских казаков малороссийскими, чтобы не путать их с запорожцами, донцами и др. Эта замена тем более уместна, что после 1625 г. я не встречал термина «городовые казаки».

Но уже через несколько месяцев после Куруковского договора семьдесят запорожских чаеток вышли в Черное море. В 1628 г. в Крыму был лишен престола хан Мухаммед Гирей II, а его место занял Джанибек Гирей. Свергнутый хан обратился за помощью к гетману Михаилу Дорошенко, и тот, разумеется, без санкции короля повел казаков (реестровых, нереестровых малороссийских и запорожцев) в Крым. Однако в сражении с татарами в степном Крыму Дорошенко был убит, а его голову воткнули на кол на стене Кафы.

После смерти Михаила Дорошенко в Малороссии оказалось сразу два гетмана – Григорий Черный и Тарас Трясило, из которых первый был сторонником поляков, а второй – сторонником русских. Спасаясь от Черного, Трясило бежал в Сечь к запорожцам. Просидев там около полугода, Тарас вышел оттуда с войском в Малороссию. Шедшие с ним казаки распускали слухи, будто бы идут к Черному с покорностью. Черный поверил молве, но был схвачен запорожцами, доставлен к Трясило и изрублен на куски. После этого Тарас объявил себя гетманом и предъявил свои требования полякам: вывести из Малороссии жолнеров, уничтожить Куруковскую комиссию, ограничившую численность казацкого сословия, и выдать приверженцев Григория Черного.

Генеральное сражение поляков с казаками произошло в конце мая 1630 г. у города Переяслава. (С 1943 г. Переяслав-Хмельницкий.) Историк запорожского казачества Д. И. Яворницкий назвал эту битву «загадочной по своим последствиям». Судя по всему, обе стороны понесли большие потери, и, в конце концов, 29 мая был подписан мирный договор.

Основным источником русских (Соловьев и др.) и украинских историков (Яворницкий, Субтельный и др.) служат показания русского лазутчика Григория Гладкого, родом из Путивля, которые он дал в августе 1631 г. в Посольском приказе в Москве. По словам Гладкого: «Гетман Конецпольский осадил казаков в Переяславе. У польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе выбили, перевозы по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли. После этого бою гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушанье, что они самовольством ходят под турецкие города, и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им на них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000».

Полякам действительно пришлось пойти на уступки. Так, число реестровых казаков было увеличено до восьми тысяч. Судьба же Трясило (в русских документах он именуется Тарас Федорович) точно неизвестна. Соловьев и Яворницкий считали, что его казнили в Варшаве, а более поздние историки (Субтельный, авторский коллектив «Истории Украинской ССР») отрицают это. Мало того, последние утверждают, что перед подписанием соглашения Тарас Федорович ушел с десятью тысячами казаков в Сечь, где был выбран гетманом¹²⁸.

В 1632 г. в Польше умер король Сигизмунд III, и собравшийся по этому поводу сейм приступил к избранию нового короля. В это время на вальный (избирательный) сейм явились депутаты от нереестровых казаков. Ссылаясь на то, что казаки составляют часть польского государства, депутаты потребовали от имени войска обеспечения православной веры и права голоса на выборах короля. На это требование сенат Речи Посполитой ответил казаком, что хотя они действительно составляют часть польского государства, но такую, «как волосы или ногти в теле человека: когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут. Так поступают и с казаками: когда их немного, то они могут служить защитой Речи Посполитой, а когда они размножатся, то становятся вредными для Польши». Относительно обеспечения православной веры казацким депутатам сказали, что этот вопрос рассмотрит буду-

¹²⁸ История Украинской ССР. Т. 2. С. 430.

щий король Польши, а относительно участия в избрании короля ответили, что на избрание короля имеет право сенат и земское собрание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.